

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093**)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2013

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2013

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2013
© Ivanovo State University, 2013

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amyrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Балдин К. Е.* Роль провинциальной интеллигенции в формировании гражданского общества в России на рубеже XIX—XX веков (на примере города Иваново-Вознесенска) 9
- Шипилов А. Д.* Земская интеллигенция и костромское регионоведение в начале XX века 28

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Константинов С. И.* Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России 37

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Золотарев О. В.* Новая интеллигенция? 60
- Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор 71
- Завозяев И. И.* Черты психологии современной интеллигенции и проблемы социальных технологий 81

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Олейник И. И., Олейник О. Ю.* Политика Советского государства в отношении юридической интеллигенции (1917—1920 гг.) 90
- Прокуратов И. В.* Юридическая интеллигенция и «открытая бюрократия» 111

ДИСКУССИЯ

- Данилов А. А.* К вопросу о дефиниции «интеллигенция»
в античной и средневековой философии 125
- Денежкин М. Г.* Проблемы генезиса европейской
интеллигенции: средневековые ваганты 130

ДЕБЮТ

- Бандурин М. А.* Геополитическая ситуация в Европе
накануне и во время Второй мировой войны во взглядах
правых европейских мыслителей — Карла Шмитта,
Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эвола 145
- Аннотации* 166
- Информация для авторов* 174

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Baldin K. E.* Role of the provincial intelligentsia in formation of civil society in Russia at the boundary of the XIX—XX century (on the example of Ivanovo-Voznesensk) 9
- Shipilov A. D.* The territorial intelligentsia and the Kostroma region study at the beginning of the XX century 28

FROM THE HISTORY OF MILITARY INTELLIGENTSIA

- Konstantinov S. I.* Specifics of Civil war in the Uralo-Povolzhsky region and the military intelligentsia of Russia 37

INTELLIGENTSIA IN CONTEMPORARY SOCIETY

- Zolotaryov O. V.* New intelligentsia? 60
- Sibiryakov I. V.* Modern Russian intelligentsia: premature conversation 71
- Zavozyaev I. I.* Features of psychographics of the modern intelligentsia and problems of social technologies 81

LEGAL INTELLIGENTSIA

- Oleynik I. I., Oleynik O. Y.* Policy of the Soviet government concerning the legal intelligentsia (1917—1920) 90
- Prokuratov I. V.* Legal intelligentsia and «open bureaucracy» 111

DISCUSSION

<i>Danilov A. A.</i> Revisited the definition «intelligentsia» in ancient and medieval philosophy	125
<i>Denezhkin M. G.</i> Problems of genesis of the European intelligentsia: medieval vagants	130

DEBUT

<i>Bandurin M. A.</i> Geopolitical situation in Europe on the eve of and during the World War II in views of right European thinkers Charles Schmitt, Martin Heidegger, Julius Evola	145
<i>Annotations</i>	166
<i>Information for authors</i>	174

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)531-283.2

К. Е. Балдин

РОЛЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА)

В настоящее время в Российской Федерации происходит сложный и неоднозначный процесс формирования гражданского общества, которое в нашей стране пока очень молодо, его возраст насчитывает всего около двух с половиной десятилетий. У серьезных исследователей и рядовых граждан естественно возникает вопрос о том, насколько эффективно идет складывание этого института, необходимого для любого «благоустроенного» государства. Однозначно можно утверждать, что в нашей стране гражданское общество пока не достигло параметров, характерных для стран, в которых существование демократии исчисляется сотнями лет.

Для более динамичного развития элементов гражданского общества весьма важен опыт, который был накоплен в условиях пореформенной модернизации нашей страны. Разумеется, в этот непродолжительный период оно не успело сформироваться, но можно констатировать, что отдельные фрагменты этого институ-

© Балдин К. Е., 2013

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета. kebaldin@mail.ru

Работа осуществлена при поддержке гранта РГНФ № 12-11-37001 (2012 г.).

та в рассматриваемый период все же возникали, медленно и ощупью происходил процесс социокультурной самоорганизации общества. В стране открывались сотни и тысячи благотворительных, просветительных, медицинских, развлекательных, спортивных и иных организаций. Вместе с ними возникало то, что уже тогда называли словом «общественность», т. е. совершенно определенный слой людей, пока довольно немногочисленный.

При этом надо иметь в виду, что опыт общественной деятельности, накопленный в конце XIX — начале XX в., должен учитываться и использоваться в современных условиях не непосредственно, а опосредованно, с поправкой на то, что со времени исследуемых событий прошло более столетия.

Уже в первом приближении к обозначенной теме ясно, что интеллигенция играла существенную роль в общественном строительстве. Это в равной мере касалось и российских столиц, и провинции. Ее вклад в деятельность общественных организаций заключался, разумеется, не в денежных дотациях, а в организационной работе, без которой было невозможно функционирование общественных структур.

Географические рамки работы ограничены городом Иваново-Вознесенском. Здесь на рубеже XIX—XX вв. работало несколько десятков общественных объединений различной направленности, а интеллигенция составляла хотя и незначительную по численности, но довольно активную страту местного населения. Нужно также учитывать, что «Русский Манчестер» в отличие от многих других городов России являлся крупным индустриальным центром, и это накладывало свои особенности как на общественные организации, существовавшие здесь, так и на интеллигенцию.

Этот слой населения был весьма неоднороден по своей профессиональной подготовке и квалификации, широте общекультурного кругозора, а также по уровню своих доходов и загруженности работой. В среднестатистическом городе наиболее многочисленным профессиональным отрядом интеллигенции являлись, как можно легко догадаться, педагоги. Однако практически все из перечисленных характеристик зависели от места их работы. Учителя начальных школ, как правило, имели общее среднее или профессиональное среднее образование. При невысоких заработках педагогическая нагрузка у них была весьма

значительной. Например, в 1911 г. в городских начальных школах Иваново-Вознесенска жалование учителя составляло 300 руб. в год, т. е. 25 руб. в месяц, в это время рабочий средней квалификации получал немногим больше¹. Все эти обстоятельства не позволяли педагогам начальных школ принимать активное участие в общественной деятельности — у них не было для этого ни времени, ни средств.

Учителя средних учебных заведений находились в ином положении: большинство имели университетские дипломы, а нагрузка в школе заметно меньше. Их жалование было в несколько раз выше, чем у педагогов начальных училищ. В начале XX в. преподаватели реального училища в Иваново-Вознесенске получали в год 1500 руб., т. е. 125 руб. в месяц², что давало им возможность принимать участие в общественных организациях.

Врачи, как и учителя средних школ, имели высшее образование и получали заработную плату не меньшую, чем они. Вдобавок, большинство из них подрабатывало частной практикой, что давало немалый дополнительный заработок. Их профессиональная загруженность была очень большой, но они все же находили время для того, чтобы заниматься общественной деятельностью.

Особенностью Иваново-Вознесенска как крупного индустриального центра было то, что здесь наряду с педагогической и медицинской интеллигенцией существовала прослойка технической интеллигенции — инженеров, получивших образование в технических вузах и трудившихся на текстильных предприятиях. Продолжительность рабочего дня у них была заметно меньше, чем у рабочих и мелких фабричных служащих, поэтому они имели свободное время для занятий общественной деятельностью. Кроме того, в «Русском Манчестере» инженеры являлись наиболее высокооплачиваемой группой работников интеллектуального труда. Зарплата начинающего инженера была не меньше, чем у врача. Те же, кто имел большой опыт и стаж работы, получали по несколько тысяч рублей в год, иногда входили в число акционеров предприятия и даже в его правление, получая свою часть дивидендов от ежегодной прибыли той или иной фирмы.

Существуют различные типы классификации общественных организаций. В настоящее время в научных исследованиях чаще используется классификация по целеполаганию: историки

делят эти организации на два типа — общества для обеспечения материальной жизни населения и общества для совершенствования духовной жизни людей. Первый тип включает общества рационального хозяйствования, вспомогательные, охраны здоровья, спортивные объединения. Ко второму принадлежат организации интеллектуального развития, нравственного воспитания, эстетического направления, развлекательные.

Еще одним принципом классификации общественных организаций может служить их социальный состав. Учитывая объект данного исследования, ранжируем эти объединения в городе Иваново-Вознесенске по степени участия в них интеллигенции.

Во-первых, существовали организации, в которых интеллигенция не присутствовала или ее роль была очень невелика. Так, практически не было интеллигенции в обществе приказчиков, объединявших мелких фабричных служащих, в общедоступном клубе, куда ходили те же мелкие служащие и рабочие. Нельзя сказать, что интеллигенция играла какую-либо заметную роль в Иваново-Вознесенском обществе охоты или в кружке любителей рыбной ловли. Первым из них руководили фабриканты и крупные торговцы, вторым — средние и мелкие фабричные служащие.

Во-вторых, в городе имелись объединения, где интеллигенция не составляла большинства членов, но играла существенную роль. В обществе трезвости, местном отделении Императорского Русского технического общества (ИРТО), кружке любителей художеств, музыкальном кружке интеллигенция обеспечивала их функционирование, но финансирование и управление этих объединений находилось в руках местной промышленной и торговой элиты.

В-третьих, особый интерес автора вызвали организации, которые по своему социальному составу были чисто интеллигентскими. Таких в городе насчитывалось не так много, по нашим данным — всего три: медицинское общество (врачи), кружок технологов (инженеры), Новый клуб (врачи, педагоги, инженеры, адвокаты и другие лица свободных профессий).

Возникновение организаций, относившихся к третьему типу, было связано с тем, что интеллигенция не находила удовлетворения своим запросам в других общественных объединениях. Например, до создания Нового клуба врачи, педагоги, инженеры участвовали в других клубных объединениях — Общественном

собрании и клубе приказчиков. Однако на определенном этапе в этих развлекательных организациях произошли неблагоприятные изменения. В Общественном собрании ежегодный взнос был повышен до 50 руб., что превратило это общество в элитарное³. Одновременно заметно испортился моральный климат в клубе приказчиков. Основным видом досуга здесь стала азартная игра в карты, не обходилось без скандалов⁴. Все это заставило общественно активные силы интеллигенции взяться за составление устава Нового клуба, который утвердили в 1909 г.⁵

Как нам представляется, возникновение кружка технологов в Иваново-Вознесенске связано с тем, что техническая интеллигенция была недовольна господством фабрикантов в местном отделении ИРГО. В связи с этим инженеры воспользовались представившейся возможностью и присоединились к Кружку технологов Московского района на правах отделения. В этом объединении они сами решали свои проблемы и занимались тем, что было интересно им, а не хозяевам фабрик, которым они и так подчинялись в процессе своей профессиональной деятельности.

Очень важным представляется рассмотреть роль интеллигенции в общественных организациях. В данном контексте понятие «роль» употребляется автором в том значении, в каком оно используется в социологической науке. Наиболее рельефно модель ролевого поведения интеллигенции можно понять при сопоставлении ее с ролью предпринимателей в общественной сфере.

Исполняемая роль в значительной степени определяется ролевыми ожиданиями окружающих в отношении человека или социально-профессиональной группы. От предпринимателей, которые вступали в общественные организации, ожидали, прежде всего, щедрых пожертвований. Обычно они эти ожидания оправдывали и вкладывали свои средства в социальные, культурные и иные проекты. За это их избирали почетными членами или даже председателями различных обществ.

Ролевые ожидания в отношении интеллигенции были иными. От нее хотели, в первую очередь, бескорыстного труда для общественных целей. Действительно, именно представители интеллигенции взваливали на свои плечи хлопоты по составлению и утверждению уставов общественных объединений, привлекали в их ряды новых членов и вели практически всю черновую органи-

зационную работу. Наградой для них обычно служил неофициальный статус «общественника». Таким образом, главная роль предпринимателя на общественном поприще формулировалась как «жертвователю», «благотворителю», «меценату», а роль интеллигента — «общественник».

Вместе с тем в некоторых случаях интеллигенция и предприниматели играли несвойственные им роли или не оправдывали ролевых ожиданий, которые имелись в отношении них. Типичным примером может служить ситуация, сложившаяся в Иваново-Вознесенском благотворительном обществе в конце XIX — начале XX в. В 1890-х гг. наиболее значительную роль в его руководстве играли представители интеллигенции. В это время председателем являлся врач К. И. Дементьев, в правление входили: педагог С. Д. Смирнов, инженер Л. А. Остроумов и др. Предприниматели в этой организации участвовали, но не оправдывали возлагавшихся на них надежд, т. е. их пожертвования, за немногими исключениями, были сравнительно невелики, что не позволяло благотворительному обществу широко развернуть свою работу⁶.

Серьезные изменения произошли в этой организации с 1907 г., когда во главе ее встали жены местных фабрикантов, отличавшиеся не только общественной активностью, но и социальной ответственностью. Они составили большинство правления этого объединения, сами вели большую организационную работу и одновременно жертвовали очень значительные средства на открытие и содержание различных социальных учреждений⁷. Что касается интеллигенции, то она принимала участие в деятельности благотворительного общества своим бескорыстным трудом. Так, местные врачи бесплатно работали в яслях этой организации, наблюдая за здоровьем детей и оказывая им необходимую помощь⁸. Таким образом, рассогласованные вначале модели ролевого поведения интеллигенции и предпринимателей пришли, наконец, в необходимое соответствие.

В общественных организациях дореволюционной России наблюдалось достаточно сложное взаимное переплетение интересов, функций, ролей предпринимательских кругов и интеллигенции. Последняя в одиночку не могла участвовать в общественной деятельности достаточно эффективно, т. к. для реализации тех или иных социокультурных задач требовались значительные

средства. Естественно, к участию в общественных организациях в качестве жертвователей необходимо было подключать представителей деловых кругов.

С другой стороны, даже самые богатые фабриканты или торговцы при всем желании были не в состоянии сами основать и обеспечить деятельность той или иной общественной организации, т. к. у них в большинстве случаев не было для этого ни опыта, ни знаний, ни общекультурного кругозора. Поэтому предпринимателям приходилось рассчитывать исключительно на помощь интеллигенции, которая брала на себя все организационные хлопоты по созданию и деятельности очень многих общественных объединений. В этом отношении очень характерной была карикатура, появившаяся в столичном журнале «Будильник». На ней известный иваново-вознесенский общественный деятель С. Д. Смирнов изображен музыкантом, игравшим одновременно на нескольких инструментах. Поясняя ситуацию в общественной жизни Иваново-Вознесенска, журнал замечал: «Местные дельцы рады-радехоньки, что нашелся человек, готовый поработать на них мозгами»⁹.

Наиболее рельефно общественная активность интеллигенции проявлялась в реализации целого ряда социальных проектов. Именно в помощи малолетним, нетрудоспособным, больным и другим проблемным группам населения наиболее наглядно отражалась гражданская позиция как отдельных индивидов, так и организаций, созданных ими.

Самым крупным и известным проектом, который реализовало медицинское общество, была «Капля молока», в ее рамках было налажено снабжение грудных детей молоком. Медицинское общество в первый же год своей работы обратило внимание на очень высокую смертность детей в раннем возрасте. Главной причиной этого было их неудовлетворительное питание. Очень часто у матери не было своего молока и ребенка кормили чем придется. Проект первой в Иваново-Вознесенске молочной кухни составил врач П. А. Алявдин, он же взял на себя первоначальные организационные хлопоты. В дальнейшем «Каплей молока» заведовали М. Н. Красовский, В. М. Тихонравов и другие медики — члены общества. Выдача молока началась с 1902 г. У медицинского общества было недостаточно средств для содержания такого дорогостоящего и убыточного предприятия. По просьбе вра-

чей, городская дума стала ежегодно выделять на него по 500 руб., еще 300 руб. давало Шуйское земство.

Пастеризованное молоко выдавалось в том случае, если своего молока у матери не было или его явно не хватало. Приходилось обслуживать только остро нуждавшихся, поэтому число маленьких клиентов молочной кухни было невелико — 100—150 человек. Самым бедным молоко давали бесплатно, остальным отпускали по умеренной цене — 2 коп. за пузырек. В 1913 г. было выдано 91 тыс. бутылочек. «Капля молока» сразу приобрела большую популярность у населения. Уже после первого года реализации проекта смертность среди грудных детей в Иваново-Вознесенске снизилась на 5,5 %¹⁰.

Другой социальный проект, инициированный и реализованный обществом медиков, касался организации родовспоможения. Значительный резонанс в городе получил доклад врача А. Е. Напалкова «К вопросу об акушерской помощи в Иваново-Вознесенске», сделанный в марте 1909 г. на заседании медицинского общества. На двух подряд заседаниях организации врачи заинтересованно и в мельчайших деталях обсуждали эту проблему. В итоге общество обратилось к городской управе с настоятельной и тщательно мотивированной просьбой — открыть в городе второй родильный приют, т. к. одного катастрофически не хватало для динамично росшего индустриального центра. Аргументы врачей оказались настолько убедительными, что вскоре в Иваново-Вознесенске было построено новое здание городского приюта рядом со старым¹¹.

Очень серьезной проблемой «Русского Манчестера», не только медицинской, но и социальной, стало массовое распространение чахотки. В связи с отсутствием вентиляции на текстильных фабриках рабочие постоянно дышали висевшей в цехах пылью, что влекло за собой заболевание туберкулезом. На эту болезнь обратили внимание местные врачи, которые решили открыть в городе отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Инициаторами его создания стали врачи П. Ф. Францов, Н. П. Розакутти, А. Е. Напалков, М. Н. Красовский, а также преподаватели реального училища П. М. Катинский и С. А. Софронов. В октябре 1911 г. состоялось первое заседание отдела, целью организации было изучение туберкулеза и средств борьбы с ним, а также осуществление

мероприятий по борьбе с чахоткой. Председателем отдела стал фабрикант А. А. Гарелин, его заместителем — врач В. В. Можевитин, секретарем — врач П. Ф. Францов¹².

Первым социальным проектом, осуществленным в городе отделом Лиги, было создание специализированной амбулатории, положение о которой выработало медицинское общество, работавшее в тесном контакте с отделом. Для амбулатории наняли помещение и пригласили заведовать специалиста-пульмонолога. Лечение было бесплатным, лекарства отпускались тоже даром. Главный контингент больных составляли рабочие текстильных фабрик. В амбулатории пациентов осматривали, здесь же делали инъекции специальных препаратов. Одновременно врач объяснял больным, насколько они должны быть осторожными с окружающими, чтобы не заразить их. Пациенты получали рекомендации по питанию и изменению «образа жизни» в целом¹³.

Полноценное лечение туберкулеза могло осуществляться только в стационарных условиях, поэтому врачи поставили вопрос об открытии пульмонологического санатория. В поисках наиболее удобного места для размещения этого учреждения они в течение нескольких месяцев исходили все окрестности города в радиусе 20 верст. В результате специалисты остановили выбор на солнечном, сухом участке, поросшем сосновым лесом. Здесь на средства, собранные отделом Лиги, и на пожертвования местных фабрикантов началось строительство санатория. Летом 1914 г. он был уже готов принять первых пациентов, но начавшаяся Первая мировая война превратила это лечебное учреждение в госпиталь для раненых¹⁴.

Дореволюционный Иваново-Вознесенск не отличался высоким уровнем комфорта. Достаточно сказать, что здесь не было ни водопровода, ни канализации. Проблема водоснабжения обострялась тем, что местные реки Уводь и Талка крайне загрязнялись сбросами текстильных предприятий. На заседании медицинского общества в апреле 1914 г. городской врач П. А. Алявдин сделал доклад «О водопроводе в г. Иваново-Вознесенске», в котором подчеркнул насущную необходимость его строительства. Публичное обсуждение этой острой проблемы в дальнейшем продвинуло вперед проектирование централизованного водоснабжения в городе. Заслужой врачей была также постановка вопроса о загрязнении рек отработанными водами с фабрик¹⁵.

Промышленники не хотели тратить на строительство очистных сооружений и любое ходатайство воспринимали как покушение на их капиталы. Для того чтобы поднять этот вопрос публично, было необходимо определенное гражданское мужество. Надо также учитывать, что местные врачи зависели от фабрикантов, если не прямо, то косвенно. В частности, некоторые из них трудились на текстильных предприятиях в качестве фабричных врачей, имели обширную практику среди имущих слоев города, и потеря ее была чувствительным ударом.

В обществе врачей обсуждались и другие социальные проблемы. В 1906 г. на заседании этой организации выступал городской врач П. А. Алявдин с докладом о заболеваемости рабочих и об организации для них медицинской помощи. Очевидно, ситуация была изложена без прикрас; губернская газета «Владимирский край» так подвела итоги этого доклада: «Картина получилась безотрадная...»¹⁶

В довольно широких кругах русского общества тогда сложилось не совсем адекватное представление о врачах как о людях крайне меркантильных. Возможно, здесь сыграла свою роль и художественная литература, в частности известный рассказ А. П. Чехова «Ионыч». Однако конкретные факты опровергают этот стереотип. В Иваново-Вознесенске врачи П. А. Алявдин, П. Ф. Францов, И. М. Цалкин, В. К. Корде по просьбе благотворительного общества совершенно бесплатно работали в яслях, основанных этой организацией. В детском приюте для сирот также безвозмездно трудились врачи В. В. Можевитин и А. А. Андреев¹⁷. Такого рода примеры были далеко не единичными.

В общественных делах участвовала не только медицинская, но и техническая интеллигенция, свою активность она реализовывала через иваново-вознесенский отдел Русского технического общества. В 1875 г. в эту организацию был направлен из столицы проект закона об ограничении труда малолетних и подростков. Члены отделения — инженеры и техники высказались за то, чтобы для этих категорий работников был введен 8-часовой рабочий день. Деятельное участие в выработке такого решения принимал уже упоминавшийся выше С. Д. Смирнов. Мнения о работе несовершеннолетних, полученные с мест, стали важным толчком для разработки нормативного акта об ограничении их труда¹⁸.

Имея широкое и разнообразное образование, интеллигенция стремилась поделить своим багажом с широкими массами населения. Причем большинство представителей интеллигенции воспринимали это как некую миссию, которую они должны обязательно выполнить: в то время продолжала оставаться популярной теория долга интеллигенции перед народом, выдвинутая в свое время идеологом народничества П. Л. Лавровым.

Реализация этой миссии осуществлялась в ходе широкой и разнообразной просветительной работы, которую интеллигенция вела через провинциальные общественные организации. Одним из любимых детищ иваново-вознесенского отделения ИРТО стали технические классы для рабочих, открывшиеся в 1898 г. Их программа включала в себя как специальные, так и общеобразовательные дисциплины. Арифметику, историю и географию здесь преподавала А. К. Жарова — учительница одной из начальных школ в городе, физику — М. П. Воскресенский из реального училища, химию и механику — И. И. Иванов из школы колористов, черчение — Г. Б. Зедлер из механико-технического училища, геометрию — Н. Д. Лоповок, трудившийся в одном из начальных училищ Иваново-Вознесенска. Одним педагогам техническое общество платило жалование, а Н. Д. Лоповок и М. П. Воскресенский работали бесплатно¹⁹.

Для расширения общеобразовательного кругозора населения, прежде всего — рабочих, интеллигенция из Общества трезвости организовала в нескольких местах города народные чтения. Безвозмездно читали популярные лекции педагоги М. И. Покровская, С. А. Березницкий, И. И. Иванов, С. П. Лавров, театральный деятель В. В. Демидов, его сыновья Константин и Николай — люди яркие и эмоциональные. Темы их были связаны с историей и естествознанием: «О Петре Великом», «Царь Алексей Михайлович», «Отечественная война 1812 года», «О затмениях», «Как у нас громоотвод ставили». Рабочих знакомили с произведениями классической литературы: «Песней о купце Калашникове» Лермонтова, «Майской ночью» Гоголя, «Муму» Тургенева²⁰.

Для рабочих и мелких служащих Общество трезвости организовало библиотеку. Брать книги в городской публичной библиотеке эти слои населения не имели возможности, т. к. ежегодно нужно было платить немалую сумму за пользование абонементом

и оставлять залог за каждую взятую на дом книгу. В бесплатной библиотеке Общества трезвости, открывшейся в 1898 г. по инициативе интеллигенции, насчитывалось почти 1755 томов книг, в том числе 1070 — художественных, 361 — религиозно-нравственных, 82 — исторических. Книги выдавали М. Я. Дорогова и С. И. Митрофанова, жены активных членов общества — врача Дорогова и фабричного инспектора Митрофанова. Ответственным за работу библиотеки являлся инженер В. Н. Оглоблин — один из руководителей трезвеннической организации²¹.

Для отвлечения рабочих от пагубного пристрастия к алкоголю общество организовывало разные мероприятия. С этой целью при обществе был открыт театр. Создал его один из ярких представителей местной творческой интеллигенции — театральный режиссер, самобытный драматург и актер В. В. Демидов. Он не только работал в театральном комитете Общества трезвости, но и сам выходил на сцену, за один только сезон 1898 г. исполнив 17 ролей. В этом же театре играли его сыновья, Николай и Константин²². Ставили в основном пьесы А. Н. Островского, с которым Демидов-старший был хорошо знаком, а также водевили А. П. Чехова и пьесу самого В. В. Демидова «Сват Серега»²³.

Братья Константин и Николай Демидовы вместе с местным театральным деятелем Д. Г. Логиновым организовали несколько позже, в 1914 г., еще один театр. Этот очаг культуры работал под крышей общественной организации, называвшейся «Обществом благоустройства мест Ямы». Из-за недостатка средств своего закрытого помещения у театра не было, он работал на веранде и назывался так же — «Веранда». Демидовы и Логинов ставили на его подмостках пьесы из рабочей жизни²⁴.

Интеллигенция из Общества трезвости сумела организовать разумный досуг не только для взрослых, но и для детей. В условиях негативного влияния «улицы» как никогда актуальной оказалось устройство для детей развивающих игр. Первым игротехником в Иваново-Вознесенске стал преподаватель механико-технического училища М. М. Якуб. Он организовал на свежем воздухе игры для сотен разновозрастных детей, в основном из семей рабочих. Старших развлекали подвижными играми, а младшие копались в песке, который в большом количестве был привезен по инициативе М. М. Якуба на средства богатых спонсоров Общества трезвости²⁵.

Одним из знамений времени на рубеже XIX—XX вв. было широкое стремление к самообразованию, наблюдавшееся в различных социальных слоях общества. Оно охватило и интеллигенцию, вне зависимости от того, какое образование имел тот или иной человек — среднее, среднее специальное или высшее. Желание расширить свой кругозор, овладеть возможно большей суммой знаний приобретало самые различные формы, связанные с устной и печатной трансляцией информации.

Широко практиковался в это время такой почти забытый нашими современниками способ, как публичные лекции. Особенно часто их устраивал Новый клуб, большую часть членов которого составляла интеллигенция. Он отличался от других клубных объединений в городе тем, что являлся скорее не развлекательным, а образовательным учреждением. Перед аудиторией здесь выступали приезжие лекторы — знатоки в своей области знаний.

Большим успехом пользовались темы о международном положении. Например, в конце 1911 г. была проведена лекция В. В. Корсакова «Пробуждающийся Китай». Она состоялась по свежим следам революционных событий, которые развертывались в это время в Поднебесной и вызывали большой интерес у русской публики. В лекции была поднята модная тогда проблема «желтой опасности», якобы угрожавшей России с Востока²⁶.

Как видно, интересы ивановской интеллигентной публики были весьма широкими — в Новом клубе проводились лекции по литературоведению, естественно-научной тематике, о женском движении на Западе и в России и др. Большой интерес вызвало выступление Н. Мировича по гендерной проблеме «Новые фазисы женского движения на Западе и в России». В лекции говорилось о феминизме в Англии, США, Норвегии, Финляндии, об особенностях женского вопроса в России²⁷. В лекции профессора Московского технического училища Н. А. Шилова «Химическая энергия и власть человека над ней» шла речь об открытой незадолго перед тем радиоактивности и об использовании атомной энергии²⁸.

В иваново-вознесенском отделе ИРТО основной формой активности являлись проводившиеся регулярно «технические беседы». Так назывались собрания, на которых заслушивали сообщения инженеров о различных новинках в области техники и технологий. Так, в 1875 г. А. Н. Никифоров рассказал о способах отделки ситцев

«двуроза» и «гранат». Одними текстильными новинками тематика технических бесед не ограничивалась. Например, инженер Л. А. Остроумов выступил с докладом «Асфальт и его применение», в котором убеждал фабрикантов шире использовать этот новый материал для покрытия дворов и полов на предприятиях²⁹.

Темы технических бесед, проводившихся в 1890-х гг., также свидетельствовали, что местные инженеры стремились быть в курсе последних достижений науки и техники. Например, Ф. А. Еремин сделал два сообщения: «Об электрических аккумуляторах» и «О рентгеновских лучах», Н. О. Артари-Колумб — «Об ацетилене как светильном газе»³⁰.

Доклады, которые звучали на технических беседах, с 1904 г. стали публиковаться в периодическом органе отделения — «Записках». Они начали выходить по инициативе С. Д. Смирнова и при его активном участии. И. А. Волков, который в 1910 г. написал некролог о С. Д. Смирнове, вспоминал, с каким торжеством Сергей Дмитриевич принес ему пахнущий типографской краской первый том этого издания³¹. Труды иваново-вознесенских инженеров заинтересовались не только в России, но и за рубежом. В 1904 г. из Института Карнеги (США) пришла просьба прислать «Записки» в Вашингтон. Три выпуска их были направлены в Америку³².

Аналогичную работу по распространению научно-технических знаний в соответствующей профессиональной среде интеллигенции проводил кружок технологов, созданный в 1909 г. Почти каждый месяц проходили собрания, на которых заслушивались доклады членов кружка, связанные с производством: «Значение шлихты», «Торф как топливо, его добывание». Очень заинтересованно на протяжении двух заседаний в 1913—1914 гг. инженеры обсуждали систему Тейлора. Но, как видно, сочли ее не совсем пригодной для местных предприятий, т. к. нет сведений о применении «научной системы выжимания пота» на фабриках текстильного края. Инженеры не остались безучастными к положению рабочих, социальная тематика занимала заметное место на их собраниях. Обсуждались следующие проблемы: «Значение вентиляции фабричных помещений для жизни и здоровья работающих», «Больничные кассы». Обзор санитарного состояния местных фабрик сделал фабричный инспектор Л. К. Полубенин³³.

Иногда отделение технического общества устраивало мероприятия, которые можно назвать современным словом «презентация». В марте 1911 г. общество провело демонстрацию резания и сварки металла с помощью кислородно-ацетиленового аппарата. Лекцию об этом прочитал технолог по фамилии Александер. Одновременно состоявший при нем рабочий разрезал довольно толстую пластину, вырезал в металлическом листе круги, наварил зуб на шестерню, сварил методом «встык» медные листы³⁴.

Музыкальным воспитанием местной интеллигенции занимался кружок меломанов, организованный в 1900 г. В его рамках сформировались оркестр и хор, состоявшие, в сущности, из любителей, но уровень их мастерства был очень высоким. Они исполняли небольшие симфонические произведения, увертюры и сцены из опер «Дон Жуан» Моцарта, «Кармен» Бизе, «Эгмонт» Бетховена, «Иоланта» Чайковского, вальсы Глинки и Штрауса, знакомили публику с творчеством Кюи, Массне, Аренского и других композиторов³⁵.

Гражданское общество — это не только общественные организации, являющиеся его «кирпичиками», это также конкретные люди, которые ведут в них работу. Целесообразно обратиться к биографическим данным тех, кто составлял лицо общественной жизни в «Русском Манчестере» и кого можно назвать полузабытым сейчас словом «культуртрегер».

Одним из первых на этом поприще в Иваново-Вознесенске выступил Сергей Дмитриевич Смирнов — преподаватель местного училища для детей мастеровых и рабочих. Он был не только деятельным участником различных общественных организаций, но и активным транслятором общественных инициатив. Будучи хорошим оратором, Смирнов очень часто выступал на разных публичных собраниях. Большинство учреждений, в которых он участвовал, были созданы на деньги фабрикантов, однако промышленники не могли уделять им внимания не только из-за недостатка свободного времени, но и потому, что в конце XIX в. пока не имели ни опыта общественной деятельности, ни широкого кругозора, ни навыков публичной речи. С. Д. Смирнов, приехавший из Москвы и получивший там серьезное образование, оказался настоящей находкой для местных предпринимателей, которые в 1870—80-х гг. иногда даже не знали, как приступить к

тому или иному общественному делу. Промышленники приставили его к заведованию общественной публичной библиотекой, выбрали секретарем местного отделения Русского технического общества, дали ряд других поручений.

Главной общественной должностью С. Д. Смирнова стало секретарство в местном отделении ИРТО. При его содействии было организовано участие текстильных фирм во всемирной выставке в Филадельфии (США), открыты для рабочих классы арифметики и черчения, возникла химическая лаборатория, где можно было произвести анализы воды и различных химических веществ³⁶.

Очень колоритной личностью в провинциальном сообществе являлся Владимир Григорьевич Барский. Он окончил Московское высшее техническое училище, работал в небольшой посреднической фирме. Деятельность его развертывалась в Общественном собрании — в этом клубном объединении он являлся одним из старшин. Именно он устраивал спектакли и концерты на сцене собрания, благодаря своим широким связям приглашал в город столичных знаменитостей³⁷.

Губернская газета справедливо отмечала, что практически все бразды правления в другой общественной организации — литературно-музыкально-драматическом обществе, также находились в руках Барского. Он выступал здесь в качестве антрепренера, приглашал в местную труппу любителей, нанимал профессионалов, сам определял репертуар, вдобавок довольно успешно играл характерные роли. Местные фабриканты были очень довольны, что в городе есть свой театр и его возглавляет столь энергичный человек. Во время юбилея Барского предприниматели устроили ему пышное чествование, завалили подарками и цветами, читали прочувствованные адреса³⁸. Таким образом, В. Г. Барский являл собой яркого представителя творческой интеллигенции. В то же время он участвовал в других общественных структурах: исполнял обязанности секретаря благотворительного общества, входил в число активистов трезвеннической организации³⁹. Попутно отметим, что в 1920-х гг. он сыграл роль капитана в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»».

Такое положение, когда один и тот же человек был вынужден разрываться между несколькими общественными организациями, было довольно характерно для провинциальных городов с

узкой прослойкой интеллигенции. Те люди, которые проявляли активность в общественной жизни, в дальнейшем привлекались и в другие организации, в результате они оказывались чрезмерно перегруженными общественной работой.

Еще одним типичным примером бескорыстного и интенсивного труда на благо общества являлся П. А. Алявдин. Несмотря на то что Павел Алексеевич служил в Иваново-Вознесенске городским врачом и по одной этой причине был крайне занятым человеком, он успевал уделять время и общественной деятельности. Алявдин являлся председателем медицинского общества, он не только руководил им, но даже успевал готовить научные доклады на его заседания. В частности, он выступил на ученых собраниях медиков с сообщениями на такие актуальные темы, как заболеваемость рабочих и перспективы строительства водопровода в городе⁴⁰. Также П. А. Алявдин являлся членом правления иваново-вознесенского отдела Лиги для борьбы с туберкулезом, одним из учредителей Нового клуба. Для благотворительного общества он бесплатно работал в качестве врача в яслях этой организации⁴¹.

Подводя итоги, отметим, что для исследователей гражданского общества в дореволюционной России в конце XIX — начале XX в. интересны любые проявления общественной инициативы, даже если это была деятельность обычных развлекательных организаций, не ставивших перед собой важных и с современной точки зрения социально полезных целей. Значимость таких проявлений объясняется тем, что в эти годы элементы самоорганизации общества в российской провинции были немногочисленны и не охватывали широкого круга лиц.

При знакомстве со списками правлений общественных организаций легко можно заметить, что в них часто встречаются одни и те же лица. С одной стороны, это свидетельствует о том, что постепенно формировался круг людей, которых можно назвать общественниками. С другой стороны, как оказалось, контингент их был довольно ограниченным.

Большинство акторов гражданского общества в России в целом, и в Иваново-Вознесенске в частности, являлись представителями интеллигенции. Как показало данное исследование, наибольшую инициативу и активность демонстрировали в рас-

сма­три­вае­мый пе­ри­од ме­ди­цин­ские ра­бот­ни­ки. В зна­чи­тель­ной сте­пе­ни это объ­яс­ня­лось не их лич­ны­ми ка­че­ства­ми, а ши­ро­ким по­лем для их вне­слу­жеб­ной де­я­тель­но­сти. В нем бы­ли со­сре­то­че­ны та­кие боль­ные про­бле­мы, как сквер­ные ус­ло­вия тру­да и бы­та ра­бочих, а­но­маль­ная де­тская смерт­ность, за­гряз­нен­ность ок­ру­жаю­щей сре­ды и др. Не­сколь­ко мень­шую ак­тив­ность на со­ци­аль­ном по­при­ще про­яв­ля­ла пе­да­го­гическая кор­по­ра­ция и ин­же­нер­но-тех­ни­ческие ра­бот­ни­ки.

В хо­де об­щес­вен­ной ра­боты воз­ник­ло «раз­де­ле­ние тру­да» ме­жду дву­мя глав­ны­ми субъ­ек­та­ми фор­ми­ро­вав­ших­ся в про­вин­ции эле­мен­тов гра­ждан­ского об­щес­тва — ин­тел­ли­ген­цией и пред­при­нимате­ля­ми. Пред­ста­ви­тели де­ло­вого ми­ра обес­печивали ма­тери­аль­ную ос­но­ву де­я­тель­но­сти об­щес­вен­ных объ­еди­не­ний, а ин­тел­ли­ген­ция в­кла­ды­вала в них свою и­ни­ци­а­тив­у, вре­мя и труд, все это тре­бо­ва­лось для то­го, что­бы функ­ци­о­ни­ро­ва­ние ор­га­ни­за­ций бы­ло пло­до­твор­ным.

Та­ким об­ра­зом, на при­ме­ре круп­ного про­мыш­лен­ного цен­тра — Ива­но­во-Воз­не­сен­ска можно с уве­рен­но­стью ут­вер­ждать, что в рос­сий­ской про­вин­ции и в стране в це­лом сло­жи­лись лишь от­дель­ные эле­мен­ты гра­ждан­ского об­щес­тва, уро­вень зре­ло­сти ко­то­рых со­от­вет­ство­вал го­су­дар­ствен­ному по­ли­ти­ческому строю и со­ци­аль­ной струк­ту­ре рос­сий­ского об­щес­тва. Для пол­но­цен­ного фор­ми­ро­ва­ния в го­су­дар­стве гра­ждан­ского об­щес­тва тре­бо­ва­лись два очень важ­ных ус­ло­вия, ко­то­рые по оп­ре­де­ле­нию от­сут­ство­вали в до­ре­во­лю­ци­он­ной Рос­сии: во-пер­вых, на­личие сред­не­го клас­са и, во-вто­рых, су­щес­тво­ва­ние пра­вого го­су­дар­ства.

Примечания

¹ Го­су­дар­ствен­ный архив Ива­но­вской об­ла­сти (да­лее — ГАИО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 573. Л. 142.

² Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 157. Л. 135.

³ Старый владимирец. Вла­ди­мир, 1914. 12 февр.

⁴ Вла­ди­мир­ец. Вла­ди­мир, 1907. 28 апр.; Старый владимирец. 1911. 24 февр., 3 авг.

⁵ Устав «Нового клуба» в г. Ива­но­во-Воз­не­сен­ске. Ива­но­во-Воз­не­сен­ск, 1909.

⁶ От­чет бла­гот­во­ри­тель­ного об­щес­тва за 1900 г. Ива­но­во-Воз­не­сен­ск, 1901. С. 22.

- ⁷ Обзор деятельности благотворительного общества за 1908 г. Иваново-Вознесенск, 1909. С. 5.
- ⁸ Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 г. Иваново-Вознесенск, 1908. С. 34, 43 ; Обзор деятельности благотворительного общества за 1911 г. Иваново-Вознесенск, 1912. С. 6.
- ⁹ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 41. Л. 406.
- ¹⁰ Старый владимирец. 1914. 29 янв. ; ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1238. Л. 17, 22, 27, 40, 44, 46.
- ¹¹ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1107. Л. 16, 48.
- ¹² Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел : отчет за 1912 г. Иваново-Вознесенск, 1913. С. 1—2.
- ¹³ Там же. С. 23—25.
- ¹⁴ Старый владимирец. 1914. 23 мая ; 1915. 2 авг. ; Ивановский листок. Иваново-Вознесенск, 1913. 26 февр.
- ¹⁵ Старый владимирец. 1914. 29 апр. ; ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1238. Л. 39.
- ¹⁶ Владимирский край. Владимир, 1906. 29 нояб.
- ¹⁷ Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 г. С. 34, 43 ; Обзор деятельности благотворительного общества за 1911 г. С. 6.
- ¹⁸ [Волков И. А.] Сергей Дмитриевич Смирнов : некролог. Иваново-Вознесенск, 1910. С. 5.
- ¹⁹ Записки Иваново-Вознесенского отделения ИРТО. 1910. Вып. 2. С. 20, 28.
- ²⁰ Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости за 1902—1903 гг. Иваново-Вознесенск, 1904. С. 7—8, 29—33.
- ²¹ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1240. Л. 6 ; Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости с 1 ноября 1899 г. по 1 января 1901 г. Б. м., б. г. С. 63.
- ²² Бяковский В. Дома и люди : по достопримечательным местам города Иванова. Иваново, 1998. Кн. 1. С. 18—19.
- ²³ Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости с 9 ноября 1897 г. по 1 ноября 1898 г. Владимир, 1899. С. 72—73.
- ²⁴ Бяковский В. Указ. соч. С. 22.
- ²⁵ Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости за 1902—1903 гг. С. 3—8.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1245. Л. 11.
- ²⁷ Там же. Л. 5, 13, 45.
- ²⁸ Там же. Д. 1369. Л. 17.
- ²⁹ Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения ИРТО за 1875 г. Владимир, 1876. С. 3 ; Владимирские губернские ведомости. 1877. № 12.
- ³⁰ Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского отделения ИРТО за 1896 г. Б. м., б. г. С. 5—6.
- ³¹ [Волков И. А.] С. 5.

- ³² Записки Иваново-Вознесенского отделения ИРГО. 1910. Вып. 2.
- ³³ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1456. Л. 9, 11 ; Д. 1369. Л. 10, 13, 70 ; Д. 1229. Л. 15.
- ³⁴ Старый владимирец. 1911. 24 марта.
- ³⁵ Северный край. Ярославль, 1900. 17 дек. ; 30 дек. ; Владимирская газета. Владимир, 1903. 25 марта.
- ³⁶ [Волков И. А.] С. 4—5.
- ³⁷ Старый владимирец. 1910. 28 окт.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 год. С. 4.
- ⁴⁰ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1243. Л. 13 ; Владимирский край. 1906. 29 нояб. ; Старый владимирец. 1914. 29 апр.
- ⁴¹ Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел : отчет за 1913 год. С. 3 ; Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 г. С. 34.

ББК 63.3(2)533-283.2

А. Д. Шипилов

ЗЕМСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КОСТРОМСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Земская реформа являлась составной частью буржуазных реформ в России 1860—70-х гг. Она началась с издания 1 января 1864 г. «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Костромские земские учреждения были образованы в 1865 г. и действовали во всех 12 уездах губернии. Земства строились на принципах самоуправления и самофинансирования, круг их деятельности был ограничен вопросами местного хозяйства. В центре внимания Костромского земства находились сельское и лесное хозяйство, промышленность, торговля, народное образование, здравоохранение, ветеринария и статистика. По результатам

© Шипилов А. Д., 2013

Шипилов Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. vs_memetov@mail.ru

деятельности в этих сферах оно входило в пятерку лучших земств России вместе с Петербургским, Московским, Владимирским и Харьковским¹. Кроме того, Костромское земство оказывало содействие в создании артелей кустарей, устройстве сельскохозяйственных выставок и опытно-показательных станций, открытии профессиональных училищ, становлении сельскохозяйственного кредита, страхования и др.

Активная и результативная деятельность Костромского земства началась с 90-х гг., предшествующий период был потрачен на организационное становление и проведение подворных переписей для решения вопросов денежных поступлений от сборов с недвижимости. Число служащих губземуправы колебалось в разные годы от 50 до 100 человек, уездных управ — от 20 до 50 человек, в зависимости от степени экономического развития уезда. Губернское и уездные земства начинают активную издательскую деятельность. К изданиям общего характера относились доклады, отчеты, сметы управ, журналы их заседаний, сборники постановлений земских собраний. Результаты различных направлений деятельности губернского земства фиксировались в изданиях оценочно-статистического отделения: «Материалы для оценки земель Костромской губернии», «Сборники статистических сведений» (по уездам), «Своды подворной переписи» (по уездам), «Определение доходности земель и лесов» (по уездам), «Материалы для оценки городских недвижимых имуществ» (по городам), «Материалы для оценки фабрик и заводов» (по уездам), «Состояние посевов хлебов и трав в Костромской губернии», «Урожай в Костромской губернии», «Статистические данные по обязательному земскому страхованию в Костромской губернии», «Земское страхование от огня», «Начальное образование в Костромской губернии», «Обзоры школ» (по учебным годам), «Отчеты по дирекции народных училищ» (по учебным годам), «Списки селений» и др. Кустарный отдел губземуправы практиковал издание серии «Кустарные промыслы Костромской губернии» (по уездам) и тематические выпуски по отдельным видам ремесел и промыслов. Губернские и уездные земства издавали также ежегодники, памятные книжки, календари и путеводители.

К началу XX в. в результате земской реформы в Костромской губернии сложился довольно значительный отряд провин-

циальной интеллигенции, — земской интеллигенции, имевшей свои характерные черты. Как отмечала Н. М. Пирумова, «положение земской интеллигенции между народом, в среде которого она работала, земством, на службе которого она состояла, и администрацией, осуществлявшей контроль за всей местной жизнью, — обуславливало ряд специфических черт этой социальной общности»². Появление в этот период широкого слоя земской интеллигенции отмечали и другие исследователи — В. С. Меметов, А. А. Данилов³ и В. В. Комиссаров⁴. В их работах подчеркивалось, что земская интеллигенция отличалась от предыдущей, разночинной, происхождением и опосредованной зависимостью от государства. В начале XX в. число земских служащих в Костромской губернии доходило до 2 тыс. человек. Самой образованной частью земской интеллигенции были врачи, поскольку все имели высшее медицинское образование, а порой и степень доктора медицины. На втором месте по образовательному цензу стояли статистики. Учителя составляли самый многочисленный отряд земской интеллигенции, однако высшее образование имели единицы. В основном учителями работали лица, имевшие среднее или неполное среднее образование: закончившие гимназии, епархиальные училища, семинарии, учительские курсы и т. д. За учителями по образовательному уровню следовали агрономы, ветеринары, техники и другие земские служащие.

Появление в российской провинции свежих интеллигентных сил неизбежно должно было сказаться и на развитии региональной историографии, что способствовало оформлению нового и своеобразного направления — земской историографии. В понятие «земская историография» мы вкладываем следующий смысл: это комплекс трудов по истории Костромского земства и отдельных направлений его деятельности, созданный непосредственно местной земской интеллигенцией. В видовом отношении это были: очерки, обзоры, справочники, путеводители, книжки, календари и статьи в земской периодической печати. По типу изданий труды делились на научные, научно-популярные и исторические описания. Хронологически основная масса исторических трудов земских служащих была опубликована в начале XX в. Это вполне объяснимо, поскольку даже простое историческое описание требует определенного временного периода. Были и конкретные да-

ты в начале XX в., которые стимулировали появление земских исторических трудов: 1904—1905, 1914—1915 гг. — 40-летие и 50-летие земских учреждений, 1913 г. — празднование 300-летия Дома Романовых. Основная масса трудов земских специалистов представляла из себя исследования различных сторон деятельности земства за определенный исторический период, однако имелись и труды обобщающего характера, посвященные комплексному анализу работы конкретного уездного земства с момента его основания.

Одним из таких трудов обобщающего характера был «Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства», опубликованный в 1915 г. к 50-летию основания земства и состоявший из трех глав⁵.

В том же 1915 г. выходит труд Н. Д. Кондратьева «Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии». Это была первая серьезная работа выдающегося русского экономиста Николая Дмитриевича Кондратьева (1892—1938). Труд структурно состоял из авторского предисловия, введения, 3 частей, 23 глав и приложений⁶.

Историко-экономический труд Н. Д. Кондратьева являлся серьезным научным исследованием, претендующим на особое и почетное место не только в земской, но и во всей костромской историографии.

Приоритетными направлениями деятельности костромского земства являлись народное образование и здравоохранение. На их развитие уходило около 2/3 совокупного губернского земского бюджета. Вполне понятны поэтому попытки земских служащих проанализировать в специальных исследованиях результаты работы в этих областях. Одна из таких попыток реализовалась в 1903 г., когда был опубликован обзор начального народного образования в губернии с 1865 по 1887 г. Источниками для него послужили документы архива губземуправы, отчеты инспекторов народных училищ, губернского епархиального совета и костромского губернатора. Обзор представлял из себя более 20 ретроспективных статистических таблиц с данными о числе школ, времени их открытия, распределения по уездам и видам, числе учащихся и распределении их по полу и возрасту, качественном составе учителей, школьных помещениях, внешкольном образо-

вании, сметных ассигнованиях и др. Все таблицы имели аналитическую характеристику и предложения по совершенствованию работы⁷. В 1906 г. Я. Андреев выступил на сессии губернского земского собрания с докладом по народному образованию, который затем в виде «Краткого очерка» был опубликован отдельным изданием. В очерке анализировалась деятельность губернского земства в области народного образования с 1866 по 1906 г.⁸

В 1910 г. неизвестным земским служащим был опубликован историко-статистический очерк о состоянии и развитии народного образования в Кологривском уезде с 1865 по 1909 г.⁹

В 1913 г. были опубликованы сразу три очерка по истории народного образования, подготовленные Костромским, Нерехтским и Юрьевецким уездными земствами¹⁰. Характеристика деятельности уездных земств в этой области охватывала весь почти пятидесятилетний период их существования. Качество данных работ неравнозначно: от серьезного историко-статистического исследования (Костромское уездное земство) до весьма пространный и беглый очерк с эпизодическими элементами исторического анализа (Нерехтское уездное земство). Ценность этих исследований, их историческая значимость выражалась в максимальной приближенности к повседневной провинциальной уездной жизни. За сухими цифрами о числе школ, количестве учителей и учащихся, характеристикой школьных помещений, выделенных и потраченных сумм и т. п. стояли живые люди со своими характерами, привычками, заслугами, достоинствами и недостатками — земские служащие, чиновники, помещики, священники, крестьяне. Их конкретное отношение к народному образованию в своем уезде и определяло, в сущности, успех предпринимаемых усилий. Дополняли исторические портреты конкретных представителей провинциальной интеллигенции любопытные исторические зарисовки из сельской и городской уездной жизни дореформенной и пореформенной России.

Костромское земство практиковало издание аналитических исследований и по другим, не менее важным, направлениям своей деятельности: кустарным промыслам, сельскому хозяйству, кооперации, страхованию и др. Историческими в прямом смысле слова эти исследования назвать нельзя, скорее это были своеобразные отчеты о работе соответствующих отделов губернского и

уездных земств за определенный период, от 10 до 30 лет, с небольшими историческими экскурсами в еще более отдаленное прошлое. Заметное влияние на характер и качество данных работ оказывала профессиональная принадлежность их авторов (агрономы, статистики, страховые агенты и др.) и отсутствие у подавляющего большинства из них гуманитарного образования. Наиболее «плодовитым» в издательской деятельности являлось кустарное отделение губернского земства. Им были исследованы кустарно-ремесленные промыслы в каждом из 12 уездов губернии¹¹, а также все основные промыслы по их видам — ткацкий¹², льняной¹³, ювелирный¹⁴ и др.

В начале XX в., окрепнув материально, некоторые костромские земства, в первую очередь губернное, смогли позволить себе содержание собственных печатных органов. Губернское земство издавало с разной степенью периодичности «Статистический ежегодник Костромской губернии», «Ежегодник Костромского губернского земства» и «Известия Костромского губернского земства». «Статистический ежегодник» издавался с 1908 по 1914 г. оценочно-статистическим отделением. Семь выпусков этого издания представляли из себя сборники земской статистики. В историографическом отношении они интересны потому, что содержали не только текущую, но и ретроспективную статистику.

Издание «Ежегодника Костромского земства» осуществлялось всего лишь два года — 1910 и 1911. «Ежегодник» состоял из четырех отделов: календарного, земского, обзорного и литературного. В двух последних отделах довольно часто практиковалась публикация кратких исторических очерков и обзоров по различным направлениям деятельности костромского земства: сельскому хозяйству, пчеловодству, лесной промышленности, статистике, страхованию, здравоохранению, ветеринарии, народному образованию и др.¹⁵ С 1912 г. агрономическим отделом губземуправы стал издаваться ежемесячный журнал «Известия Костромского губернского земства».

Далеко не все уездные земства были способны финансировать подобные издания. Средств, как правило, хватало лишь на печатание постановлений уездных земских собраний, журналов заседаний земских управ и отчетов о деятельности. В 1906—

1908 г. издавался «Земский ежегодник Юрьевецкой земской управы», в 1909 г., всего лишь один год, — «Ежегодник Солигаличского уездного земства».

Самое богатое из уездных, Кинешемское земство пошло другим путем. В 1904—1916 г. оно издавало Календари, которые выходили под разными названиями: 1904—1906 г. — «Справочный календарь Кинешемского уездного земства», 1907—1912 г. — «Кинешемский календарь», 1913—1916 г. — «Кинешемский земский календарь-ежегодник». Вид издания обусловил его содержание. Более четверти объема занимали справочные сведения: календарь, состав царствующего Дома, списки должностных лиц губернии и уезда, правительственные распоряжения, текущая статистика, смета земских расходов и др. Обзоры земской деятельности помещались в соответствующих разделах Календаря. В 1908 г. появился раздел «Из прошлого Костромского края»¹⁶, а в 1914 г. — рубрика «Портретная галерея. (Достопамятные уроженцы и деятели местного края)»¹⁷. В них размещались популярные очерки по истории губернии и уезда — о древнем населении края, удельных князьях, местночтимых святынях и святых, старинных церквях, монастырях, селах и др., а также историко-биографические очерки выдающихся костромичей — Г. Н. Невельского, А. А. Потехина, И. В. Щулепникова и др. Наибольшая насыщенность историческим материалом наблюдалась в Календаре за 1916 г. В него были включены исторические очерки о г. Кинешме, кинешемских церквях, обзор пятидесятилетней деятельности кинешемского земства и четыре очерка Н. Н. Виноградова с исследованиями кинешемских писцовых книг, истории Кинешмы в XVII в., участия кинешемцев в губернской выставке 1837 г. и народном ополчении 1812—1814 гг.¹⁸ В 1913 г. кинешемское земство начало подготовку к изданию ежемесячного «Вестника», однако начавшаяся вскоре война помешала реализации этих планов. Кинешемские Календари выходили тиражом до 4 тыс. экземпляров и способствовали популяризации исторических знаний среди населения уезда.

Издательская деятельность Костромского земства продолжалась до 1918 г. В феврале 1918 г. съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов Костромской губернии решил упразднить губернское земство и передать его дела губисполкому. 2 апреля

1918 г. состоялось последнее бурное заседание губземуправы, едва не закончившееся арестом его участников. Управа сложила свои полномочия¹⁹.

Наряду с другими историками-любителями представители Костромской земской интеллигенции в начале XX в. активно включаются в общий ход развития региональной исторической мысли.

Примечания

- ¹ Отечественная история : история России с древнейших времен до 1917 г. : энцикл. : в 5 т. Т. 2. М., 1996. С. 268.
- ² *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 3.
- ³ *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997. С. 145.
- ⁴ *Комиссаров В. В.* Интеллигенция и политическая элита России в XVIII—XX веках: проблемы взаимоотношений // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008. С. 163.
- ⁵ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства : к пятидесятилетию его существования (16 февраля 1865 г. — 16 февраля 1915 г.). Кострома, 1915.
- ⁶ *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии : (социально-экономический и финансовый очерк). Кинешма, 1915.
- ⁷ Обзор начального народного образования в Костромской губернии к 1903 году. Кострома, 1903.
- ⁸ *Андреев Я.* Краткий очерк деятельности Костромского губернского земства по народному образованию. Кострома, 1906.
- ⁹ Народное образование в Кологривском уезде Костромской губернии, 1865—1909 : ист.-стат. справ. Кологрив, 1910. С. 1—30.
- ¹⁰ *Языков А.* Из истории начальных земских школ в Костромском уезде. Кострома, 1913 ; *Нерехтский Б. В.* Краткий очерк деятельности Нерехтского уездного земства в области народного образования за 1865—1912 гг. Кострома, 1913 ; *Беликин М. А.* Краткий историко-литературный обзор деятельности Юрьевецкого уездного земства по народному образованию, 1864—1912. Юрьевец, 1913.
- ¹¹ *Барыков В. И.* Промысловые занятия крестьянского населения Костромской губернии. Кострома, 1909 ; Промысловые и кустарные районы Костромской губернии. Кострома, 1913.
- ¹² *Барыков В. И.* Кустарные промыслы Костромской губернии : ткацкий промысел. Кострома, 1914.

- ¹³ *Барыков В. И.* Льняная крестьянская промышленность губернии. Кострома, 1909.
- ¹⁴ *Барыков В. И.* Ювелирно-металлический кустарный район Костромской губернии. Кострома, б. г. ; Ювелирный промысел в Красносельской волости Костромского уезда и в Сидоровской — Нерехтского Костромской губернии. Кострома, 1903.
- ¹⁵ Ежегодник Костромского губернского земства, 1911 год : (второй год издания). Кострома, 1911.
- ¹⁶ Кинешемский календарь на 1908 год : третий год издания. СПб., 1908.
- ¹⁷ Кинешемский земский календарь-ежегодник на 1914 год : год издания девятый. Кинешма, 1914.
- ¹⁸ Календарь-ежегодник, 1916 : год издания десятый — одиннадцатый. Кинешма, 1916.
- ¹⁹ Известия губернской муниципальной коллегии Костромского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 9/10.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)612-283.2

С. И. Константинов

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ И ВОЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ

Гражданская война в России с течением времени все явственнее предстает как крупнейшая социальная драма не только отечественной, но и всей мировой истории первой четверти XX века. Осмысление ее уроков представляется весьма полезным в наше достаточно сложное время.

Можно ли сказать, что почти сто лет, минувших с начала революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны, позволяют сделать вывод, что мы достаточно полно изучили это сложнейшее социально-политическое явление? Думается, вряд ли кто отважится на такое заявление. Не один десяток тысяч книг, вышедших и продолжающих выходить в свет по этой теме, все больше и больше открывают для нас новые грани тех трагических событий, новые факты, новые версии.

В полной мере это относится и к региональной историографии. События Гражданской войны в Поволжье, на Урале и в Сибири за последние 5—7 лет получили освещение в ряде интересных монографий, статей, тезисах научных конференций. Назовем серию научных конференций: в Кемерово — «История белой Сибири» (1-я — 1995 г., 5-я — 2005 г.), Екатеринбурге — «Романовские чтения» (1-я — 1991 г., 10-я — 2007 г.), «Военно-

© Константинов С. И., 2013

Константинов Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета подготовки бакалавров права Уральской государственной юридической академии. reo001@usla.ru

исторические чтения», «Урал в военной истории России: традиции и современность», Челябинске — «Урал в событиях 1917—1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале)» (1999 г.) и в других городах. В последние годы вышел также целый ряд региональных энциклопедий, в которых имеются статьи, освещающие события Гражданской войны¹.

Особняком стоят первая региональная авторская трехтомная «Гражданская война на Урале (1917—1922 гг.). Энциклопедия и библиография» (Екатеринбург, 2007) одного из старейших историков Урала и страны, И. Ф. Плотникова (род. 1925 г.), и «Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны» (СПб.; М., 2002) С. В. Волкова, а также уже 14-й выпуск (2004 г.) исторического научно-популярного альманаха «Белая армия. Белое дело» под редакцией руководителя НИЦ «Белая Россия» Н. И. Дмитриева.

Тема Гражданской войны на востоке страны обогатилась рядом интересных изданий². Плодотворно работают над ней такие авторы, как Е. В. Волков, С. В. Волков, В. В. Дубленных, А. Д. Казанчиев, С. И. Константинов, И. М. Нарский, И. Ф. Плотников и др.³

Тем не менее существует ряд тем в изучении Гражданской войны на востоке страны, которые по разным причинам не получили достаточного освещения в современной исторической литературе. Так, одним из решающих факторов достижения победы в войне является тыловое обеспечение войск. Без комплекса мероприятий, направленных на удовлетворение материальных, транспортных, бытовых и других потребностей войск, расчеты на победу становятся беспочвенными. В отечественной историографии вопросам тылового обеспечения Русской армии А. В. Колчака практически не уделялось внимания. Историки выдвигали на первый план только зависимость его армии от иностранных поставок, стремясь, таким образом, доказать марionетный характер режима. Объективная оценка этих проблем еще ждет своего исследователя.

В советской историографии сложилась традиция рассматривать экономическую политику антибольшевистских правительств, в том числе и Омского, исключительно как антинародную, инкриминируя им при этом преднамеренный развал экономики. Но понятие «антинародная» не несет никакой смысловой нагрузки, кроме ярко

выраженной идеологической направленности, ибо никакая экономическая политика не может удовлетворять в равной степени интересы всех социальных слоев и групп.

Только в 90-е гг. стали появляться первые статьи с попыткой осветить причины провала экономической политики антибольшевистских правительств, направленной в период войны прежде всего на укрепление армии⁴. Однако важен вопрос и о том, как происходило конкретное материальное, специально-техническое, медицинское и другое тыловое обеспечение возглавленной А. В. Колчаком почти полумиллионной армии.

Далее, сейчас много пишут о жесточайших методах подавления крестьянских восстаний. А много ли пишут о том, что творили, например, антоновцы или участники Западно-Сибирского крестьянского восстания? Для их пленных противников расстрел был подарком судьбы. Их жгли живьем, убивали специальными молотками с наваренными зубьями или специальными зазубренными вилами. Вдумайтесь, не простыми, а специальными — не пожалели труда изготовить! Привязывали к скачущим лошадям, распарывали и набивали зерном животы. Винтовка в сарае была, считай, у каждого, а кое у кого и пулемет имелся. И защищали они свои дома, хлебушек, коров и баб — как пишут современные публицисты — не на шутку. Почему такая обоюдная жестокость становится повседневностью в ходе гражданских войн, чем она порождается и можно ли избежать подобных явлений — вопрос остается открытым.

Как справедливо отмечает историк Дж. Эдельман⁵, Российская Гражданская война остается малоизученной эпохой как на Западе, так и в России. Он указывает, что это был период, оказавший важное влияние на развитие всей последующей советской политики. Усиление сталинизма и специфика его позиции в дальнейшем во многом были связаны с колоссальным опытом Гражданской войны. Только после Великой Отечественной войны влияние этого опыта прекратилось, но почти три десятилетия ему суждено было оставаться серьезным фактором в развитии советских институтов, политики и методов руководства.

На этих и некоторых других сюжетах мы остановимся в данной статье.

Современные историки по-разному оценивают роль войн, в том числе и гражданских, в истории и развитии человечества, а

также их влияние на самого человека. На наш взгляд, одной из наиболее приемлемых является точка зрения В. П. Булдакова. В своей книге «Красная смута», где впервые в нашей историографии автор концентрируется на психопатологии российской смуты XX века, он пишет: «Революция может рассматриваться как дикая реакция на латентные формы насилия, которые приняли социально-удушающую форму. Вместе с тем, революция — это наиболее яркое напоминание о тех врожденных садомазохистских склонностях человека, которые были задавлены в обыденной “цивилизованной” действительности... Революционный хаос можно рассматривать как раскрытие “варварского” человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой “цивилизаторского” насилия власти... Собственно, все мифы и анти-мифы о революции, непременно выделяющие палачей и жертв, как раз и призваны удовлетворить потребность в легких, успокаивающих истинах. Последние, между тем, отнюдь не безопасны, ибо делают людей незащитными перед всякой очередной эпидемией социального упомешательства и массового насилия. В XX веке в этом можно было убедиться не раз»⁶.

Тем не менее, мы упорно продолжаем решать извечный российский вопрос — кто виноват? Его пытались решить и сами участники Гражданской войны. В рукописи конспекта статьи «Грехи белого режима» народный социалист, бывший глава правительства Северной области, в 1920 г. входивший и в состав правительства при генерале Деникине, Н. В. Чайковский резюмировал: «Войну с большевиками вели как войну с внешним врагом, а не как гражданскую войну, опираясь на силу оружия, а не сочувствие народных масс...»⁷ Борьба красных и белых, как справедливо писал кадет Н. Астров, ни с чьей стороны не захватила народной души. Это была яростная борьба за власть, в жертву которой был принесен Человек. Сражались за власть, которую каждая из сторон провозглашала праведной, за высокие государственные интересы. Но сотни тысяч, даже миллионы ни в чем не повинных людей, страдали и исчезали в том сражении⁸.

Сложность ситуации, по оценке журналиста эсера М. В. Вишняка, заключалась в том, что «сам народ» препятствовал выполнению «главной задачи гражданской войны — борьбы за массы», поскольку «этой войны упорно не принимал»⁹. В ко-

нечном итоге, как отмечал бывший член Войскового Круга Терского казачества эсер А. Фальчиков, и красное, и белое движения «объективно были направлены против интересов народа», намереваясь использовать их в своей борьбе за власть¹⁰.

Инициаторами разжигания гражданской войны и втягивания в нее широких крестьянских масс, составлявших большинство населения страны, были, прежде всего, лидеры большевиков. Одним из базовых документов в этом плане стал декрет ВЦИК (председатель — Я. М. Свердлов) от 13 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Он требовал «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов»¹¹.

А 20 мая 1918 г. Свердлов на заседании ВЦИК уже заявил: «Мы должны поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в этом случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для города»¹².

Продотряды принялись выгребать у крестьян не только излишки зерна и продовольствия, но и самое необходимое для жизни. Естественным ответом стали крестьянские бунты, повстанческие выступления против новой власти. С этого началась захлестнувшая огромную страну уже открытая гражданская война.

По данным колчаковского командования, к декабрю 1918 г. Чехословацкий корпус насчитывал в своих рядах 37 451 пехотинца и 638 кавалеристов¹³. Даже если численность корпуса в августе 1918 г. составляла 42 тыс. человек¹⁴, встает вопрос — как же эта горстка войск, затерявшаяся на бескрайних русских просторах от Волги до Владивостока, находясь на чужой земле, без централизованного снабжения и вооруженная практически одним

стрелковым оружием, сумела овладеть территорией от Поволжья и Урала до Дальнего Востока?

Загадки нет. Вот что писал по этому поводу видный колчаковский генерал К. В. Сахаров: «Целый ряд сибирских городов (Омск, Иркутск, Челябинск) был очищен от большевиков, даже без участия чехов, русскими офицерами и добровольцами. Чехи с гордым видом победителей торжественно вступали в них без всякого выстрела, принимали как должное овации населения и тотчас же приступали к реквизиции русского казенного имущества»¹⁵. Даже если для первых двух-трех месяцев боевых действий это преувеличение роли повстанцев, безусловно, победам чехословаков способствовали массовые выступления офицеров, рабочих и крестьянских повстанцев против советской власти.

Расхожее мнение, будто русский народ после 1917 г. чуть ли не молча покорился проявлениям произвола советской власти, не более чем выдумка. Заводские и крестьянские восстания буквально сотрясали Урал летом 1918 г. Ими были охвачены: май—июнь — Полевской, Рудянский, Северский, Павловский, Камбарский, Шемахинский заводы, Нижний Тагил, пос. Колчедан; июнь — Невьянск, Верх-Исетский, Кусинский, Саткинский, Бакальский, Нижнее-Сергинский, Нязе-Петровский заводы, Белебей, Ирбит, Златоуст, Шадринск, Екатеринбург; июль — Шемахинский, Надеждинский, Суксунский, Николо-Березовский заводы, Пермь.

Каковы причины восстаний? «На целом ряде заводов свергнута советская власть. Рабочие массы, спровоцированные белогвардейцами и в особенности меньшевиками и правыми эсерами, озлобленные ухудшением продовольствия и раздраженные неумелой постановкой и разрешением целого ряда вопросов, связанных с национализацией уральской промышленности, подняли форменное восстание против Советов»¹⁶. Это строки из доклада Высшему военному совету о положении дел в районе Екатеринбурга от 14 июня 1918 г., командующего образованного днем раньше Северо-Урало-Сибирского фронта Р. Берзина.

Питерский рабочий В. Каюров, позднее начальник политотдела 5-й армии Восточного фронта, считал, что причина озлобления крестьян против большевиков — прекращение свободной торговли и установление твердых цен на хлеб. При встре-

че с В. И. Лениным в Москве он еще 11 июля 1918 г. предлагал увеличить цены на хлеб.

И ведь крестьянская борьба за освобождение от деспотизма «военного коммунизма» закончилась лишь после того, как Ленин вынужден был объявить о переходе к новой экономической политике. В конце периода «военного коммунизма» Ленин обобщил: «восстания происходят как раз в тех районах, из которых мы берем хлеб. Разверстку провести было невообразимо трудно». Он не скрывал их опасности для Советской власти, признавая, что сила повстанческой, по его определению, «мелкобуржуазной анархической стихии» оказалась для большевистского режима опасней всех белых армий, вместе взятых¹⁷.

Руководители советской продовольственной политики вполне понимали: либо свободное производство и продажа продовольствия, либо продовольственная монополия правительства на хлеб и на человеческие жизни и удушение разверткой и голодом сопротивляющегося населения, особенно сельского. Выражая мнение Наркомпрода, его ведущий идеолог Н. Орлов признавал, что свободная торговля «обеспечила бы хлеботорговые операции даже и при высоких ценах», но «обогатив кулацкую деревню»¹⁸. Вот последнего больше всего боялась и радикальная общественность в 1916 г., когда под давлением Думы правительство ввело частичную разверстку и твердые цены на хлеб, и социалисты в 1917 г., и наследовавшие им коммунисты в 1918 г. Не обогатить «кулацкую деревню» следовало, ее следовало, на их взгляд, удушить.

Возьмем тот же Невьянский мятеж 12—17 июня 1918 г. Действительно, ядром восстания стал технический персонал и охрана автомастерских, эвакуированных из г. Луги в связи с наступлением немцев в феврале 1917 г. (около 300 человек). Но ведь сформированная дружина, по свидетельству комиссара финансов Невьянского совета Н. Матвеева, насчитывала до 5000 человек! Кто же поддержал восставших? Это были в основном крестьяне близлежащих волостей: Быньговской, Таволжанской, Шуралинской, Верхне-Тагильской, Рудянской, Верхне-Таволжанской.

Под какими же лозунгами шли на смерть эти люди? Может, требовали власти толпы, немедленного обогащения или анархии?

Нет. Их вел лозунг: «Вся власть Учредительному собранию!» — то есть требование демократии.

В открытом письме Центральному Комитету партии большевиков, находясь в ноябре 1918 г. под арестом, член ЦК партии левых эсеров, союзников большевиков в 1917 г., М. Спиридонова бросает обвинения правящей партии: «Лозунги “кулацких” восстаний (как вы их называете) не вандейские. Они революционны, социалистичны. Как смеете вы кроваво подавлять эти восстания вместо удовлетворения законных требований трудящихся?! Вы убиваете крестьян и рабочих за их требования перевыборов Советов, за их защиту себя от ужасающего, небывалого при царях произвола ваших застенков-чрезвычайек, за защиту себя от произвола большевиков-назначенцев, от обид и насилий реквизиционных отрядов, за всякое проявление справедливого революционного недовольства...»¹⁹

Может быть, это измышления ярого врага большевиков? Но вот вывод И. Сталина и Ф. Дзержинского. Расследуя причины поражений Восточного фронта и сдачи Перми, они писали в отчете Центральному комитету: «Партийные и советские учреждения лишились опоры в деревне, потеряли связь с беднотой и стали налегать на Чрезвычайную комиссию, на репрессии, от которых воеет деревня... Все партийные и советские учреждения единогласно констатируют “сплошную контрреволюционность” населения Пермской и Вятской губерний...»²⁰

Вот почему, по сути, без крупных вооруженных столкновений в ночь на 27 мая пал Челябинск. Утром 4 июля без боя красными оставлена Уфа. 25 июля сдан Екатеринбург.

Небольшие силы казаков и чехословаков, наступавшие на столицу красного Урала — Екатеринбург, не смогли бы этого так легко сделать, если бы не крестьянские восстания и действия белых добровольцев из населения. Отряды Шадринского уезда вели борьбу с красной группой, оборонявшей город с востока, и в первой половине июля расчистили восточные подступы к Екатеринбургу.

С юго-востока от города красным войскам наносили поражения повстанцы Курганского уезда, открывшие железнодорожные магистрали на Екатеринбург и Челябинск. В конце июня — начале июля в тылу 3-й армии в районе Кусинского, Саткинского, Бакалинского заводов и Месягутовской волости Уфимской губернии большую группировку красных разгромили примерно 5000 повстанцев.

Следующие чувствительные поражения понесли войска 3-й армии от повстанцев севера Уфимской и юга Пермской губерний в середине июля 1918 г. Взбунтовавшимся населением Нижне-Сергинского, Нязе-Петровского заводов и крестьянами Красноуфимского уезда совместно с башкирскими вооруженными формированиями с этой стороны путь на Екатеринбург тоже был открыт.

Так образовался Екатеринбургский котел. Чехословацкие части и казацьи отряды, поддержанные восстанием офицерского подполья города, 25 июля 1918 г. овладели Екатеринбургом.

Тем не менее, через полгода — год пролетарии и крестьянство Урала качнулись в сторону большевиков. Как признавался впоследствии Л. Д. Троцкий, из двух зол крестьяне выбрали меньшее, как они тогда считали, — большевиков. Подчеркнем — из двух зол. Белые так и не сумели выдвинуть единую консолидирующую и привлекательную для народа идею, а практика их деятельности в занятых районах оказалась также отвергнутой массами.

Первый историк белой борьбы в Зауралье Б. Б. Филимонов приводит следующие свидетельства участников наступления на Екатеринбург с востока: «На плечах противника ворвались белые в деревню Яшино (правильно Якшино. — С. К.). Марафонский бег не прекращался. Красные удирали, что было мочи. Белые стремились их нагнать... Крестьяне деревни Яшино встретили белых восторженно. Следует сказать, что было жарко основательно. Движение в течение целого дня по полям под солнцепеком, а затем преследование противника, порядочно истомили белых. Мучила жажда, а тут, на нашу радость, бабы и мужики, встречая нас, выносили из домов кто ковши с водой или квасом, кто кринки молока и хлеб, уговаривая нас: “Подкрепись, родимый, да и жарь, догоняй окаянных”... Преследование разбитого противника продолжалось. Между прочим, красным крестьяне не давали ни воды, ни, подавно, молока»²¹.

Тем не менее, встречая радушный прием, белые полки оставались малочисленными, что серьезно сдерживало их боевые возможности. Крестьяне не торопились вступать в ряды освободителей. Они изъявляли желание служить под бело-зеленым сибирским знаменем, но добровольцами не шли, опасаясь расправы большевиков над своими родственниками в случае оставления по военным обстоя-

ательствам их родных деревень. А мобилизация как бы снимала с них ответственность за поступление в белую армию.

Белое командование не вело широкой разъяснительной работы и не способствовало развитию широкого добровольческого движения среди крестьян. И это несмотря на то, что последние испытывали чувства благодарности к «белым борцам, освободившим их от гнета самодержавного большевизма и коммунизма», — именно так выразился сельский сход Крутихинской волости Ирбитского уезда 3 августа 1918 г.²²

Не хотели крестьяне воевать и на стороне красных. В сентябре 1918 г. красный Волинский полк состоял в основном из мобилизованных рабочих Режевского завода и крестьян села Покровского. Он имел в своем составе 1056 штыков и 22 сабли, а всего 1642 человека. Наступавшая пора уборки хлебов и отвергавшиеся просьбы об отпуске подтолкнули мобилизованных на конфликт с красным командованием. 8 сентября Волинский полк перешел к белым. Полковник С. А. Кононов докладывал в штаб белого Северо-Уральского фронта: «Всего красноармейцы сдали нам один бронепоезд с 12 пулеметами и 3 орудиями, один эшелон припасов с локомотивом, один санитарный эшелон тоже с локомотивом; роты передали 9 пулеметов, из них 2 Кольта с запасными частями для пулеметов, 600 винтовок, 30 тысяч патронов, два ящика шрапнелей и гранат. Всего сдались 541 красноармеец и 79 китайцев... Завод и станция “Реж” взяты двумя ротами фронтовиков из сдавшихся красноармейцев»²³.

Большое, протяжением почти десять верст, село Покровское, охваченное крестьянским восстанием, было окружено красноармейцами 1-го Крестьянского коммунистического полка и Путиловского стального кавалерийского дивизиона при поддержке бронепоезда, подверглось артиллерийскому огню, взято конной атакой и сожжено 11—12 сентября²⁴. Такovy реалии Гражданской войны.

Но втянуть народ в гражданскую войну, несмотря на старания и белых, и красных политиков, оказалось не просто. Так, создавая Народную армию Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в Поволжье летом 1918 г., даже эсеры, получившие подавляющее большинство голосов на выборах всего полгода назад, столкнулись с сопротивлением крестьянства. По словам эсеровских агитаторов, в представлении темной крестьян-

ской массы гражданскую войну раздувают враждующие между собой партии, и крестьяне недовольны тем, что их, беспартийных людей, зовут на партийную борьбу, в которой они не хотят участвовать. Один из офицеров штаба Народной армии в рапорте писал, что в беседе с крестьянами можно услышать: «Мы люди темные, повиноваться должны власти, уж какая она ни есть». В селении Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии на сходе 23 июля 1918 г. крестьяне заявляли: «Мы крови не хотим, воевать на своего брата не пойдем. Мы пошлем делегатов, и будем просить сложить оружие с обеих сторон»²⁵.

Белым источникам вторят красные. Военные разведчики Красной армии из своих наблюдений также делали выводы о стремлении многих крестьян и целых селений остаться на нейтральной позиции. «Настроение крестьян безразличное, только бы их не трогали», — сообщалось в агентурной сводке 1-й Красной армии о позиции крестьян многих селений Симбирской губернии. «Хлебушко есть — и слава богу, а кому нужны эти гвардии, те пусть и дерутся, мы в стороне»²⁶.

Подобную позицию занимали и многие младшие офицеры. В архиве управления ФСБ по Омской области хранится дело подпоручика 1-го Бузулукского полка, а затем колчаковского 1-го Егерского полка, Карпенко Феодосия Семеновича. В 1917 г. он окончил Владимирское военное училище в Петрограде и получил звание прапорщика. В декабре 1917 г. по приказу новой, большевистской власти, вместе со своим 170-м полком старой армии, привлечен для подавления выступления атамана Дутова. 15 января 1918 г. Карпенко демобилизован и решил жить под Рыбинском. Однако в конце мая поехал в Бузулук за своими вещами и в гости. Здесь его застиг «мятеж» чехословацкого корпуса. Бывший офицер арестовывается чехословацким комендантом за участие в борьбе против Дутова, но сумел тут же освободиться под поручительство офицеров бывшего 170-го полка. Стремясь уклониться от участия в гражданской войне, он уходит из Бузулука в деревню с символическим названием Тупиковка и устраивается на работу учителем. Тем не менее, 14 июня объявляется мобилизация в Народную армию Комуча, и Карпенко не только опознан, но и привлечен к ответственности за сокрытие офицерского звания. Но командиры нужны, и он тут же амнистирован и

получает назначение в 1-й Бузулукский полк. Немудрено, что уже в ноябре он попадает в госпиталь с серьезным нервным расстройством. А затем было и отступление, и присвоение, уже в Семиречье, звания подпоручика генералом Бакичем, и обморожение, и тиф. Из госпиталя Международного Красного Креста вышел в августе 1929 г. уже на китайской территории. Здесь он был пленен красными и вместе с другими офицерами предан суду в г. Омске²⁷. Уклониться от гражданской войны ему не удалось.

Факты говорят о том, что на поле брани столкнулись, как выясняется, армии, не столь уж различающиеся по своему социальному составу. По данным Ю. Н. Ципкина, анализировавшего анкеты эмигрантов, оказавшихся в Харбине, доля рабочих крестьян и казаков в белой армии составила, по анкетным данным, почти 73 %. Только 18 % среди изучаемой совокупности отметили, что оставили то или иное имущество в России. Почти четверть белых солдат и офицеров прошли через германский фронт²⁸. Но ведь примерно таким же был социальный состав и РККА, в которой крестьянство составляло 77 %²⁹!

Имеющиеся к настоящему времени сведения позволяют с достаточной определенностью констатировать отсутствие прямой материальной заинтересованности в борьбе с новой властью и у подавляющего большинства белого офицерства. Изучив послужные списки 71 офицера — участников Кубанского Ледяного похода, заложившего основы белой Добровольческой армии, А. Г. Кавтарадзе установил, что у 64 из них (90 %) никакого недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имелось³⁰. А ведь в советской исторической литературе эта армия однозначно называлась буржуазно-помещичьей.

Вообще необходимо отметить, что несущественно отличалось и число офицеров старой армии, воевавших на стороне белых и красных: приблизительно 100 и 75 тысяч, то есть 40 и 30 % дореволюционного офицерского корпуса соответственно³¹.

Сегодня невозможно оспорить, что гражданской войной со стороны белых руководили отнюдь не монархисты, а либералы (прежде всего — кадеты) и революционеры, не согласные с большевиками (главным образом — эсеры). Достаточно внимательно прочитать альбом «Белая Россия», выпущенный Главным управлением

зарубежного союза русских военных инвалидов в Нью-Йорке в 1937 г., составленный бывшим начальником штаба Донской армии Генштаба генерал-лейтенантом С. В. Денисовым. Он вполне определенно свидетельствует — все вожди белого движения никогда не призывали к защите старого строя, а приказывали повиноваться Временному правительству и содействовать новому укладу жизни.

Те же главные вожди белого движения Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин к 1917 г. были всего лишь командирами корпусов (а корпусов было к этому времени 68). В 1917 г. первый — стал Главнокомандующим и лично арестовывал императрицу, второй выдвинулся до начальника штаба Ставки, командующего Западным фронтом. Да и Главком царской армии генерал М. В. Алексеев сыграл важную роль в отречении Николая II.

Так что главные вожди белой армии, как подметил В. Кожинов³², — выдвиненцы кадетско-эсеровского Временного правительства. Да и на знаменах Белой идеи было начертано: к Учредительному собранию, то есть то же самое, что значилось и на знаменах Февральской революции. Борьба Красной и Белой армий вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями — это была борьба двух «новых» властей — Февральской и Октябрьской.

Народ занял выжидательное положение в отношении белых, надеясь на шаги по разрешению наболевших вопросов о земле, труде и т. д. Универсальное «непредрешенчество» народу ничего не говорило и не могло его увлечь на борьбу. Отсутствие единой идеологии движения отталкивало массы, разлагало белый тыл. Красные же скрепляли его за собой террором, децимациями, а главное — обещаниями земли и справедливости.

Следует признать, — делает вывод современный историк М. В. Назаров³³, — что политика белых правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь, это и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль.

Отсюда и положение в этих армиях офицерского корпуса, монархизм которых часто, на наш взгляд, преувеличивается. Повидимому, достоверна характеристика политических убеждений Добровольческой армии, данная генералом Я. А. Слащовым-Крымским: «Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило

и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. “Боже, царя храни” все же провозглашали отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четырёххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал... Получилась мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов»³⁴.

И речь здесь идет о Добровольческой армии юга. Что же мы видим на востоке страны? В армии адмирала А. В. Колчака числилось около 17 тыс. офицеров и генералов. Кадровых офицеров (производства до 1915 г.) насчитывалось менее одной тысячи, а офицеров военного времени (производства 1916 г. и позднее) — 15—16 тысяч. Дивизиями и корпусами не командовал ни один из генералов старой армии, видную роль играли практически только два — М. К. Дитерихс и М. В. Ханжин³⁵.

Но и здесь отчуждение солдат от офицеров, долгое время зревшее в ходе неудачной войны и поддерживаемое левыми партиями, проявлялось отчетливо. Настороженное отношение к офицерству было и в казачестве. В документе съезда объединенных станиц Оренбургского казачьего войска в мае 1918 г. отмечено: «...обсуждался вопрос о том, что в г. Илеке временно проживают пехотные офицеры, но боятся прибыть к нам, т. к. циркулируют слухи, будто бы в Оренбургском войске к офицерам есть недоверие казаков. Принимая во внимание, что постановлением нашим от 16 мая 1918 г. выражено полное доверие всем офицерам, а потому просим пехотных офицеров, если они пожелают, прибыть на наши позиции в качестве рядовых бойцов против большевиков»³⁶.

Недоверие существовало не только на уровне слухов. 3-й Чрезвычайный круг Оренбургского казачьего войска в сентябре 1918 г. постановил: «Офицерский союз (собрание), устроенный офицерами, теперь же прекратить, как имеющий политический характер»³⁷.

Конечно же, далеко не благожелательное отношение офицеры, воевавшие в белых армиях, испытывали к тем, кто попал к красным, пусть даже и не по своей воле. В одном из приказов Деникина говорилось: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд русской Армии — суровый и беспощадный»³⁸.

В конце декабря 1918 г. в колчаковской газете «Свободное Слово» появилась статья офицера Генштаба Язвина, по поводу офицерского состава перешедшей к белым Академии Генштаба: «Полагаю необходимым, — писал он, — возбудить вопрос о предании военно-полевому суду всех офицеров... служивших у большевистской власти после 12 марта 1918 г. и получивших за свою службу большевистские деньги и тем самым активно, за плату, участвовавших в уничтожении русской государственности...»³⁹ Призыв не остался на бумаге. В армии А. В. Колчака имелись Окружные следственные комиссии для рассмотрения деятельности офицеров и чиновников, причастных к большевистской организации⁴⁰.

И красные, и белые после занятия городов в числе первых издавали приказы об обязательной регистрации всех бывших офицеров под страхом строжайших кар.

Уже 23 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство издает постановление: «Никакие отсрочки, равно как освобождение от призыва на службу, в войсках... для офицеров и военных чиновников в возрасте до 43 лет не допускаются»⁴¹.

Заяв Пермь, командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал А. Н. Пепеляев 26 декабря 1918 г. объявляет населению: «Кто не с нами, тот против нас!»⁴², а офицерам приказывает: «Всем офицерам старой русской службы явиться к Начальнику Гарнизона 29 декабря в 12 часов. Не явившиеся будут считаться дезертирами и преданы будут военно-полевому суду»⁴³.

Приведем ряд приказов за 1919 г., касающихся офицеров армии Колчака и хранящихся только в одном деле архива г. Екатеринбурга (ЦДООСО).

7 января 1919 г. Колчак издает приказ о явке к комендантам городов всех не состоящих в войсках и в резерве генералов, штаб-и обер-офицеров до 43-летнего возраста: «Отменяются все отсрочки офицерам, служащих в предприятиях и работающих на оборону», свидетельства о болезни, «выданные во время большевизма, считать недействительными и подвергнуть переосвидетельствованию всех освобожденных от военной службы»⁴⁴.

Оставление фронта — тягчайшее преступление. Приказ Колчака от 3 января: «За самовольную отлучку с фронта из отрядов и за бездеятельность, отстраняются от командования авиаот-

рядами — 12-м Сибирским — полковник Макаров и 13-м Сибирским — подполковник Рыжков»⁴⁵.

Шаг вправо — влево считался побегом. Приказ начальника гарнизона г. Перми от 10 января 1919 г.: «Заявления офицеров о переводе на гражданскую службу рассматриваться не будут»⁴⁶.

Дорога одна — на фронт. 28 февраля 1919 г. Колчаком упраздняются «резервы офицеров при управлении воинских начальников, комендантов и пр., образовать же их на театре военных действий при штабах армий или штабах округов»⁴⁷. 3 мая командующий Омским военным округом запрещает командировки офицеров на Дальний Восток (в тыл), а отпуска — лишь в крайнем случае⁴⁸.

14 марта 1919 г. — приказ о проверке всех офицеров и чиновников, живущих в Омском военном округе; не имеющим на это законного основания — выехать на фронт⁴⁹.

16 мая приказ Колчака о сокращении отпусков из армии и переосвидетельствовании всех офицеров, которые имеют свидетельства о непригодности к строевой службе⁵⁰, и 20 августа — о запрещении всех отпусков и отзыве в войска всех, кто в них числится⁵¹.

2 июня — ввиду сильного недостатка на фронте командного состава А. В. Колчак приказывает всех офицеров, даже не бывших на фронте в русско-германскую войну, срочно командировать в действующую армию⁵². И так далее...

Понимая, что боеспособность армии в огромной степени зависит от офицерского состава, и красные, и белые, используя печать, стремились воздействовать на патриотические чувства командиров.

Приказ Верховного Главнокомандующего Уфимской директории генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, обращенный к офицерам, позволяет взглянуть на события глазами противников большевиков: «Советская власть, — говорилось в нем, — задавшись целью разложить и уничтожить в угоду Германии русскую армию, нанесла свой первый удар офицерству, унизив их достоинство и натравив на них малосознательную часть солдат... Не зная на невероятные усилия лучшей части офицерства, русская армия, лишившись этого главного оплота, была доведена до полного разложения, что и привело нашу Родину к позорному Брестскому миру и порабощению России Германией.

К сожалению, приходится признать, что большевистский яд разложения проник и в русскую армию, коснулся и офицерской среды. Теперь, в дни возрождения русской армии, вся тяжесть созидательной работы к ее воссозданию ложится на Вас. Я сделаю все, чтобы облегчить ваш напряженный труд, окружить Вас тем уважением и дать те права, без которых не может протекать плодотворная созидательная работа по укреплению мощи нашей молодой армии»⁵³.

Однако уже к августу 1918 г. выявились разные точки зрения даже среди офицерства Оренбургского казачьего войска. Одни, во главе с войсковым атаманом А. И. Дутовым, после некоторых колебаний начали ориентироваться на консервативные силы Сибири, другие продолжали хранить верность Самарскому правительству.

Это привело к тому, что когда Войсковое правительство и атаман Дутов поспешили признать переворот адмирала А. В. Колчака 18 ноября 1918 г., была предпринята неудачная попытка свержения Дутова и Войскового правительства. По свидетельству сподвижника А. И. Дутова — генерал-майора И. Г. Акулинина, в нем участвовали атаман 1-го округа Каргин, командующий Актюбинской группой Генерального штаба полковник Махин, несколько офицеров (не казаков) во главе с лидером Башкирского правительства Валидовым⁵⁴.

Еще в августе 1918 г. открыто заявлял о своих взглядах глава группы казачьих офицеров полковник Ф. А. Богданов, призывая бороться за Учредительное собрание. Через год, 8 сентября 1919 г., он перешел со своей бригадой на сторону Красной армии и участвовал в боях против поляков, врангелевцев, басмачей.

Вполне правомерно предположить, что еще более индифферентные взгляды, и даже более левые, имела масса офицерства в целом. Ведь ее основу составляли младшие командиры. Распределение офицеров по рангам можно продемонстрировать на примере 15-го Оренбургского казачьего полка (данные на декабрь 1918 г.): полковник — 1, войсковых старшин — 2, есаулов — 2, подьесаулов — 3, хорунжих — 6, поручиков — 3, подпоручиков — 2, прапорщиков — 12, подпрапорщиков — 5, юнкеров — 1⁵⁵. Таким образом, на 5 старших офицеров приходится 26 младших, т. е. в 5 раз больше (даже не считая 5 подпрапорщиков и юнкера).

Младшие офицеры переходили, случалось, и на сторону красных. Так, приказом № 355 от 25 июня 1919 г. командующий Омским военным округом генерал Матковский лишил офицерского звания прапорщиков Н. Сергеева, Г. Гончарова и С. Сергиенкова за то, что «они состоят главарями большевистских шаек в Томском уезде и ведут боевые действия против наших войск»⁵⁶.

Или вот дело зауряд-прапорщика Д. И. Корепанова из архива управления ФСБ Омской области. Родился в семье крестьянина Вятской губернии в 1892 г. Окончил учительскую семинарию. В августе 1914 г. мобилизован, и в 1915 г. получил офицерское звание. В августе 1918-го вместе с красными отступил от отрядов Семенова из Читы в Иркутск. Был разжалован захватившими город белыми, за службу красным, в рядовые. Призван в войска и служил писарем в кадровом полку Сибирской армии Колчака.

В декабре 1918 г. полк отправлен для борьбы с партизанами в Канский уезд, но перешел к красным. При этом все офицеры перешедшего отряда были зарублены и расстреляны, а Корепанов, как рядовой, в течение года продолжал воевать в составе Тасеевского партизанского отряда. Из Красной армии был демобилизован, как учитель, в начале июня 1920 г.⁵⁷

Не было единым офицерство и внутри воевавшего колчаковского стана. На III Чрезвычайном Войсковом круге Оренбургского казачьего войска начальник штаба 3-го Уральского корпуса генерал-майор Н. Т. Сукин (кстати, потомок командира Преображенского полка, которым его предок командовал при Петре I⁵⁸) докладывал, как писали газеты, что «нашлись отдельные лица и среди офицеров, примкнувшие к большевикам. Отбрасывая эти единицы, генерал указывает, что все остальное офицерство разбилось на две части, из которых одна признала необходимым вести борьбу, не складывая оружия; другая часть, видя бесполезность такой борьбы до тех пор, пока массы не переболеют большевизмом и не изживут его, временно сложила оружие, выжидая событий. Но когда время борьбы настало и началось восстание масс, эта часть офицерства поголовно, включая даже стариков, встала в ряды бойцов. Генерал считает должным заявить, что эта последняя часть офицерства также честно исполняла свой долг перед войском, как и первая, и ни в коем случае нельзя признать основательными те отношения, которые приходится наблюдать

со стороны многих представителей 1-й группы к группе 2-й. Заканчивая свою речь, генерал Н. Т. Сукин призывает офицерство прекратить эти счеты и прийти к примирению между собой»⁵⁹.

То, что уже весной 1919 г. командование Русской армии А. В. Колчака не доверяло части офицерства, доказывает и тот факт, что еще тогда, например, штаб 2-го казачьего корпуса потребовал произвести переоценку всех офицеров, как строевых, так и нестроевых, в смысле их «надежности и верности принципам и идеалам, за которые борется Российская армия». Циркуляр требовал «неблагонадежных офицеров решительно отстранять и допускать к замещению офицерских должностей твердых и испытанных подпрапорщиков и подхорунжих...»⁶⁰.

Однако выполнению подобных предписаний мешало одно обстоятельство. Генерал для поручений при Колчаке М. А. Иностранцев отмечал, что в формировавшихся частях «был сильный некомплект офицеров, так что чины последних далеко не соответствовали занимаемым ими должностям... Полками командовали иногда капитаны, а ротами — прапорщики, и причем, без боевого опыта. Все это должно было, конечно, отражаться на подготовке этих молодых частей»⁶¹.

Офицерский корпус армии Колчака быстро сокращался. Только за полтора месяца боев — с 1 сентября по 15 октября 1919 г. — убитыми и ранеными Уфимский корпус потерял 480 офицеров, Волжский — 224, Уральский — 227, Степная группа — 57⁶².

Им на смену приходила интеллигенция, в основном учителя, настроенные проэсеровски. Командный состав уменьшился не только за счет естественных боевых потерь, но и в результате дальнейшей эволюции мировоззрения колчаковских офицеров, приводившей к переходу в Красную армию, да и просто стремления выжить. Только в составе красных войск, сражавшихся в районе Иркутска (январь 1920 г.), их насчитывалось уже 635⁶³.

Да и те, кто оставались, в военном отношении оставляли желать много лучшего. Не кто-нибудь, а военный министр правительства Колчака генерал А. Будберг 14 августа 1919 г. записал в своем дневнике: «Наряду с небольшим числом настоящих, дельных офицеров, прибывают (на фронт. — С. К.) целые толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распушенной мо-

лодежи, очень кичащейся своими погонями и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу; умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию; свидетельствуют... что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеров являются причинами ухода частей с их боевых участков и панического бегства»⁶⁴.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Во-первых, характерной особенностью формирования антибольшевистских армий на востоке страны, и особенно Русской армии А. В. Колчака, как наиболее массовой из них, был недостаток командных кадров. Офицерских формирований, возможных в Добровольческой армии А. И. Деникина, в армии А. В. Колчака практически не было.

Во-вторых, следствием первой особенности был низкий профессиональный уровень и отсутствие боевого опыта у молодых офицеров, которые стечением обстоятельств и необходимостью выдвигались на высокие командные посты, особенно во фронтовых частях.

В-третьих — наличие целого ряда противоречий, таких как антагонизм кадровых офицеров и офицеров военного времени, тех, кто воевал с самого начала антибольшевистского движения, и тех, кто оказался временно на службе у красных, фронтовых офицеров и тыловых. Сказывались и различия в политических взглядах и идеалах различных групп офицеров.

В-четвертых, политическая индифферентность части офицеров, особенно занявших командные посты по мобилизации.

В-пятых, отсутствие тесной связи и боевой спайки между солдатами и командными кадрами, порождающее недоверие в критических ситуациях, также отрицательно сказывалось на боеспособности армии.

Все это в целом отразилось на уровне боеспособности войск, особенно при переходе от наступления к оборонительным действиям, и послужило одной из причин поражений и разгрома Русской армии А. В. Колчака.

(Продолжение в следующем номере)

Примечания

- ¹ Башкирская энциклопедия : в 7 т. Уфа, 2005. Т. 1 ; 2007. Т. 2 ; Большая Тюменская энциклопедия : в 3 т. Тюмень ; Екатеринбург, 2004 ; Екатеринбург : энцикл. Екатеринбург, 2002 ; Удмуртская республика : энцикл. Ижевск, 2000 ; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000 ; Челябинск : энцикл. Челябинск, 2001 ; Челябинская область : энцикл. : в 7 т. 2003. Т. 1 ; 2004. Т. 2, 3.
- ² Гражданская война в России : борьба за Поволжье. М. ; СПб., 2005 ; Гражданская война в России : катастрофа Белого движения в Сибири. М. ; СПб., 2005 ; Каппель и каппелевцы. М., 2003.
- ³ *Волков Е. В.* Под знаменем белого адмирала : офицерский корпус русских вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2006 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Куццов И. В.* Белые генералы Восточного фронта : биограф. справ. М., 2003 ; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002 ; *Дубленных В. В.* Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Екатеринбург, 2002 ; *Казанчиев А. Д.* Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003 ; *Константинов С. И.* Правовые основы чинопроизводства офицерского корпуса армии А. В. Колчака // Актуальные проблемы истории, политики и права : межвуз. сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. Ч. 2 ; *Он же.* Екатеринбург в Гражданской войне: «белое» правление // Урал военной истории России: традиции и современность : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2003 ; *Он же.* Армия Уфимской Директории в Гражданской войне // Исторический опыт, современное состояние и перспективы сотрудничества народов России и Башкортостана : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2006 ; и др. ; *Нарский И. М.* Жизнь в катастрофе : (будни населения Урала в 1917—1922 гг.). М., 2001 ; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002.
- ⁴ См. статьи Н. В. Кладовой, Ю. Г. Лончакова, Н. И. Дмитриева, Н. П. Шуранова и др. в кн.: История «белой» Сибири : тез. науч. конф. Кемерово, 1995 ; и др.
- ⁵ *Эдельман Дж.* Историческое значение Гражданской войны в России // Гражданская война : перекресток мнений. М., 1994.
- ⁶ *Булдаков В. П.* Красная смута : природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 5—6.
- ⁷ См.: Московские новости. 1992. 19 апр. С. 24.
- ⁸ Там же.

- ⁹ *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 118—119.
- ¹⁰ *Фальчиков А.* Белое движение : (по поводу доклада П. Н. Милукова) // Воля России. Прага, 1924. № 18/19. С. 209.
- ¹¹ URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/18-05-13.htm> (дата обращения: 20.05.2013).
- ¹² URL: <http://www.pseudology.org/Kojevnikov/Sverdlov/htm> (дата обращения: 20.05.2013).
- ¹³ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 26. Л. 189.
- ¹⁴ См.: Директивы Главного Командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 793 ; *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России 1917—1920 гг. М., 1965. С. 36.
- ¹⁵ *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 153.
- ¹⁶ См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 59. Л. 7—8.
- ¹⁷ См.: *Каюров В.* Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции (1917—1921 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 38.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 41.
- ¹⁹ URL: <http://revsoc.org/archives/1143> (дата обращения: 20.05.2013).
- ²⁰ *Сталин И. В.* Собрание сочинений : Т. 4 : Ноябрь 1917—1920 гг. М., 1951. С. 45.
- ²¹ *Филимонов Б. Б.* Борьба в Зауралье : действия Западно-Сибирского отряда, осень 1918 г. // Кручинин А. М. Под бело-зеленым знаменем : очерки истории военных действий в Зауралье летом и осенью 1918 г. Екатеринбург, 2008. С. 22.
- ²² Там же. С. 23.
- ²³ См.: *Кручинин А. М.* Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2008. С. 48.
- ²⁴ *Филимонов Б. Б.* Указ. соч. С. 57—59.
- ²⁵ См.: *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 36.
- ²⁶ См.: Там же. С. 254, 257.
- ²⁷ Архив управления Федеральной службы безопасности по Омской области (далее — АУФСБОО). Д. 50 279. Л. 1—8.
- ²⁸ *Ципкин Ю. Н.* Белое движение в Сибири : люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело : ист. науч.-попул. альманах. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 45.
- ²⁹ Гражданская война : спец. вып. // Родина. 1990. № 10. С. 25.
- ³⁰ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М., 1988. С. 36.
- ³¹ Там же. С. 177.

- ³² *Кожин* В. Загадочные страницы истории XX века // Наш современник. 1994. № 11/12. С. 239.
- ³³ *Назаров* М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 39—40.
- ³⁴ *Слащов-Крымский* Я. А. Белый Крым, 1920 г. М., 1990. С. 40.
- ³⁵ См.: *Эйхе* Г. Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 291.
- ³⁶ *Войнов* В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918—1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 52.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Деникин* А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 4 : Вооруженные силы юга России. С. 91.
- ³⁹ ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 104. Л. 12.
- ⁴⁰ Там же. Д. 221а. Л. 206.
- ⁴¹ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 118. Л. 18 об.
- ⁴² Там же. Д. 119. Л. 38.
- ⁴³ Там же. Д. 124. Л. 8.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 221а. Л. 75.
- ⁴⁵ Там же. Л. 79.
- ⁴⁶ Там же. Д. 221а. Л. 287.
- ⁴⁷ Там же. Л. 316.
- ⁴⁸ Там же. Л. 144.
- ⁴⁹ Там же. Л. 225.
- ⁵⁰ Там же. Л. 164.
- ⁵¹ Там же. Л. 256.
- ⁵² Там же. Л. 190.
- ⁵³ *Войнов* В. М. Указ. соч. С. 57.
- ⁵⁴ *Акулинин* И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920 гг. Шанхай, 1937. С. 102—103.
- ⁵⁵ *Войнов* В. М. Указ. соч. С. 57.
- ⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 221а. Л. 228.
- ⁵⁷ АУФСБОО. Д. 50279. Л. 1—8.
- ⁵⁸ Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 153. Л. 51.
- ⁵⁹ *Войнов* В. М. Указ. соч. С. 57—58.
- ⁶⁰ Там же. С. 59.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 61.
- ⁶² *Сахаров* К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 153.
- ⁶³ *Соскин* В. Л., *Красильников* С. А. Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917—1920 гг.) // Интеллигенция и революция : XX век. М., 1985. С. 223.
- ⁶⁴ *Будберг* А. Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 295.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)64-283.2

О. В. Золотарев

НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Главные изменения, касающиеся положения интеллигенции в постсоветский период, связаны с утратой данной социальной группой функции посредника между властью и народом. В итоге бывшая советская интеллигенция постепенно превратилась в подобие западных интеллектуалов. Кроме того, в советское время достаточно быстро действующие социальные лифты позволяли представителям интеллигенции глубоко видеть и ощущать протекающие в обществе изменения. После стабилизации нынешнего властного режима возможности социальных лифтов до предела сужены, если не утрачены вовсе. Это заставляет постсоветскую интеллигенцию вариться в собственном соку, в результате она постепенно утрачивает былую активную социальную и идеологическую функцию, превращаясь в службу интересов влиятельных политических субъектов. Твердо стоящий на ногах режим, который полагает, что он жестко контролирует обстановку в стране, не видит нужды в интеллигенции как самостоятельной социальной группе. Ему, как и на Западе, нужны интеллектуалы, обеспечивающие в сфере контроля над обществом выполнение задач чисто технического характера. Поэтому происхо-

© Золотарев О. В., 2013

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8212) 21-44-81.

дит растворение интеллигенции как социального типа, что, впрочем, не означает исчезновения интеллигентов, способных объединиться в сколь-нибудь значимую социальную группу.

В определенной степени подобные перемены обусловлены и значительным разрастанием группы людей с высшим образованием, российские интеллектуалы стали массовым явлением, превратившись в интеллектуальную среду и утратив при этом общие интересы.

Более того, участие интеллигенции, которая была «двигателем» перестройки, в произошедших в стране на рубеже 1980—90-х годов переменах привело и к потере морального смысла интеллигенции. Была утрачена идеологема «власть — интеллигенция — народ». Часть интеллигенции, приняв деятельное участие в легитимизации нового режима, лишалась морального права говорить о защите «униженных и оскорбленных», о своей совестливости и добропорядочности. Интеллектуальная прослойка потеряла свое влияние, во многом базировавшееся на моральном превосходстве и стремлении к справедливому обществу. Кроме того, именно интеллигенцию народ считает виновной в той катастрофе, которую пережила страна в 1990-е годы. Но и сами интеллектуалы испытали разочарование, особенно те слои, что активно участвовали в политике, ибо они шли в политику, руководствуясь нравственным выбором. Но и при демократии, в особенности при российской демократии, политика имеет мало общего с нравственностью. Кроме того, рынок принес в культуру диктатуру денег. Деятели культуры оказались в зависимости от массового спроса. Новая, рыночная иерархия экономических отношений, навязываемая ею система ценностей, подрывала не только лидерские позиции интеллигенции в обществе, но и ставила под сомнение, как уже указывалось, саму возможность существования интеллигенции как социальной группы. Многие интеллектуалы оказались не готовы к этому и не смогли найти достойное место в новой жизни¹.

Ситуация осложнялась и тем, что лишенная во многом искусственной поддержки государства в советскую эпоху интеллигенция оказалась разобщена на чисто профессиональные группы: учителей, врачей, ученых и т. д. Это вело к потере интеллигенцией функций внеклассовой прослойки, не примыкающей ни к ка-

кому классу. Данные различия усиливались и вследствие растущего образовательного и экономического неравенства. Сыграли определенную роль и такие факторы, как: завышенные ожидания общества, в особенности молодежи, навязываемые ценности потребления, растущая деполитизация, ценностный разрыв поколений и др. В итоге постсоветская интеллигенция так и не стала основой среднего класса, несмотря на робкие попытки режима трансформировать ее в российский средний класс на основе осознания функционально-идеологической общности. Эти наблюдения позволяют некоторым исследователям утверждать (и довольно обоснованно), что интеллигенция умерла как сословие, ибо уж слишком ее затронул процесс социального расслоения. В «рыночных» условиях интеллигенция перестала быть единым вольнолюбивым сословием, произошло не просто ее расслоение, но и размежевание. Большая ее часть (врачи, учителя и т. д.) перешла в разряд нестатусной интеллигенции, приравнена властью к люмпенам и презрительно названа «бюджетниками». Меньшая часть — статусная интеллигенция пошла на службу властям и начала поддерживать и пропагандировать новый порядок. Однако ни те, ни другие уже не задумывались о свободе, о которой так любили говорить прежде².

Надо заметить, что в постсоветский период против интеллигенции играло и еще одно обстоятельство. В советское время была создана мощная интеллектуальная элита. Но когда страна пережила невиданный экономический крах, то интеллигенция оказалась в ситуации невостребованности, ибо необходимый для такого интеллектуального сообщества уровень развития просто отсутствовал. Россия откатывалась на позиции стран третьего мира, а ее интеллектуальная элита позиционировала себя как элита страны первого эшелона развития, и интеллектуалы оказались не готовы признать свою невостребованность³.

Испытала постсоветская интеллигенция и определенное нравственное разочарование. Способствовал утверждению нового режима и поддержав его в середине 1990-х годов (как во время событий сентября — октября 1993 года, так и в период президентских выборов 1996 года), интеллигенция стала заложником новой власти. Фактически она психологически навязала обществу выбор: Ельцин или крах. И при этом сама не заметила, что при ее

непосредственном участии произошло возвращение назад. Целесообразность ради демократии в тот момент возобладала над ценностями собственно демократии. И это привело к обесцениванию и дискредитации в российском обществе как демократических процедур (таких как выборы), так и демократии в целом. Вместе с этим произошла и определенная девальвация интеллигента как носителя нравственности. Во многом это было результатом неизбежного искажения реальной картины интеллигентом, вовлеченным в политику. Ведь он, невольно подчиняясь политической лояльности, преувеличивал значение того, что совпадало с его политическими воззрениями, и маргинализировал то, что этим целям противоречило. Таким образом, интеллигент, входя в политику, переставал быть интеллигентом, ибо он против своей воли становился «технологом власти»⁴.

Превращаясь в подобие западных интеллектуалов, российская интеллигенция утрачивала и свою независимость, ибо интеллектуалы не претендуют на большее, нежели профессиональная самореализация. Постсоветская интеллигенция постепенно стала напоминать западных «белых воротничков», этаких узких специалистов, чьи интересы имеют чисто групповой характер. Поэтому казалось, что и в России интеллигенция уходит в прошлое, она заменяется иной фигурой — интеллектуалом, экспертом, профессионалом; они используют свой интеллектуальный потенциал, не связывая его с размышлениями об особой моральной миссии интеллигенции, существовании неоплатного долга интеллигенции перед народом и т. п. Интеллектуал является полезным и востребованным членом общества, причем он легко встраивается в господствующий класс, превращаясь в одну из основ существующего режима. Интеллигенты же пренебрегают производственными нуждами, для них главное — моральная составляющая общества, стремление быть «совестью нации», они не стремятся использовать свой интеллектуальный потенциал, а потому и лишены доступа к благосостоянию и богатству. Именно исходя из этих соображений, ряд исследователей определяют интеллигенцию как группу, «в деятельности которой общая, то есть идеологическая и политическая, сторона господствует над специализированной, профессиональной, а для идейной деятельности характерна гипертрофия социального критицизма над полезной

профессиональной работой»⁵. И в постсоветской России произошла дифференциация интеллектуальной среды именно по такому принципу.

Но в стране к тому времени уже сложился «миф об интеллигенции» как «совести нации». Это заставляло даже постсоветское государство поддерживать видимость сохранения интеллигенции как влиятельной социальной группы, привилегированного идеологического субъекта, ибо власти необходима идейная легитимизация, которую должны, в силу сформировавшейся легенды о «совести нации», обеспечить именно интеллигенты.

Но вот функции постсоветской интеллигенции свелись фактически к обслуживанию интересов правящего режима, и это сужение функций неизбежно привело к падению уровня привилегированности и утрате престижности данной социальной группы. В нулевые годы казалось, что интеллигенция окончательно оттеснена на периферию политической и общественной жизни.

Ее роль была столь незначительна, поэтому даже сейчас высказываются мысли о закономерной смерти интеллигенции, не выдержавшей экзамен ни на интеллектуальную пригодность, ни на нравственную зрелость, ни на верность самой себе. Поэтому в итоге она потерпела историческое поражение и сошла с общественной арены⁶.

Впрочем, слухи о кончине интеллигенции, возможно, оказались преждевременными. Говоря об интеллигенции как особой социальной общности, надо помнить, что одной из составляющих ее самоидентификации являлось критическое противопоставление власти. Данная функция в настоящий момент оказывается востребованной, поскольку именно в интеллектуальных кругах возникло движение этического противостояния нынешней российской системе власти и политическому истеблишменту. Причем людьми двигало в первую очередь острое чувство дискомфорта жизни именно в этическом плане. Интеллигентская энергия социальных преобразований вновь выходит на передний план. Интеллигенция всегда исторически стремилась превратить свое интеллектуальное превосходство в господство над обществом. И хотя постсоветское время унизило интеллектуалов, определив их на весьма невысокое место в социальной иерархии, однако оказалось, что власть не в состоянии обойтись без интел-

лигенции. События конца 2011 — начала 2012 года показали, что российская интеллигенция способна влиять на политическую ситуацию в стране. Она постепенно превращается в одну из знаковых групп меняющегося российского общества. Фактически мы наблюдаем, что интеллектуалы становятся оппозицией власти, а «переход широких слоев интеллигенции в антисистемную оппозицию» означает, что «система исторически обречена. При отсутствии лояльности со стороны образованных групп общества государство долго существовать не может». Причем сами власти оказались в весьма сложном положении: они просто не знают, что им делать с интеллигенцией⁷.

Таким образом, события конца 2011 года заставили вновь вспомнить об интеллигенции. Более того, протесты на Болотной площади и проспекте Сахарова позволили заявить о зарождении так называемой «новой интеллигенции» (хотя ее существование все-таки не более чем гипотеза). Об этом в начале 2012 года заговорила газета «Московские новости». Впрочем, активистов протестного движения называли по-разному: «рассерженными горожанами», «невидимыми людьми». Звучали и другие определения: «бандерлоги», «креативный класс», «заевшиеся москвичи», «взбунтовавшиеся хипстеры»... В целом они определялись как прослойка людей, которым «не наплевать» и которые готовы действовать. Именно эти качества, по мнению газеты, позволяют говорить о них как о «новой интеллигенции», причем о «новой интеллигенции» как полноценном общественном явлении. Главным ее отличием от остальной части российского общества видится наличие гражданской сознательности и ответственности за судьбу страны. Именно эти добродетели якобы и вывели этих людей на митинги, откуда они вышли уже «новыми интеллигентами»⁸.

Однако дать хоть какое-то определение этому «новому социальному слою», якобы появившемуся «за последние годы в России», оказалось невозможно. Сами создатели нового социального слоя заявляют, что «ни один термин не подходит для описания этой подвижной реальности». Заявления, что «интеллигенция — некая прогрессивная часть общества, которая идет чуть-чуть впереди... в авангарде перестройки. Это люди, которые уже сделали шаг туда, куда придут все остальные», вряд ли можно рассматривать всерьез — слишком по-дилетантски они выглядят⁹.

В связи с этим «Московские новости» задались целью дать хоть какое-то определение появившемуся явлению. Формулировка «средний класс» здесь не подходит, ибо далеко не все представители среднего класса занимают активную гражданскую позицию, готовы с уважением относиться друг к другу, многие из них не понимают, что личное благо напрямую зависит от блага общественного. Назвать просто интеллигенцией они также не захотели, ибо, по их мнению, интеллигент — это «безвольный интеллектуал». «Новые» же интеллигенты, по мнению «Московских новостей», в большей степени деятели, чем это было принято у старой интеллигенции. Кроме того, они задают себе вопрос, который никогда не задавал старый интеллигент — за счет чего мы будем добиваться поставленных целей, не забывая смотреть на все происходящее с точки зрения морали. Главным для новой интеллигенции должны стать интерес, небезразличие, решительность¹⁰.

Этому якобы новому социальному слою требуется какой-то положительный идентификатор, который позволял бы его представителям почувствовать себя чем-то единым, общностью. Ведь творцы новой интеллигенции говорят о ней как о «новом гегемоне», задача которого — политически просветить и увлечь обывателя, привести его на протестный митинг. Объединяет новую интеллигенцию «наличие собственного достоинства» и «готовность брать ответственность на себя». «Новая интеллигенция — это практики. Они начинают создавать вокруг себя пригодную среду обитания — сначала для себя, потом для своих детей. Постепенно в эту среду вовлекаются друзья... разные незнакомые люди. Начинается социальное перемешивание». Вот в этом-то и видится «Московским новостям» особенность новой интеллигенции¹¹.

В то же время многих исследователей смущает в этой группе искусственность ее происхождения, ибо здесь разное как социальное, так и экономическое положение, отсюда и разные устремления. Старая интеллигенция была в социальном плане более едина. В новой же интеллигенции представлены самые различные социальные группы, порой со взаимоисключающими интересами, нередко враждебные. Основной слой, формирующий «новую интеллигенцию», — это так называемый «офисный планктон». Именно к нему пытаются каким-то образом привязать

моральные императивы старой интеллигенции. Это необходимо сделать, ведь у «новой интеллигенции» должны быть общие цели, ценности, устремления, представители этого слоя должны как-то идентифицировать друг друга. В поисках такой объединяющей идеи и провозглашается, что «новая интеллигенция» выступает против циничной, развращающей общество власти, пытается вернуть в нашу жизнь забытые ценности. Причем, как отмечают сторонники новоявленного класса, «впервые в русской истории зарабатывание денег и общественное служение перестали быть двумя вещами несовместимыми... Старый интеллигент служил бескорыстно, то есть бесплатно. Сейчас все иначе. Новые интеллигенты очень часто оказываются в бизнесе»¹².

Еще одной проблемой для создателей «новой интеллигенции» является падение доверия общества к интеллигенции. Во многом это результат не только ее активного участия в развале страны в конце 1980-х годов, но и положения, сложившегося сегодня в среде интеллигенции: она воспроизводит саму себя. А ведь советская интеллигенция (или дореволюционная — недаром ее называли разночинная) рекрутировалась из разных слоев общества. Именно близость старой интеллигенции к другим социальным слоям и вызывала готовность служения обществу. Современная интеллигенция уединяется в своих группах, она часто не готова к взаимодействию с представителями иных социальных групп. Мешает этому и отсутствие в современном российском обществе социальных лифтов. Помимо этого, потеря доверия общества к интеллигенции связана и с ее бедственным материальным положением. Серьезные сомнения вызывает наличие у «новой интеллигенции» хоть какого-то подобия идеологии. «Теория модернизации», которую пытаются провозгласить чуть ли не официальной идеологией «новых интеллигентов», вряд ли годится на эту роль. Ведь суть ее в том, что развитые страны указывают другим, менее развитым, их путь, и менее развитые проходят их стадии развития, попутно заимствуя и идеологию. Но такой подход ставит развивающиеся страны в положение вечно догоняющих, а это вряд ли выглядит привлекательно. К тому же существование сколь-нибудь устойчивых самостоятельных идей у русской интеллигенции всегда подвергалось сомнению. Действительно, российская интеллигенция пыталась либо перенести на

местную почву западные идеи — и это называлось «западничеством», либо развивала идеологию правящего режима — и это называлось «патриотизмом». Если режим был либеральным, то обе эти функции совпадали. Конечно, может быть, среди «новых интеллигентов» есть люди, пытающиеся соединить культурные и социальные задачи с бизнесом. Но вот личностей, которые могут привнести большие политические и гуманитарные идеи, даже творцы «новой интеллигенции» среди них не видят¹³.

Мешает восприятию обществом появления нового интеллектуального сословия и целый ряд сформировавшихся устойчивых «мифов об интеллигенции». Прежде всего — миф о ее мессианстве. Он сложился под влиянием вечного выпадения интеллигенции из общества. Интеллигенция всегда варилась в среде собственных идей (а точнее, как верно отмечает ряд исследователей — в среде «превратно понятых достижений европейских интеллектуалов»). И народ, и власть интеллигенция учила цивилизованному житию, рисовала, каким должно быть современное общество. В итоге взгляды интеллигенции всегда были причудливой смесью преданности власти и мнимой оппозиционности. Однако мессианские идеи интеллигенции обычно оставались невостребованными, ведь интеллигенция никогда серьезно не боролась с властью, она хотела быть при власти и наставлять общество. Много рассуждала интеллигенция и о просвещении народа. А без опоры на власть быть в роли наставника и просветителя дело безнадежное — никто не хочет слушать¹⁴.

Еще один миф интеллигенции — миф о свободе. Ведь интеллигенция всегда понимала эту свободу своеобразно — свобода не для всех, а только для себя. Именно для себя требовали «права и свободы» интеллигенты, полагая лишь себя «элитой» общества. На эту роль, кстати, никогда не претендовали западные интеллектуалы¹⁵.

В связи с этим высказываемые сомнения в появлении «новой интеллигенции» вовсе не лишены оснований. Впрочем, и сторонниками «новой интеллигенции» признается, что есть только «некое нарощение слоя. Не фигур, потому что и интеллектуальные фигуры, совершенно независимо от их и происхождения, и рода деятельности — они всегда существуют в России. Фигуры есть. А слой отсутствует». Ибо нет в нем какого-то единого

стержня. Слишком разные устремления, разное социальное и экономическое положение у людей, которых пытаются объединить в «новую интеллигенцию». Кроме того, представителей «новой интеллигенции» видят в Москве и Санкт-Петербурге, возможно, в некоторых других крупных городах, но вот в провинции ее практически нет¹⁶.

Однако, несмотря на все сомнения в существовании «новой интеллигенции», сама дискуссия о ней, невзирая на всю эфемерность появления этого социального слоя в современном российском обществе, свидетельствует о востребованности интеллигенции, что является свидетельством потребности в ценности и смысле. Главным становится вопрос: не как жить, а зачем жить. Именно интеллигенция выполняет функцию воспроизводства смысла и ценностей, поэтому она сыграла далеко не последнюю роль в уличных протестах, которые являются не просто проявлением гражданской позиции, но и служат поводом для объединения¹⁷. В силу данного обстоятельства и разгорелась дискуссия о «новой интеллигенции».

Таким образом, в ситуации, сложившейся в начале 2012 года, может оказаться востребована и функция интеллигенции как не просто передатчика, но и в определенной степени творца культурных и моральных ценностей. Эта функция в последние двадцать лет оказывалась не нужна ни власти, ни обществу, что заставляет задуматься над теми трансформациями, которые происходили в интеллектуальной среде. Ведь постоянно нарастающее профессиональное, экономическое, культурное расслоение порождало потребность общества в узких специалистах, знающих все больше о малом, но не способных формулировать какие-либо общие мысли. Происходила своеобразная атомизация интеллектуальной среды, когда каждая обособленная группа пыталась создать свои моральные нормы и стандарты, отделяя себя от всех остальных. Это разрушало общие морально-этические основания интеллигенции, данный процесс распада интеллектуальной среды зашел достаточно далеко.

Между тем, в критический момент оказались востребованы не узкие специалисты-ремесленники, а интеллектуалы энциклопедического плана, которые, скорее всего, могут быть названы дилетантами. Именно они способны сформулировать всеобщие

ценности и нормы, выявить сферу общих интересов, которая бы выходила за границы частных потребностей сообществ, и, таким образом, сплотить интеллектуалов в некий новый класс. Конечно, движение в данном направлении во многом зависит от эволюции современного российского общества. Усиление влияния интеллектуалов будет происходить под воздействием и еще одного вполне объективного фактора — повышения в современной экономике такого ресурса, как научный потенциал. Тенденции развития постиндустриального общества делают именно класс интеллектуалов потенциально доминирующей группой, мало зависимой, а может быть, даже и независимой от всех остальных, поскольку интеллектуал просто в силу своих личных знаний и способностей приобретает недоступные другим членам общества возможности. Однако в таком случае встает вопрос о социальных функциях данной группы, и здесь весьма важен российский исторический миф об интеллигенции, который неожиданно оказался столь востребован российским обществом. Особенно когда правящий режим испытывает явные сложности в условиях растущего недоверия и отказа ему в моральной легитимности. Поэтому вектор движения российского общества вновь зависит от позиции интеллигенции, которая, казалось, уже ушла в общественное и политическое небытие.

Примечания

¹ Интеллектуалы и демократия: российский и польский взгляд. М., 2009. С. 18—19.

² *Щипков А.* Стыдные тайны старой интеллигенции // Лит. газета. 2012. № 23—24. С. 10.

³ Интеллектуалы и демократия... С. 62—63.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ *Фурсов А. И.* Интеллигенция и интеллектуалы // Кустарев А. Нервные люди : очерки об интеллигенции. М., 2006. С. 63.

⁶ *Щипков А.* Указ. соч. С.10.

⁷ Интеллектуалы и демократия... С. 14, 36.

⁸ URL: <http://www.mn.ru/society/civil/201200328/314418212.html>.

⁹ *Щипков А.* Нью-интеллигенция на марше // Лит. газета. 2012. № 27. С. 10. URL: <http://www.mn.ru/society/civil/201200328/314418212.html>.

- ¹⁰ URL: <http://www.mn.ru/society/20120209/311239794.html> ;
<http://www.mn.ru/society/civil/201200328/314418212.html>.
- ¹¹ URL: <http://www.mn.ru/society/20120209/311239794.html> ;
<http://www.mn.ru/society/civil/201200328/314418212.html>.
- ¹² URL: <http://www.mn.ru/society/20120209/311239794.html>.
- ¹³ URL: <http://www.mn.ru/society/civil/20120328/314418212.html> ;
Щипков А. Нью-интеллигенция на марше ; *Он же.* Стыдные тайны старой интеллигенции. С. 10.
- ¹⁴ *Щипков А.* Стыдные тайны старой интеллигенции. С. 10.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ URL: <http://echo/msk.ru/programs/dithyramb/841191-echo25122011>.
- ¹⁷ URL: <http://www.mn.ru/society/civil/20120403/314418212.html>.

ББК 63.3(2)67-283.2

И. В. Сибиряков

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ РАЗГОВОР

Рубеж XX—XXI вв. стал для российского общества временем серьезных политических, социальных, нравственных испытаний. Масштабным трансформациям подверглись практически все стороны жизни социума. Радикальная смена экономической и политической модели развития страны, новые приоритеты в системе культурных и духовных ценностей, активно пропагандируемые в средствах массовой информации, стремительное обновление социальной структуры общества вновь поставили на повестку дня вопрос о судьбах российской интеллигенции как самостоятельной социально-этической группы.

В конце XX — начале XXI в. многие представители политической и интеллектуальной элиты России заговорили об исчез-

© Сибиряков И. В., 2013

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

новении интеллигенции. Они утверждали, что «общественный ландшафт изменился настолько, что интеллигенция как социальное единство, во-первых, распалась, во-вторых, перестала играть какую-либо роль в общественных процессах»¹.

Исследователи связывали это с целым рядом объективных и субъективных факторов. К числу наиболее значимых из них обычно относили:

во-первых, разрушение тех институтов, которые традиционно были организационной основой объединения различных групп интеллигенции («кризис» высшей школы, закрытие многих научно-исследовательских институтов, падение популярности традиционных периодических изданий, исчезновение многих музеев, выставочных комплексов, библиотек и т. д.). В условиях радикальных экономических реформ начала 90-х гг. именно эти структуры оказались наиболее уязвимы и очень плохо «вписались» в новую социально-экономическую реальность новой России. Один из главных идеологов реформ начала 90-х А. Б. Чубайс признавал, что «самый мощный экономический удар реформы нанесли именно по интеллигенции. Серьезней, чем по какому-то другому классу...»²;

во-вторых, ослабление тех вертикальных и горизонтальных связей советской интеллигенции, которые позволяли ей поддерживать свой социальный статус даже в условиях нараставшего кризиса СССР. Те политические силы, которые пришли к власти в России в 90-е гг. XX в., демонстративно отказались от какого-либо диалога со «старой» советской интеллигенцией, обвиняя ее в идеологическом и политическом сотрудничестве с КПСС. Они выделили из ее массы ограниченную группу людей, получившую монопольное право идеологического сопровождения тех процессов, которые с точки зрения политической и бизнес-элиты нуждались хотя бы в минимальном объяснении и оправдании. С другой стороны, социальные низы общества уже по другим причинам (чаще всего именно представителей советской интеллигенции они обвиняли в политическом и нравственном провале перестройки, в развале СССР), но также утратили интерес к диалогу с представителями интеллигенции, существенно ослабив ее политический вес. В сочетании со стремительным снижением соци-

ального статуса основных традиционных групп интеллигенции это привело к резкому сокращению ее рядов;

в-третьих, обострение конкуренции на рынке повседневных «интеллектуальных услуг» между представителями интеллигенции и разнообразными религиозными структурами, а также между представителями отечественной интеллигенции и зарубежными интеллектуалами. Действующая политическая элита страны в этой конкурентной борьбе открыто поддержала оппонентов отечественной интеллигенции, лишив ее последних надежд на сохранение статуса самостоятельной социальной группы. Как справедливо заметил исследователь О. В. Золотарев: «Твердо стоящий на ногах режим, который полагает, что он жестко контролирует обстановку в стране, не видит нужды в интеллигенции как самостоятельной социальной группе. Ему, как и на Западе, нужны интеллектуалы, обеспечивающие в сфере контроля над обществом выполнение задач чисто технического характера»³.

Показательно, что в такой ситуации в рядах интеллигенции были выработаны различные стратегии выживания, которые прошли апробацию в условиях тяжелейшего социально-экономического кризиса 90-х гг. Условно можно выделить 4 основные стратегии, применение которых позволило некоторым группам интеллигенции пережить рубеж веков.

Первая из них предусматривала практически полную смену моральных приоритетов, как советской, так и дореволюционной отечественной интеллигенции, а именно отказ от декларирования таких установок, как «народное благо», «общечеловеческие нравственные ценности», «долг перед Родиной» и т. д. Создание конструкций морального оправдания социально-экономических катаклизмов и действий политической элиты позволило части интеллигенции сохранить свои рабочие места в средствах массовой информации, в учебных заведениях и получить доступ к структурам пиар-сопровождения политических и бизнес компаний.

Вторая стратегия, напротив, была построена на идее полного возвращения к традиционным моральным императивам дореволюционной российской интеллигенции. В условиях политического и нравственного кризиса СССР, а затем и режима, возникшего в Российской Федерации, это позволило начать процесс консолидации разрозненных групп интеллигенции и той части

элиты, которая не сумела закрепиться в новой конструкции власти. Наметившийся на рубеже веков альянс таких групп был политически слабым, но, тем не менее, позволил собрать необходимый минимум социальных ресурсов, обеспечивший в прямом смысле этого слова «выживание» той части интеллигенции, которая вошла в этот альянс.

Третья стратегия предусматривала почти полное сохранение идеологических и моральных мифологем советского времени («социальная справедливость», «пролетарский интернационализм», «советский народ»), что давало шанс на тесное сотрудничество с наиболее социально пострадавшими группами населения и радикальными коммунистическими организациями. Это сотрудничество хотя и оказалось кратковременным, но также позволило небольшой группе интеллигенции сохранить себя именно в качестве социальной группы.

Четвертая стратегия была построена на стремительно распространившихся среди некоторых «сегодняшних представителей интеллигенции» идеях социального эскапизма, ухода в частную жизнь, тотального социального безразличия⁴.

Однако в начале XXI в. ситуация в России и в мире стала существенно иной, что привело к серьезным изменениям в среде современной российской интеллигенции. На наш взгляд, есть несколько важных тенденций, которые требуют дальнейшего исследования. Каждая из них по-своему, но может кардинально повлиять на дальнейшую судьбу не только отдельных социальных групп, но и страны в целом.

Во-первых, речь идет о возникновении совершенно нового информационно-политического пространства, стремительно меняющего содержание и темп многих социальных, культурных, экономических процессов в жизни общества. Виртуализация социума, которая во многом начиналась как своеобразная игра, сегодня стала серьезной проблемой для развития всего человечества⁵. Речь идет не только о техническом аспекте виртуализации, но в первую очередь о социальных последствиях этого процесса. Дальнейшая судьба российской интеллигенции уже в самые ближайшие годы будет неразрывно связана с тем, как она сумеет интегрироваться в растущее виртуальное пространство.

Это касается многих аспектов жизнедеятельности, но прежде всего образования, здравоохранения, искусства, то есть тех сегментов, которые в XX в. и были основной сферой применения творческих усилий интеллигенции. Потеря этих сегментов для «старой» интеллигенции оказалась роковой. Конечно, проблема виртуализации социума имеет огромное количество самостоятельных внутренних вопросов и затрагивает не только интересы современной российской интеллигенции. Но именно интеллигенция понесет наибольшие потери, если не сможет найти адекватный алгоритм решения таких проблем. В первую очередь речь идет об очень сложной и важной задаче формирования языка, адекватного виртуальному пространству, способному стать инструментом диалога, а в случае необходимости и защиты базовых культурно-исторических ценностей российской цивилизации.

Но не следует забывать и о том, что виртуализация любого процесса ставит еще одну очень болезненную и сложную проблему, а именно задачу выявления базовых смысловых конструкций, собирающих раздробленные виртуальные образы в нечто целое. Создание таких целостных смысловых конструкций многие годы остается одной из важнейших социальных функций интеллигенции. Возможность интеграции разрозненных виртуальных образов между собой и их объединения с традиционными для российского социума ценностными ориентирами, а также роль интеллигенции в этом процессе остаются сложнейшими проблемами для развития современной отечественной культуры.

Социолог Б. Дубин уже несколько раз обращал внимание тех исследователей, которые занимаются проблемами виртуализации социальных процессов, на то, что не следует воспринимать Интернет только как новое с технической точки зрения средство массовой коммуникации. Он подчеркивал, что «дело не в новой технологии, а дело в иных типах отношений, иных типах солидарности, иных типах связей между людьми»⁶, которые устанавливаются благодаря Интернету.

Другой социолог, И. Эйдман, однажды совершенно справедливо заметил: «В социальных сетях, блогосфере идут активные политические, и даже философские дискуссии. Такой перманентный диалог дает думающим людям возможность формировать собственную идеологическую повестку дня, а не следовать моде и

вкусам правящей элиты. Есть надежда, что в этих поисках рождается новое идеально мотивированное поколение российской интеллигенции. Возможно, оно в основном сформируется в провинции, в социальных низах, как после революций 1917 года. А трибуну и социальные лифты ему дадут новые информационные технологии и связанные с ними социальные перемены, сходные с происходившими в те же первые послереволюционные годы»⁷.

Во-вторых, речь идет о стремительной интернационализации интеллектуального пространства, которая приводит к очень неоднозначным последствиям и вызывает крайне болезненную реакцию в различных группах отечественной интеллигенции.

С одной стороны, возможность свободного выезда за рубеж, создания временных международных коллективов, быстрый обмен результатами своей научной и творческой деятельности дают мощный импульс развитию науки, культуры, искусства и тем самым способствуют укреплению социального статуса и авторитета различных групп интеллигенции. Синтез достижений различных цивилизаций всегда являлся важнейшей культурной функцией российской интеллигенции.

Но, с другой стороны, стремительная глобализация системы образования, кинематографа, литературы разрушает национальные культурно-исторические коды, лишая интеллигенцию поддержки со стороны тех групп населения, которые менее интегрированы в международное интеллектуальное пространство. Утрата национально-исторической идентичности может окончательно «похоронить» интеллигенцию как самобытное явление именно российской истории, хотя и создаст предпосылки для формирования качественно новой интеллектуальной элиты XXI в.

В-третьих, процесс непрерывной дифференциации российской интеллигенции, который начался еще в 90-е гг. XX в., в начале XXI в. вышел на качественно новый уровень, поставив на повестку дня вопрос о возможности объединения разрозненных групп в некое социальное целое.

По признанию Д. С. Попова: «В современных условиях интеллигенция все в большей степени превращается в чисто условную группу, границы которой определяются, прежде всего, ее рефлексивностью. Поскольку по формальным признакам в структуре общества эту группу зачастую выявить невозможно, то на

первый план выходит самосознание интеллигенции, а именно ее самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация»⁸. К такому же выводу пришла и Е. И. Григорьянц, которая констатировала: «В современных условиях все большее значение приобретает аспект самоидентификации. К интеллигенции мы можем отнести не тех, кто соответствует некоему набору тех или иных критериев, а тех, кто считает себя, по выражению Ю. М. Лотмана, “субъектом специфического интеллектуального дискурса”...»⁹

Опросы, проведенные Т. Д. Марцинковской в 2007 г., показали, что в идентичности современной интеллигенции «по-прежнему нет параметров, определяющих статусную или профессиональную роли, но доминируют личностные качества (духовность, нравственность, интеллектуальность), определяемые как интеллигентность. При этом содержание социальной идентичности строится, преимущественно, на противопоставлении интеллигенции и других социальных групп, то есть на отрицании, а не на качественном перечислении определенных черт личности»¹⁰.

Важным этапом в процессе самоидентификации современной российской интеллигенции стала дискуссия, «спровоцированная» в самом начале 2012 г. журналистами газеты «Московские новости». 12 февраля 2012 г. мультимедийная редакция «Московских новостей» опубликовала своеобразный манифест «Мы вас представляем»¹¹. В нем был поставлен вопрос о возникновении в России новой интеллигенции. Пытаясь выявить существенные признаки этого явления, авторы манифеста констатировали: «...те, кто составил костяк нового социального слоя, объединены вовсе не по признаку профессиональной и какой-либо иной принадлежности. Не объединены они ни стилем одежды, ни музыкальными пристрастиями. Даже материальный статус этих людей очень разный — от полуничего аспиранта до крупного бизнесмена... Объединяет их наличие чувства собственного достоинства, а вовсе не формальные социологические индикаторы. Эти люди в первую очередь требуют к себе уважения. И только за этим требованием следуют все остальные. <...> Они хотят жить в “нормальной стране”. И многие уже что-то делают сами, чтобы Россия стала “нормальной”. Они готовы не уповать на государство, а брать ответственность на себя. Как минимум — за свою жизнь, работу, настоящее и будущее семьи. Как максимум

— за состояние своего дома, двора, района, города, страны...»¹² Конечно, появление этого «манифеста» было во многом связано с акциями протеста, которые прошли в Москве в декабре 2011 г. Но не только. Авторы документа обратили особое внимание читателей на то, что словосочетание «новая интеллигенция» родилось в редакции за несколько месяцев до декабрьских событий, когда редакционный коллектив попытался определить круг потенциальных читателей газеты «Московские новости».

Манифест дал толчок виртуальной дискуссии о новой российской интеллигенции. Она прошла в электронных средствах массовой информации в 2012 г., но пока не дала зримых научных результатов¹³.

Очевидно, что часть участников этой дискуссии считала, что никакой новой российской интеллигенции на сегодняшний день нет и в ближайшем времени не будет¹⁴. Другая уверена, что это явление еще только зарождается и пока не может быть предметом полноценного научного исследования¹⁵. Но некоторые участники дискуссии полагали, что новая российская интеллигенция стремительно становится социальной реальностью¹⁶.

На наш взгляд, сам факт начала дискуссии о новой российской интеллигенции означает, что журналисты, политики, ученые признают факт существования данной проблемы и пытаются найти алгоритм ее будущего решения. Таким образом, «современная российская интеллигенция» — это термин, который описывает очень сложное социальное явление, переживающее сейчас некий критический этап в своем развитии. Потенциально возможны самые различные направления трансформации этой группы: от постепенного исчезновения, как социально целостной конструкции, до стремительного возрождения и возвращения на рынок интеллектуальных, политических и духовных услуг.

Показательно, что А. Б. Чубайс в одном из своих многочисленных интервью, обсуждая вопрос о будущем интеллигенции, продемонстрировал удивительный для него оптимизм. Он утверждал: «...если я прав в том, что в ближайшие пять лет нам предстоят тектонические сдвиги в социально-политическом пространстве страны, то эти сдвиги востребуют не только политических, но и нравственных и эстетических лидеров, а это и есть художественная интеллигенция. Именно она и должна будет объяснить,

где мы вообще живем, что мы за страна, как должны и как не должны жить. Творческая интеллигенция в эпоху больших перемен не может не быть востребована...»¹⁷

К такому же выводу пришел и ученый социолог В. Н. Абросимов, который утверждал, что «воспроизводство интеллигенции, т. е. ассоциируемых с нею социально-личностных качеств и модели поведения, идеалов и ценностей, неповторимой конфигурации символического социокультурного кода, является системообразующей основой процесса социокультурного воспроизводства российского общества»¹⁸.

С другой стороны, сохраняет популярность позиция тех авторов, кто уверенно заявляет об исторической смерти такого явления, как интеллигенция. Интеллигенция не может воскреснуть, утверждает А. Щипков: «Новая интеллигенция, по сути, невозможна. Да и не нужна. Нужен новый слой. Слой органических интеллектуалов, уважающих национальные ценности, принципы социальной справедливости и нравственные нормы, включая православную этику. Только такая общность может составить конкуренцию “креативному” классу, который живет на информационную ренту и формирует ложное сознание российского большинства»¹⁹.

Точка бифуркации, как показывает анализ многих исторических процессов, является фактором кратковременным. Возможно, судьба современной российской интеллигенции определится уже в самом ближайшем будущем. Редакция литературного журнала «Новые строки» 23 апреля 2012 г. в социальной сети «ВКонтакте» провела online беседу на тему «Российская интеллигенция XXI века. Что она из себя представляет? Ее роль и значение в российской культуре». Один из участников этой беседы, поэт В. Паршин, очень точно заметил: «Интеллигенция сегодняшнего дня — это класс, только образующийся, подчиненный принципу формирования себя самого. Доказать, заработать звание интеллигенции — вот что должно быть приоритетом»²⁰.

Но, на наш взгляд, совершенно очевидно, что для изучения феномена современной российской интеллигенции с исторической точки зрения время еще не наступило.

Примечания

- ¹ *Щипков А.* Интеллигенция : свидетельство о смерти. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/11/29/intelligenciya_svidetelstvo_o_s_merti (дата обращения: 13.02.2013).
- ² *Свинаренко И.* Анатолий Чубайс: не будет вам никакой стабильности. URL: http://www.medved-magazine.ru/articles/article_407.html (дата обращения: 13.02.2013).
- ³ *Золотарев О. В.* Постсоветская интеллигенция: после ночи приходит рассвет // Ответственность интеллигенции в контексте времени : материалы XXIII Междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2012. С. 6—7.
- ⁴ *Абросимов В. Н.* Роль интеллигенции в становлении новой российской идентичности в постсоветский период : автореф. дис. ... канд. социол. наук. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-318536.html> (дата обращения: 18.02.2013).
- ⁵ *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. СПб., 2002 ; *Резанов А. К.* Проблемы киберсоциализации современной российской молодежи // Социс. 2011. № 5. С. 45—50 ; и др.
- ⁶ Социологи о коллективном портрете современной российской интеллигенции. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24517924.html> (дата обращения: 13.02.2013).
- ⁷ *Эйдман И.* Эволюция российской интеллигенции: идеалисты, обыватели, дельцы, вырожденцы. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/igeid/832456-echo/> (дата обращения: 13.02.2013).
- ⁸ *Попов Д. С.* Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 3.
- ⁹ *Григорьянц Е. И.* Интеллигенция сегодня: к идентификации образа // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2009. С. 369.
- ¹⁰ *Марцинковская Т. Д.* Проблемы идентичности российской интеллигенции. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/84-marsinkovskaya1.html> (дата обращения: 13.02.2013).
- ¹¹ Мы вас представляем. URL: <http://mn.ru/society/20120209/311239794.html> (дата обращения: 13.02.2013).
- ¹² Там же.
- ¹³ Новая интеллигенция и креативный класс. URL: <http://voprosik.net/povaya-intelligenciya-i-kreativnyj-klass/> (дата обращения: 13.02.2013) ; *Проценко П.* Новый порядок и новая интеллигенция. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=12510> (дата обращения: 13.02.2013) ; *Сибирь*

- ряков И. В. Кого считать интеллигентом. URL: <http://stroganova.su/science/igor-sibiryakov.html> (дата обращения: 13.02.2013) ; и др.
- ¹⁴ Макаровский А. «Новая интеллигенция»: каста нетерпимых. URL: <http://12.mn.ru/novaya-intelligenciya-kasta-neterpimyx/> (дата обращения: 13.02.2013) ; и др.
- ¹⁵ Познер В. Новая интеллигенция — это уже не чисто русское явление. URL: <http://mn.ru/society/20121107/330219621.html> (дата обращения: 13.02.2013) ; и др.
- ¹⁶ Архангельский А. Что такое новая интеллигенция? URL: http://mn.ru/society_civil/20121210/332764389.html (дата обращения: 13.02.2013) ; и др.
- ¹⁷ Свинаренко И. Указ. соч.
- ¹⁸ Абросимов В. Н. Указ. соч.
- ¹⁹ Щипков А. Указ. соч.
- ²⁰ Российская интеллигенция XXI в. URL: <http://nssafonovo.blogspot.ru/2012/04/xxi-i.html> (дата обращения: 13.02.2013).

ББК 88.5-283.2

И. И. Завозяев

ЧЕРТЫ ПСИХОГРАФИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Многочисленные исследования, посвященные различным аспектам деятельности современной российской интеллигенции, в недостаточной степени касаются изучения ее психологии. **Психология** (psychographics) понимается как психологическое исследование групп или индивидуумов с точки зрения характерных черт, ценностей, представлений, предпочтений, моделей поведения, психологических и ментальных черт. Психология направлена на изучение действий, интересов и мнений предста-

© Завозяев И. И., 2013

Завозяев Игорь Иванович — аспирант кафедры психологии социальной работы и политической психологии Ивановского государственного университета. aic@ivanovo.ak.ru

вителей определенной социальной общности¹. Подобный подход к исследованию общественных феноменов, процессов и социальных групп через изучение психографии их субъектов в последние годы закрепился в науке². Изучению психографии российской интеллигенции были посвящены многие исследования дореволюционных философов, социологов, публицистов. Достаточно вспомнить, что более ста лет назад в известном сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» уже были представлены исследования по психографии интеллигенции. Сборник «Вехи» важен как диагностика, поскольку его авторы довольно точно обозначили психографию интеллигенции того времени. Профессор Карл Шлегель (Европейский университет, Франкфурт-на-Одере, Германия) определил авторов «Вех» как «физиогномиков духа и феноменологов духовного образа русской интеллигенции в критический момент истории страны»³.

Сборник «Вехи» вызвал острую полемику в научных кругах и российском обществе. В дискуссии участвовал, в частности, один из идеологов черносотенства А. Волынский, а также известные представители либеральной и революционно-демократической интеллигенции. В представленных тогда оценках, характеристиках и суждениях относительно русской интеллигенции преобладали две позиции. Во-первых, выделялись негативные черты психографии интеллигенции. В «Вехах» явно видна «констатация ненависти народа к интеллигенции и прогноз о возможности уничтожения народом интеллигенции, стремившейся его освободить»: «Авторы “Вех” сконцентрировали внимание на выводах в отношении революции. Они писали о конфликтах трех уровней: во-первых, между народом и интеллигенцией (конфликт, начавшийся со времени петровской европеизации и приведший к образованию пропасти между традиционным религиозным народным сознанием и “образованным” классом); во-вторых, между интеллигенцией и властью, точнее, бюрократией, заинтересованной в сохранении стабильности любой ценой (этот конфликт приводил к антигосударственной позиции интеллигенции и в этом отношении сравнивался с другой антигосударственной силой русской истории — казачеством); в-третьих, конфликт получал выражение и на уровне индивидуальной личности (пресловутые метания интеллигенции, завершав-

шиеся иногда самоубийством). Это, по сути, были наброски к социологии будущей революции»⁴. Во-вторых, в суждениях ряда политиков, общественных деятелей и лиц, на практике занимавшихся социальными вопросами, прямо или косвенно отражается заинтересованность в деятельном взаимодействии с интеллигенцией. По сути, в последнем случае декларировалась необходимость участия интеллигенции в решении сложных задач реформирования России.

Приведем в этой связи характерный пример. Известный деятель белого движения П. Н. Краснов, характеризуя работу так называемого «Круга спасения Дона», писал: «Круг называли серым. В нем не было интеллигенции. Трусливая интеллигенция сидела в эту пору по подвалам и погребам, тряслась за свою жизнь или подличала перед комиссарами, записываясь на службу...»⁵ Оставим за Красновым правомерность его слов, нам важнее иное: они были сказаны при оценке событий 1918 г. и с очевидностью отражают желание автора сотрудничать с интеллигенцией региона уже в самом начале реализации задуманного им и его единомышленниками «проекта». При этом через высказанное П. Н. Красновым сожаление понятно, что он видел участие интеллигенции в деятельности «Совета» как один из факторов успеха всего начинания.

Безусловно, дистанция между первой четвертью прошлого века и сегодняшними реалиями очень большая. Тем не менее, жизненно-практический и теоретический уровни мировоззрения современной интеллигенции, как и ранее, связаны между собой. Более того, уместно отметить, что в сегодняшнее время без реального жизненно-практического опыта невозможно достигать необходимого и ныне востребованного теоретического уровня мировоззрения, способного оказать влияние на обыденные взгляды людей.

Несмотря на радикальные изменения в социальной и общественной сферах, мировоззренческая культура интеллигенции соединяет способность к рационально-теоретическому осмыслению проблем современности и «бытия», создавая в итоге ценностные ориентации, которые опираются на эмоционально-образное и ассоциативное мышление. Именно культура мировоззрения, традиционно присущая интеллигенции, способствует ин-

тегральному восприятию мира. Тем не менее, интеллигентский дискурс, в виде длительной по времени попытки его участников определиться в понятиях «интеллигент», «интеллигенция», «интеллектуал» на основе выяснения их психологии, продолжается до настоящего времени. Результаты исследований в обобщенном виде приводятся в работе Е. В. Башкутовой⁶. Суммируя итоги научной полемики, автор делает два важных вывода: во-первых, за последнее столетие не выявлены специфические факторы, указывающие на принадлежность субъектов к этой группе; во-вторых, научное сообщество склоняется к признанию интеллигенции сугубо российским феноменом. Последний из названных выводов нас интересует гораздо менее, а первый не вызывает удивления, поскольку *классически вписывается* в представления социальной психологии как науки на ее современном этапе. Все авторы, участники дискуссии, как следует полагать, исходили из своих оценочных категорий, формировавших образ интеллигенции и ее «обобщенного» представителя. Подобные образы у любого человека стремятся к целостности. Они, в пределах одного семантического поля, как минимум, содержат два элемента: представления субъекта о реальной текущей ситуации (в том числе общественной, социальной и др.) и «идеальные представления» (что хотелось бы видеть и сознавать) о ней же, подкрепляемые рациональным началом и ощущением собственной правоты. Поэтому *«образы интеллигенции»*, отражая различные точки зрения, заведомо не становились тождественными, приобретали динамический характер, особенно в сложные переломные исторические периоды. При этом мы исходим из того, что сознание человека не происходит из социальных взаимодействий, но последние создают эффекты существования сознания. В качестве примера можно назвать позицию А. П. Чехова, который не стремился выделять интеллигенцию в «привилегированно-лучшую» часть общества, напротив, был склонен к ее серьезной критике. В те же годы была масса аргументаций в пользу того, что интеллигенция — самая образованная и лучшая часть общества. Острота подобных споров утратилась в советские годы, когда понятие «ум, честь и совесть» закрепилось не за социальной группой, а за политической структурой — КПСС.

Современный период жизни нашего государства весьма своеобразен и уникален. Он плохо соотносится с историческими переходными периодами развития иных государств, по крайней мере по срокам и результатам трансформаций в обществе, экономике, культуре. С другой стороны, нельзя не отметить, что *целый ряд общемировых тенденций* более четко начинает проявляться и в нашей стране. Прежде всего, это касается стратегических путей развития отечественной экономики, насущной необходимости перехода ее от сырьевой модели к инновационной. Стоит только представить комплексность и масштабность этого пути, чтобы начать искать опоры и способы решения в психографических чертах российской интеллигенции.

Острота и полемичность дискуссии о роли, значении, социальном статусе и, безусловно, психографии интеллигенции восстановятся в научных и общественных кругах нашей страны по мере усиления понимания политической элитой необходимости вовлечения интеллигенции в процессы общественного и государственного строительства. Доводы в пользу этой точки зрения объективны. Следует заметить, что несмотря на значительный разброс мнений относительно роли и характерных черт, присущих интеллигенции как социальной общности, можно отметить как минимум две ее характеристики, постоянно существовавшие в различные времена, — это высокий уровень образованности и способность к деятельности на основе сложных и высокоточных технологий. Эта характеристика в психографии современной интеллигенции наряду с другими чертами всё более актуализируется по мере признания обоснованности современного этапа развития экономики как переходного к «экономике знаний» в их широком комплексном понимании⁷. Данная тема обстоятельно изложена М. П. Карпенко⁸. По мнению автора, происходит возрастание доли вложения когнитивной деятельности человека как в его личную судьбу, так и в его вклад в развитие общества, становящийся важнейшим элементом мировой экономики в плане производства, накопления и товарного обмена, превращая когнитивную деятельность в ведущий производственный инструмент. Это объективное заключение вынуждает также рассматривать значительную часть психографических характеристик анализируемой социальной общности — интеллигенции, с позиции их функцио-

нальной и инструментальной значимости для прогресса нашего общества и государства.

В результате происходящего принципиального изменения характера труда актуализируется переход к непрерывному интегральному производственно-образовательному процессу, совмещающему в своей основе когнитивную и информационную среды. Если же ведущими характеристиками такой экономики являются и создание новых знаний, и выпуск высокотехнологичной продукции, и расширяющееся применение новых знаний и новой продукции во всех сферах деятельности человека, то можно назвать еще одну актуально востребованную черту психологии современной интеллигенции — это **высокая когнитивность** для обеспечения поступательности прогресса общества. Особенности развития современных государств и передовых экономик мира убеждают в необходимости учитывать эту объективную непреложность.

Актуальность данного тезиса возрастает, если не забывать, что создание новых технологий как условие конкуренции экономик остается также за представителями интеллигенции по всей цепи событий — от этапа организации получения образования через лабораторные изыскания до воплощения в виде технологии и конечного продукта. Поэтому с развитием общества доля лиц с высшим образованием, занятых в производстве, имеет тенденцию роста. Лидером по этому показателю в настоящее время является Канада (47 %), а лидером по темпам приращения этого показателя — Южная Корея (677 студентов на 10 000 населения). Наша страна с показателем 27,8 % занимает 18-е место в мире⁹. Развитие технологизации различных отраслей жизни общества, обеспечение через совершенствование технологий эффективности экономики и существования государств в их целостности и взаимосвязи достигает всё более высокого уровня, «захватывая» не только производящие сферы экономики, но и **общественную, социальную жизнь государств и народов**. Практически в пределах 25—30 последних лет, как отражение обозначенных процессов, укоренились выражения «избирательные технологии», «технологии управления», «технологии медицины и социальной работы», «образовательные технологии» и др., причем этот список можно продолжать. По существу, уровень технологизации в отдельном виде деятельности, в той или иной отрасли, в целом гос-

ударстве или стране становится мерой и критерием прогрессивности развития. С позиций отдельно взятого человека современного общества видно, как он пытается овладеть социальными технологиями (многие ученые называют такие социальные методики акмеологическими), которые позволяют изменить в лучшую сторону его психоэмоциональное и физическое состояние, улучшить отношения с окружением, получить новый более высокий статус в обществе, в результате этого увеличить и закрепить свой статус социальной адаптации. Мы согласны с пониманием социальных технологий, предложенных И. Ф. Албеговой: «Вполне уместно под социальными технологиями понимать методы воздействия на социальные объекты и субъекты с помощью изменения их состояния, формирования определенных установок, ценностных ориентаций, новых социальных потребностей»¹⁰. Таким образом, условия современного, быстро меняющегося общественного уклада иначе поставили вопросы понимания значимости, разработки и применения социальных технологий. Отметим еще раз, что когнитивная характеристика психологии современной интеллигенции становится *ресурсом воссоздания подобных технологий*. Ставшие фактом современности такие феномены, как информационный взрыв, экологические катастрофы, общественные события в виде этнических и социальных конфликтов и др., создали условия для самого широкого применения более совершенных социальных технологий в целях эффективного управления динамикой общественных и социальных процессов. Около (как до самих событий, так и по их итогам) всех подобных феноменов и событий формируются задачи различной значимости, требующие когнитивных решений, которые прямо связаны с деятельностью представителей интеллигенции.

Примером подобных социальных технологий можно назвать также необходимую для общества систему противодействия формированию наркозависимости среди молодежи. Основной трудностью проектирования, создания и последующего функционирования предполагаемой национальной системы будет ее организация на основе научно обоснованной технологии социального влияния. Эта трудность объясняется, прежде всего, тем, что данная технология для своего завершения требует дальнейших изысканий, проверки практикой, то есть времени на полное воссоздание и дора-

ботку. Следует констатировать, что *стратегически необходимы исследования*, результаты которых станут фундаментом для социально-психологического обоснования подходов и методов предполагаемой деятельности. На сегодняшний день такого обоснования в наличии нет. Для современного общества необходимость комплексного усиления психологизации социального влияния в различных существующих к настоящему времени взаимоотношениях признается многими авторами. По нашим оценкам, наиболее актуальным в этой связи становится изучение социально-психологического аспекта взаимодействия группового субъекта и объекта влияния. В то же время можно констатировать, что сегодня отсутствует возможность выбора какой-либо единственной концептуальной модели технологизации.

Таким образом, исследование вопросов психографии современной интеллигенции становится актуальной научной проблемой, которая прямо связана с перспективами трансформации экономики, производства и общественно-социальной жизни современной России в направлении внедрения инноватики для повышения их качества и уровня эффективности. В складывающейся общественной, национального масштаба ситуации роль интеллигенции как носителя и распространителя обширных знаний возрастает. Представители этой социальной общности, с одной стороны, внося значительный вклад в качество обучения и развитие образования в целом, с другой стороны, становятся, в силу присущих им психографических черт, ресурсом создания новых более совершенных технических и социально-технологических решений. Подобные аналитические выводы подкрепляются усиливающимися мировыми тенденциями, прежде всего, вниманием политических элит и организаторов экономики к совершенствованию систем высшего образования и представленности его носителей в экономике и производстве. Поэтому психологические черты, определяющие уровень знаний членов рассматриваемой нами общности, их креативных качеств, способностей к разработке оригинальных решений, можно рассматривать в качестве критериальных показателей принадлежности к современной интеллигенции.

Примечания

- ¹ Социологический словарь. URL: http://mirslovarei.com/content_soc/psichografija-psychographics-8123.html#ixzz2OAOKKg2F.
- ² *Крамник В. В.* Власть и мы : ментальность российской власти — традиции и новации // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000 ; *Малишевский Н. Н.* Технология и организация выборов. Мн., 2003 ; *Платонов Ю. П.* Психологические феномены поведения персонала в группах и организациях : в 2 т. СПб., 2007. Т. 2 ; *Назаров В. И. и др.* Проблемы политической активности современной региональной молодежи. Иваново, 2008.
- ³ См.: 100-летие «Вех»: интеллигенция и власть в России, 1909—2009 : (круглый стол) // Российская история. 2009. № 6. С. 106.
- ⁴ Там же. С. 109.
- ⁵ *Краснов П. Н.* Всевеликое войско Донское // Белое дело : избр. произв. ; Дон и добровольческая армия. М., 1992. С. 5.
- ⁶ *Баикутова Е. В.* Представления об интеллигенции в эпоху социальных трансформаций // Психология человека в современном мире : материалы Всерос. юбил. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна. М., 2009. Том 5 : Личность и группа в условиях социальных изменений. С. 214—220.
- ⁷ *Боревская Н. Е.* Эпоха «экономики знаний» // Поиск. 2001. № 26. С. 10.
- ⁸ *Карпенко М. П.* Когномика. М., 2009. С. 225.
- ⁹ *Карпенко М. П., Фоминых В. Н., Слива А. В.* Проблемы управления качеством высшего образования // Инновации в образовании. 2010. № 1. С. 4—18.
- ¹⁰ *Албегова И. Ф.* Социально-психологические аспекты технологизации социальной работы в современной России // Проблемы психологии и эргономики. Тверь, 2001. Вып. 4 (14). С. 18.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ББК 63.3(2)611-36-283.2

И. И. Олейник, О. Ю. Олейник

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1917—1920 гг.)

В последние годы значительное внимание в научной литературе стало уделяться вопросам развития юридического образования и подготовки юридических кадров в России, а также судьбам отдельных юристов. Однако изучение различных аспектов истории юридической интеллигенции как отдельной социально-профессиональной группы еще не получило достаточного освещения в научных исследованиях. В полной мере это относится и к периоду становления Советского государства. Выявление факторов, определявших взаимоотношения юридической интеллигенции с властью, позволит дополнить имеющиеся в науке представления о содержании общественно-политической жизни и профессиональной деятельности отечественных юристов в переломную революционную эпоху.

© Олейник И. И., Олейник О. Ю., 2013

Олейник Ирина Ивановна — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и специальных дисциплин Ивановского филиала Владимирского юридического института ФСИН России. oleg195@dsn.ru

Олейник Олег Юрьевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Связи с общественностью, политология, психология и право» Ивановского государственного энергетического университета. oleg195@dsn.ru

Прежде всего, необходимо кратко остановиться на вопросе терминологии. В ряде работ анализируются сущность, общие признаки и истоки становления юридической профессии, которая определяется при этом не столько личными качествами юристов, сколько особенностями именно юридической деятельности¹. При этом юрист вполне обоснованно рассматривается не просто как человек с юридическим образованием, но и как практический деятель в области права. В частности, Е. И. Курлаева отмечает, что если «социальный характер труда юристов детерминирован социально-экономическими отношениями, то функциональный аспект не зависит от конкретно-исторических условий и позволяет говорить о совпадении функций юристов независимо от политического строя, экономических отношений и т. д.». По ее определению, «юрист — это лицо, осуществляющее на профессиональной (постоянной) основе деятельность по обеспечению функционирования механизма правового регулирования, обладающее необходимыми профессионально-юридическими знаниями и навыками»².

Что касается изучения юристов как интегрированной социально-профессиональной группы применительно к советскому периоду, то пока еще по этой тематике опубликовано не так много специальных работ³. В большинстве случаев она рассматривается не как самостоятельная, а лишь в контексте исследования истории различных правоохранительных органов, либо отдельных профессиональных групп, представляющих юридическую профессию (судей, прокуроров, адвокатов и т. д.).

Еще менее разработанным является понятие «юридическая интеллигенция». Попытка его теоретического обоснования была предпринята почти два десятилетия назад⁴. В настоящее время возникла потребность в более обстоятельном научном анализе этой категории, поскольку она, на сегодняшний день, уже достаточно широко применяется в научной литературе. В частности, признается, что «на юристов в полной мере распространяется основной признак интеллигенции, позволяющий выделить ее в качестве особого социального слоя: место в общественном разделении труда — профессиональная занятость умственным трудом; ее роль в общественном разделении труда, связанная с выполнением специфических функций управления в производстве и других сферах общественной жизни»⁵. Исследователями также отмеча-

ется, что юридическая деятельность как род занятий отличает юристов от других основных отрядов интеллигенции, хотя применительно к советскому периоду юристов-практиков принято включать в структуру управленческой интеллигенции, а ученых-правоведов и преподавателей права относить к научно-педагогической интеллигенции⁶. К этому можно добавить, что адвокаты не входили в указанные группы, но также могут рассматриваться как представители юридической интеллигенции.

Таким образом, понятие «юридическая интеллигенция» имеет интегральный, а не узко институциональный характер, также как и сама родовая категория — «интеллигенция», которая в разные исторические периоды была представлена в различных социальных слоях населения (в том числе, например, в среде государственных служащих, дворянства, религиозных деятелей, военных, предпринимателей и т. д.).

Интеллигент — это не звание, не профессия, не должность. По большому счету, внешне формализованные признаки здесь играют лишь роль своего рода социального маркера, а подлинную сущность каждого интеллигента составляют его особые внутренние качества.

Однако задача специального рассмотрения понятия «юридическая интеллигенция» выходит за рамки данной статьи. Исходя из специфики ее тематики и хронологических границ, авторы будут придерживаться тождественности терминов «юристы» и «юридическая интеллигенция». Это объясняется тем, что в рассматриваемый период юридическая интеллигенция почти исключительно была представлена юристами, получившими профессиональную подготовку до революции, а формирование ее нового поколения еще только начиналось.

Как известно, многие теоретики большевизма и руководители советского государства воспринимали всю дореволюционную интеллигенцию преимущественно как составную часть эксплуататорских классов, «бывших» людей⁷. Например, Л. Д. Троцкий рассматривал интеллигенцию не только как поставщика буржуазной идеологии, но и как «ударный отряд буржуазии», проявивший особое упорство в борьбе с Советской властью⁸. Н. И. Бухарин полагал, что «господствующему пролетариату» в его политической борьбе за социалистическое обще-

ство противостоят, в том числе, и «инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.»⁹. Ю. Ларин утверждал, что именно «рядовая» или «трудовая» интеллигенция наиболее враждебна пролетариату. Верхушка интеллигенции аполитична, т. к. является «более ушедшей в область науки» и потому деловое сотрудничество с ней и возможно, и необходимо. А вот «рядовая» интеллигенция, по его словам, абсолютно «безнадежна» (фактически к ней он причислял каждого, кто до революции получил хотя бы среднее образование)¹⁰.

Подобных цитат с различными вариациями негативного восприятия интеллигенции можно привести много. Однако сводить только к ним позицию власти нельзя. Сфера государственной политики определялась не только идеологическими суждениями, но и конкретными практическими задачами. Поэтому язвительная критика в сочетании с дискриминационно-репрессивными действиями была неотъемлемой, но не единственной составной частью политики советского государства по отношению к интеллигенции, в том числе — юридической.

Эта политика была относительно гибкой, что в существенной мере обуславливалось взглядами тех или иных представителей интеллигенции на Советскую власть, а также их востребованностью для нее. Определенную роль играла и степень интеграции тех или иных отрядов интеллигенции в структуру прежнего самодержавного режима. Поэтому юристы в большей степени, чем, скажем, инженеры или учителя, могли ассоциироваться с враждебными для новой власти элементами. Ведь система правосудия и весь правовой строй царской России идеологически и политически для большевиков являлись объектами непримиримой борьбы. Соответственно все те, кто обеспечивал функционирование этой системы, не могли не вызывать у них классовой неприязни, и даже ненависти.

Но такое обобщенное восприятие не следует трактовать упрощенно, поскольку в реальной жизни отношения власти и юридической интеллигенции в первые послереволюционные годы были разноплановыми и не столь однозначными. Это можно проиллюстрировать на примере решения вопроса о лишении избирательных прав. Согласно ст. 65 Конституции

РСФСР 1918 г., в категорию «лишенцев» входили: граждане, жившие на нетрудовые доходы и использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывших органов полиции, жандармерии, охранных отделений. Из данного перечня следует, что бывшие судьи, прокуроры, следователи и адвокаты только по принципу своей профессиональной принадлежности избирательных прав не лишались.

Уместно также вспомнить, что многие руководители большевиков имели юридическое образование и в свое время профессионально занимались юридической деятельностью. Большое число юристов было привлечено в высшие и центральные органы управления Советского государства, в том числе — в Наркомат юстиции РСФСР (первые наркомы и члены коллегии наркомата имели высшее юридическое образование).

Кроме того, сама прежняя система подготовки юристов не сразу была демонтирована новой властью¹¹. Например, в отчете МГУ указывалось: «...весь 1918 год прошел для юридического факультета все еще в обстановке дореволюционного уклада... Влияние революции не отразилось за эти годы сколько-нибудь существенно ни на составе профессуры, ни на учебных планах факультета... Большинство студенчества, все еще рекрутировавшегося из непролетарских слоев населения, шло за буржуазной профессурой»¹².

Зачисление учащихся в университеты, как вновь созданные, так и существовавшие ранее, производилось на основании декрета СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» и постановления СНК РСФСР «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», которые были написаны лично В. И. Лениным. В первом из них устанавливалось, что обучение должно быть только бесплатным и «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы»¹³. В постановлении же Наркомпросу РСФСР поручалось принять меры, обеспечивающие воз-

возможность учиться для всех желающих, и, прежде всего, «безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»¹⁴. Но несмотря на это, большинство студентов в первые годы советской власти по своему происхождению были выходцами из непролетарских слоев населения¹⁵.

Нарком просвещения А. В. Луначарский писал по этому поводу: «В первый момент в деле высшего образования мы придерживались идеи свободного вступления в высшие учебные заведения для всех, кто хочет учиться. При этом в декрете по этому поводу не было даже сказано, что слушатель должен быть грамотен. Дело, однако, заключалось в том, что, открыв пролетариату путь к университету, но не подготовив его, мы тем самым поступали как лиса, приглашающая аиста поесть из плоской тарелки. Когда мы увидели свою ошибку, то сначала устроили коллоквиумы для установления уровня развития принимаемых. Явно неподготовленные лица принимались на подготовительные курсы. Потом мы стали заменять эти курсы рабочими факультетами»¹⁶ (рабфаки были учреждены на основании постановления Наркомпроса РСФСР «Об организации рабочих факультетов при университетах» от 11 сентября 1919 г.)¹⁷.

Постановлением Наркомпроса РСФСР № 859 от 12 февраля 1918 г. было принято решение об упразднении юридических факультетов российских университетов, а соответствующие кафедры были отнесены к историко-филологическим факультетам университетов на период до организации факультетов общественных наук. Как считает Л. Г. Берлявский, это стало серьезным ударом по отечественному юридическому образованию¹⁸.

Однако здесь не следует забывать, что параллельно с этим увеличивалось число университетов. 30 января 1919 г. Совнарком РСФСР принимает декрет об открытии новых университетов на территории республики. Сроком их открытия следовало считать день первой годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1918 г.¹⁹ В соответствии с данным декретом были основаны университеты в Нижнем Новгороде, Воронеже, Днепропетровске, Иркутске, Ереване, Тбилиси, Баку, а в 1920 г. — в Екатеринбурге, Ташкенте, Харькове.

1 октября 1918 г. был обнародован декрет СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», по которому профессора и преподаватели, проработавшие в данном вузе более 10 лет или имеющие более 15 лет общего педагогического стажа, должны были пройти конкурс²⁰. В процессе конкурсного отбора, проводившегося со всей строгостью «революционного правосознания», предполагалось, что старый профессорско-преподавательский состав будет устранен. Но его радикального обновления не произошло²¹.

3 марта 1919 г. Наркомпросом РСФСР было принято постановление «О факультетах общественных наук» и утверждено соответствующее положение о них, согласно которому взамен юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов университетов создавались факультеты общественных наук (просуществовали до 1924 г.)²². Они имели три отделения: 1) юридико-политическое, 2) экономическое и 3) историческое. На юридико-политическом отделении должны были читаться курсы: история права и государства, эволюция политической и юридической мысли, публичное право советской республики, социальное право, криминальная социология и политика, рабочее право и социальная политика, история международных отношений и международное право и т. д.²³ На факультеты общественных наук прием производился по командировкам партийных и советских организаций. Однако занятия там вели преимущественно представители буржуазной юридической школы, что порождало к ним негативное отношение слушателей.

Но основная масса работников правоохранительных органов правовые знания получала через краткосрочные юридические курсы, которые имели ведомственную принадлежность к Наркомюсту или НКВД, а в 20-е гг. входили в систему Наркомпроса РСФСР²⁴.

Политика Советского государства в отношении юридической интеллигенции определялась, в том числе, и исходя из позиции самих ее представителей к новой власти. Первоначально она носила конфронтационный характер.

Как отмечает Ю. Хаски, «в первые недели большевистского правления представители всех юридических профессий в России: судьи, адвокаты, юристы — государственные служащие — выступили единым фронтом против нового режима, отказываясь служить новой правовой системе»²⁵. По свидетельству Д. И. Курского, в Москве «не нашлось ни одного судьи, который стал бы продолжать работу после издания первого декрета о суде и сделанного им предложения»²⁶. Подобные примеры были характерны и для других регионов страны.

Примечательно, что служащие, отказывавшиеся выполнять распоряжения новой власти, рассматривались ею не только как саботажники. Поскольку такая позиция грозила парализовать управление, осуществлявшееся народом, взявшим власть в свои руки, к ним впервые было употреблено понятие «враг народа». Уже в приказе ВРК от 26 ноября (9 декабря) 1917 г. отмечалось: «Чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа»²⁷. В дальнейшем многие представители юридической интеллигенции открыто поддержали действия антибольшевистских сил в условиях разгоравшейся гражданской войны. Но значительное их число встало и на путь сотрудничества с большевиками.

Как показывает Т. М. Смирнова, часть интеллигенции, выражаясь словами современников, «поддалась демагогическому соблазну» большевистских лозунгов. Многие пошли на сотрудничество из патриотических соображений. Другая часть, прежде отторгавшая новую власть, но не эмигрировавшая и оставшаяся в России, вместо противостояния существующему режиму вынуждена была как-то «адаптироваться» к новым реалиям и идти на службу к большевикам по сугубо материальным причинам — чтобы прокормиться и содержать семью²⁸.

Можно согласиться с О. В. Золотаревым, что в первые послереволюционные годы происходило расслоение старой интеллигенции на тех специалистов, которые продолжали работать по своей профессии, и тех, «актуальность которых была потеряна при смене общественного строя»²⁹. Юристы в массе своей изначально оказались во второй категории. Так, по данным Ю. Хаски, из советской России эмигрировали от 1500 до 2000 присяжных

поверенных, т. е. приблизительно 15 % от общего числа адвокатов. Многие погибли в годы революционного террора, умерли от голода и болезней в период Гражданской войны. Из оставшихся присяжных поверенных и их помощников, а также частных поверенных на различных должностях в местных отделах юстиции работали около 540 человек; 175 стали судьями, еще большее число устроились юрисконсультами на предприятия и в государственные учреждения. Основная же масса дореволюционных адвокатов занималась частной практикой, попав в разряд «подпольных адвокатов»³⁰. Подавляющая часть бывших судей, прокуроров и следователей также не могла работать по своей прежней профессии. Но они, наряду с бывшими чиновниками, офицерами, дворянами и т. д., пополняли ряды советских служащих в различных государственных и хозяйственных структурах.

Другим важным фактором, влиявшим на политику советского государства в отношении юридической интеллигенции, стало понимание большевистским руководством роли права и правосудия в революционную эпоху.

Как известно, среди советских руководителей изначально было распространено мнение о том, что в государстве диктатуры пролетариата юстиция должна основываться на идеологических, а не юридических принципах. Так, А. В. Луначарский в своей статье, помещенной в «Правде» 1 декабря 1917 г., указывал, что рожденный революцией новый тип права, основанный на «интуиции народа», требует появления нового типа судей. Они должны быть носителями не юридических знаний, а коммунистических идей³¹.

Вместе с тем, следует отметить не совсем однозначное отношение руководства Народного комиссариата юстиции (НКЮ) к возможности использования специалистов, получивших юридическое образование до революции. Так, П. И. Стучка, возглавлявший наркомат до августа 1918 г., при проведении кадровой политики исходил из того, что для его ведомства «нужны не столько юристы, сколько коммунисты»³². Пришедший ему на смену Д. И. Курский, наоборот, подчеркивал настоятельную необходимость юридического образования для работников юстиции³³. Схожий подход проявлялся и со стороны руководителей других наркоматов. Например, 5 февраля 1919 г. нарком внут-

ренных дел Г. И. Петровский разослал в губернские отделы юстиции (НКВД тогда ведал местным управлением) телеграмму следующего содержания: «С мест поступают сведения об увольнении со службы без разбора всех чиновников старого правительства, не считаясь с той пользой, какую они могли бы принести делу. НКВД предлагает огульно старых чиновников со службы не увольнять. Прежние слуги старого режима Советской России не опасны. Не давая им ответственных постов... желательно оставлять их на службе»³⁴.

Таким образом, проблему отношения новой власти к юридической интеллигенции нельзя рассматривать только в плоскости политики дискриминации и конфронтации.

Позиция местных властей в решении вопроса о привлечении юристов к работе в органах юстиции во многом определялась региональной спецификой, степенью влияния на органы управления представителей других партий, состоянием преступности, возможностями финансирования новых органов и учреждений юстиции, численностью кадров, которым можно было бы поручить деятельность в данной сфере, и т. д.

Например, в Иваново-Вознесенске с целью привлечения к судебному строительству профессиональных юристов с февраля 1918 г. стали проводиться заседания юридической коллегии с участием представителей советских учреждений. С марта 1918 г. она стала функционировать при новом органе — губернском комиссариате юстиции. В состав Иваново-Вознесенского окружного суда, образованного в сентябре 1918 г., были включены только лица с высшим юридическим образованием и большим опытом судебной работы³⁵. Подобный подход существовал и в других регионах. Но именно он повлек упразднение в ноябре 1918 г. окружных судов. Причиной их несостоятельности Наркомюст РСФСР назвал громоздкий процесс рассмотрения дел, а также действие их членов «в духе буржуазного права» и сопротивление вынесению приговоров и решений, основанных на декретах Советской власти³⁶. Другими словами, для квалифицированных юристов, которыми были укомплектованы окружные суды, принципы упрощенного советского судопроизводства оказались неприемлемыми.

Разгоревшаяся Гражданская война была еще одним фактором, существенным образом повлиявшим на государственную политику в отношении юридической интеллигенции. Многие руководители органов юстиции, как на местах, так и в центральном аппарате, проявляли негативное отношение к старым специалистам как представителям враждебного класса.

Так, заведующий Иваново-Вознесенским губернским отделом юстиции Д. И. Шорохов, выступая 20 декабря 1918 г. на заседании губисполкома, подчеркивал, что пролетарский суд «без помощи ученых-юристов справляется со своей работой» и все судейские должности в губернии замещены исключительно рабочими³⁷. Председатель Ярославского Совета народных судей В. М. Державин, выступая 28 декабря 1918 г. на губернском съезде народных судей, заявил: «В народном суде не должно быть места старым профессионалам-юристам, знающим статьи отживших законов, но не понимающим правды народной, не знающим, что значит: “по совести”, а не по букве закона... Нам нужен и у нас должен быть суд Правды Народной»³⁸. В отчете о деятельности Владимирского губернского отдела юстиции за 1919 г. прямо указывалось: «Новое судоустройство отличается необыкновенной простотой, и опыт показал, что для народных судей вообще не требуется глубоких юридических познаний, требуется одно лишь общее ознакомление с законодательством Советской власти и глубокая преданность рабоче-крестьянскому делу»³⁹.

В докладе руководству НКЮ РСФСР в 1920 г. заведующего юридическим отделом Сибирского ревкома А. Г. Гойхбарга (окончившего, кстати, юридический факультет Петербургского университета и работавшего там до революции приват-доцентом) сообщалось: «Личный состав отделов юстиции, совнарсудов и карательных учреждений в общем и целом нельзя назвать удовлетворительным... Повсюду немало юристов старого типа, далеко не приспособленных и не приспособляющихся к новому советскому строительству юстиции»⁴⁰.

В июне 1920 г. на III съезде деятелей советской юстиции один из делегатов, А. С. Лисицын, в своем выступлении заявлял: «У нас не будет профессиональных судей. Суд должен быть коммунистическим по своему содержанию и по своей работе». Лучшей же подготовкой для юридической работы, по его мнению,

призвано быть не правовое образование, а чтение «Азбуки коммунизма» Н. И. Бухарина⁴¹.

Тем не менее, практика показывала, что привлечение профессиональных юристов способно было значительно повысить эффективность работы органов и учреждений юстиции. Например, обследование Тульской губернии показало, что до конца августа 1918 г. здесь в «деле юстиции царили хаос и беспорядки», пока не были привлечены работники с юридической подготовкой⁴². Состоявшийся в октябре 1918 г. 2-й съезд судебных работников Иваново-Вознесенской губернии в своем постановлении признал, что малограмотные члены следственных комиссий часто оказывались просто неспособными проводить расследование преступлений. Поэтому в следственные комиссии было рекомендовано избирать людей с юридическим образованием⁴³.

При этом следует заметить, что многие представители юридической интеллигенции, работая в органах юстиции, даже в сложных условиях Гражданской войны в своей деятельности стремились добросовестно и ответственно относиться к своим решениям. Это воплощалось не только в их компетентности, но и в гуманности. Например, как следует из официальной статистики, в тех ревтрибуналах, где судьи имели высшее образование (хотя таковых было лишь 4 %), доля обвинительных приговоров была намного ниже, а меры наказания менее суровы⁴⁴.

Привлечение юристов к работе в органах юстиции предлагалось осуществлять, в том числе, и принудительным образом — в порядке трудовой повинности⁴⁵.

Так, еще весной 1918 г. нарком юстиции П. И. Стучка выступил с идеей всеобщей трудовой повинности для адвокатов⁴⁶. 16 июля 1918 г. заведующий отделом юстиции Иваново-Вознесенского горсовета Д. И. Шорохов предложил привлечь к деятельности в органах юстиции «принудительным образом лиц из интеллигенции, намечаемых персонально, путем постановления о трудовой повинности»⁴⁷. Совнарком Туркестанской АССР телеграфным распоряжением от 7 июня 1919 г. дал указание провести в недельный срок регистрацию всех частных присяжных поверенных, мировых судей, судебных следователей, членов окружных судов, палат и прокурорского надзора, бывших военных судей, следователей, а равно всех остальных лиц с юридиче-

ским образованием для их трудовой мобилизации⁴⁸. В июле 1919 г. Ярославский губернский отдел юстиции также принял решение о регистрации всех юристов, проживавших в губернии, с целью рассмотрения возможности привлечения их к работе⁴⁹.

Как известно, в 1920 г., когда были разгромлены основные силы белогвардейцев, в социально-экономической политике советского руководства была предпринята попытка реализации концепции милитаризации труда, создания трудовых армий и военного принуждения в деле поднятия хозяйства на основе трудовых мобилизаций. Согласно декрету СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности», всё трудоспособное население, независимо от постоянной работы, дополнительно привлекалось к выполнению различных трудовых заданий.

В русле этой политики, 11 мая 1920 г. СНК РСФСР утвердил постановление «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием»⁵⁰. В нем ставилась задача обязательного учета и принудительной мобилизации (в порядке трудовой повинности) в органы юстиции юристов, до революции работавших в судебных учреждениях и адвокатуре. Закон предусматривал «изъятие взятых на учет» юристов из РККА, хозяйственных и исполнительных органов. Распределению не подлежали юристы, занимавшие посты уездных и губернских продовольственных комиссаров или состоявшие членами губернских продовольственных коллегий. Предполагалось, что «ходатайства об оставлении юристов, служащих в центральных учреждениях на занимаемых ими постах, направляются в Отдел учета и распределения рабочей силы Наркомата труда», который рассматривал их с участием представителей НКЮ и заинтересованного учреждения. Ответственные руководители предприятий и учреждений, виновные в «несообщении сведений», подлежали суду «за укрывательство дезертиров».

Мобилизация коснулась даже осужденных специалистов. По свидетельству источников, на местах в тот период иногда принимались решения о привлечении на техническую (в основном делопроизводственную) работу лиц с юридическим образованием, находившихся в местах лишения свободы, в том числе и бывших белогвардейцев, деятелей буржуазных партий и т. д. В

этом отношении А. И. Семенов приводит следующий наглядный пример. Вынесенный в 1920 г. приговор Челябинского губревтрибунала по делу бывшего лидера местной организации партии кадетов Е. И. Снежкова гласил: «...за тяжкие преступления, виновный подлежит высшей мере наказания, но, принимая во внимание, что проступок совершен был до Октябрьской революции, суд приговаривает его к 20 годам принудительных работ с лишением свободы; далее принимая во внимание, что проступок совершен до амнистии 2 годовщины Октябрьской революции, суд революционной совести приговор смягчает до 10 лет». Однако вскоре после этого Е. И. Снежков, имевший высшее юридическое образование, уже работал в губернском отделе юстиции⁵¹.

В ряде регионов мобилизации давали определенные результаты. По крайней мере, информация об этом содержалась в некоторых отчетах, поступавших с мест в Наркомюст РСФСР. Например, докладывалось, что уже летом 1920 г. на Кубани все работавшие следователи имели юридическую подготовку⁵². Но подобные сообщения были, скорее, исключением. Чаще же осуществление предписанной мобилизации юристов сталкивалось со значительными трудностями.

Так, 26 мая 1920 г. заведующий Иваново-Вознесенским губюстом в письме, разосланном председателям бюро уездных совещаний народных судей, рекомендовал привлекать юристов к работе «по принципу добровольного согласия их, предупредив, что в случае отказа от добровольного занятия они будут привлекаться в порядке трудовой повинности»⁵³. Однако нетрудоустроенных юристов практически не было. Вследствие этого при проведении их мобилизации в аппарат судебных учреждений губернии, губюст столкнулся с непреодолимым сопротивлением исполкомов, которые «прилагали все усилия к удержанию юристов у себя, несмотря на то что таковые работают далеко не по специальности»⁵⁴.

В Тамбовской губернии мобилизованных специалистов не хватило даже для замещения вакантных должностей по ведомству юстиции, не говоря уже о замене ими малоподготовленных людей⁵⁵. Губюст Томской губернии в письме в НКЮ РСФСР сообщал о проведении «двух неудачных мобилизаций юристов», сорвавшихся по причине того, что имевшимися квалифи-

цированными специалистами дорожили исполкомы и хозяйственные учреждения⁵⁶. В начале декабря 1920 г. на Алтайском губернском съезде народных судей и следователей также было признано, что мобилизация юристов не дала необходимого эффекта, поскольку большинство из них оказались служащими «в забронированных учреждениях и извлечь их оттуда представилось невозможным»⁵⁷.

Юристы, как правило, и сами не стремились менять прежнюю службу ввиду того, что материальное положение сотрудников органов юстиции было тогда менее выгодным, чем работников сферы торговли, промышленности, транспорта и т. д., не говоря уже о партийно-советском аппарате.

Таким образом, предпринятая в 1920 г. попытка массового привлечения квалифицированных юристов в подведомственные Наркомюсту РСФСР учреждения оказалась сопряжена со значительными организационными проблемами и не дала ожидаемых результатов. Главная причина этого заключалась не столько в классовом отторжении старых кадров и их «политической неблагонадежности», сколько в слабой привлекательности работы в органах юстиции по сравнению с другими управленческими и хозяйственными структурами на местах, где юристы также были весьма востребованными.

Руководители советского государства признавали, что без знаний и навыков буржуазных специалистов было невозможно решать управленческие задачи. По замечанию С. А. Красильникова, не обладая достаточным опытом для принятия и реализации управленческих решений, номенклатура не могла обойтись без специалистов, составлявших управленческую «периферию»⁵⁸.

Поэтому при негативном, в целом, отношении к старой интеллигенции, новая власть испытывала потребность в большом числе профессионалов, в том числе и обладающих юридическими знаниями, для организации государственной, общественной и хозяйственной жизни. Данная потребность усиливалась тем обстоятельством, что в условиях Гражданской войны отсутствовали необходимые возможности для качественного воспроизводства юридических кадров.

Таким образом, со стороны партийно-советского руководства проявлялось достаточно прагматичное отношение к «ста-

рым» кадрам юристов. Однако им отводилась роль «обслуживающего персонала», который призван был заниматься лишь исполнительским трудом в сфере управления, в том числе и организационно-технически обеспечивая функционирование различных юридических институтов.

С окончанием Гражданской войны и высвобождением значительных кадровых ресурсов за счет демобилизации была сделана ставка на быстрый количественный рост специалистов нового призыва — так называемых «назначенцев» и «выдвиженцев». Однако данный процесс, как справедливо отмечено С. А. Красильниковым⁵⁹, сопровождался не только снижением профессионально-квалификационного уровня нового поколения специалистов в сравнении с получившими дореволюционное образование. Шло изменение мотивации интеллектуального труда, где ведущее ранее положение профессиональной этики стало заменяться политико-идеологическими ценностями.

Исходя из классовых приоритетов, «большевистские лидеры полагали, что исключительно рабоче-крестьянская интеллигенция в скором будущем может стать их надежной опорой»⁶⁰. Соответственно, и социально чуждых юристов предполагалось заменить на подлинных борцов за новый строй, на «легионеров советского права», как позднее охарактеризует их А. Я. Вышинский. Примечательно, что термин «юристы» к ним не применялся, поскольку он ассоциировался с буржуазной юриспруденцией. В качестве обобщающих понятий обычно использовались словосочетания «судебные деятели», «работники юстиции», «юридические кадры». При этом главным критерием для их профессиональной деятельности определялось не наличие юридического образования, а «пролетарское правосознание» и «классовое чутье».

Поэтому не случайно, уже при осуществлении судебной реформы в 1922—1923 гг., руководство Наркомюста РСФСР развернуло кампанию по ужесточению классового отбора в ряды советской юстиции и отсечению от «здорового тела» пролетарского правосудия «белогвардейского элемента»⁶¹. Однако набранные после этой «чистки» новые работники судебно-следственных органов в подавляющем большинстве своего предназначения не оправдывали, и не случайно, как свидетельствуют документы, уровень их сменяемости был крайне высоким. Ос-

новой причиной этого, по замечанию В. А. Букова⁶², являлась их неспособность в силу общей малограмотности и отсутствия элементарной профессиональной подготовки к работе у «станка пролетарского правосудия».

В заключение можно сделать вывод, что на протяжении рассматриваемого периода политика советского государства в отношении юридической интеллигенции определялась, прежде всего, восприятием ее представителей как социально и идейно чуждых для интересов пролетариата носителей буржуазно-индивидуалистических, а не коллективистских ценностей. Конечно, это не касалось многих из тех членов руководящего состава большевистской партии, которые имели высшее юридическое образование и даже опыт соответствующей практики до 1917 г., но являлись, прежде всего, профессиональными революционерами.

В целом, привлечение специалистов в области права к работе в советских учреждениях было во многом вынужденной для обеих сторон своеобразной формой «пособничества» друг другу, или сотрудничеством «поневоле». При этом юристы были востребованы, преимущественно, лишь в качестве персонала, обслуживающего своим исполнительским трудом сферу управления, включая обеспечение функционирования юридических учреждений. В органах юстиции им обычно доверялись должности консультантов, секретарей, следователей, на которых необходимы были знания и навыки делопроизводственной и процессуальной рутины, но которые не были связаны с принятием решений.

Новой властью юридическая интеллигенция воспринималась как «осколок прошлого» и временная вынужденная замена будущих юридических кадров из рабоче-крестьянской среды, массовому формированию которых препятствовали реалии Гражданской войны. При этом ни о какой преемственности профессиональных традиций, знаний, опыта тогда речи не велось.

В советской России произошло крушение всего прежнего юридического миропорядка. В результате, юридическая интеллигенция не просто утратила привычную среду профессиональной деятельности, но и свой статус, перестав быть субъектом прежних трудовых и творческих функций, участником формирования и транслятором правосознания. В новой социально-политической

реальности ее богатейшее наследие и опыт воспринимались властью с классовых позиций как продукт буржуазной юриспруденции, перестав быть достоянием правовой науки и правовой практики в государстве диктатуры пролетариата. Этому государству предстояло создавать свою собственную правовую систему и правовую науку. Однако, как показала дальнейшая история, заметную роль в данном процессе сыграли и некоторые представители дореволюционной юридической интеллигенции.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989 ; *Соколов Н. Я.* Юридическая профессия: понятие, сущность и содержание // Государство и право. 2004. № 9. С. 22—30 ; *Полякова Т. А., Шишов С. Р.* Исторические истоки юридической профессии и роль юристов в формировании правового государства // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2008. № 4 (9). С. 6—10 ; *Акишин М. О.* У истоков юридической профессии в России : военные аудиторы Петра Великого // Ленинградский юрид. журн. 2009. № 2 (16). С. 117—131 ; *Шмыков В. И.* Социально-профессиональные особенности деятельности юристов (аспект жизнедеятельности) // Пермский конгресс ученых-юристов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., 22 октября 2010 г. Пермь, 2010. С. 77—81.
- ² *Курлаева Е. И.* Юридическое образование и формирование профессионального сознания юристов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15, 16.
- ³ *Олейник И. И.* Некоторые аспекты изучения юристов как социально-профессиональной группы // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1995. Т. 2. С. 432—433 ; *Олейник И. И.* «Легионеры советского права» : кадры органов юстиции Верхне-Волжского региона в 1929—1936 гг. : (историко-правовое исследование). Иваново, 2003 ; *Колоскова И. Ю., Соколов Н. Я.* Юристы как социально-профессиональная группа (Советский период) // Государство и право. 2003. № 10. С. 63—70.
- ⁴ *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* О понятии «юридическая интеллигенция» : (методологический и историографический аспекты изучения юристов как социально-профессиональной группы) // Проблемы методологии истории интеллигенции : поиск новых подходов : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. С. 72—83.
- ⁵ *Колоскова И. Ю., Соколов Н. Я.* Указ. соч. С. 64.
- ⁶ Там же.

- ⁷ Подробнее об этом см.: *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России : стратегии выживания и пути интеграции, 1917—1936 годы. М., 2003.
- ⁸ *Троцкий Л. Д.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 109—110.
- ⁹ *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 163.
- ¹⁰ *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2. С. 13, 443.
- ¹¹ См. подробнее: *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России // Вестник ИГЭУ. 2005. Вып. 2. С. 89—100.
- ¹² Цит. по: *Шебанов А. Ф.* Юридические высшие учебные заведения. М., 1963. С. 36.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее — СУ РСФСР). М., 1918. № 57. Ст. 632. См. также: Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 141.
- ¹⁴ Постановление СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» // Декреты Советской власти. Т. 3. С. 137—138.
- ¹⁵ *Ганин В. В.* Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX—XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 236.
- ¹⁶ *Луначарский А. В.* Из доклада на VIII сессии ВЦИК (26 сентября 1920 г.) // А. В. Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 132.
- ¹⁷ СУ РСФСР. 1919. № 45. Ст. 443.
- ¹⁸ *Берлявский Л. Г.* Кризисный период развития отечественного юридического образования, 1917—1920 гг. // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 17—20.
- ¹⁹ СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 20.
- ²⁰ Там же. 1918. № 72. Ст. 789.
- ²¹ *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы (1917—1938 гг.). Уфа, 1973. С. 344.
- ²² См. подробнее: *Берлявский Л. Г.* Возрождение отечественного юридического образования в 20-е — начале 30-х годов XX века // Юридическое образование и наука. 2012. № 3. С. 22—25.
- ²³ Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976. С. 37.

- ²⁴ См. подробнее: *Олейник И. И.* Организация и результаты юридической подготовки работников правоохранительных органов в Советском государстве (1917—1941 гг.) // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2008. № 2 (7). С. 259—265.
- ²⁵ *Хаски Ю.* Российские адвокаты и советское государство : происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917—1939. М., 1993. С. 35.
- ²⁶ *Курский Д. И.* Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству // Советская юстиция. 1932. № 33. С. 29.
- ²⁷ Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1921 гг.) : сб. док. / под ред. *Н. Полякова.* М., 1958. С. 79.
- ²⁸ *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917—1936 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 32.
- ²⁹ *Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 47.
- ³⁰ *Хаски Ю.* Указ. соч. С. 63.
- ³¹ *Луначарский А. В.* Революция и суд // Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России : история, документы : в 6 т. М., 2003. Т. 5. С. 154—156.
- ³² *Стучка П. И.* Марксистское понимание права // Стучка П. И. Избранные работы по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 290.
- ³³ *Курский Д. И.* Отчет Отдела судостроительства Народного комиссариата юстиции за апрель — июнь 1918 г. // Курский Д. И. Избранные речи и статьи. М., 1948. С. 31.
- ³⁴ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
- ³⁵ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
- ³⁶ Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. М., 1918. Вып. 6. С. 18.
- ³⁷ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
- ³⁸ ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 353. Оп. 3. Д. 57. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 184. Л. 6.
- ⁴¹ См.: Протоколы III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции // Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. М., 1921. Вып. 11/12. С. 13.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 3. Л. 61.
- ⁴³ ГАИО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 2. Л. 11—15.

- ⁴⁴ *Тарновский Е.* Личный состав и репрессия ревтрибуналов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 11. С. 6.
- ⁴⁵ ГАИО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 об.
- ⁴⁶ См.: *Хаски Ю.* Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁷ ГАИО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 об.
- ⁴⁸ *Сунатаев А., Тайгин Ф. П.* Создание и развитие советского суда в Киргизии (1917—1969 гг.). Фрунзе, 1971. С. 47.
- ⁴⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 25. Л. 12.
- ⁵⁰ СУ РСФСР. 1920. № 47. Ст. 211.
- ⁵¹ *Семенов А. И.* Правоохранительные органы на Южном Урале в годы революции и гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 83.
- ⁵² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73. Л. 9.
- ⁵³ ГАИО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 139. Л. 27.
- ⁵⁴ ГАИО. Ф. П-2. Оп. 3. Д. 162. Л. 57.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 56. Л. 4.
- ⁵⁶ Там же. Д. 58. Л. 1.
- ⁵⁷ Алтайская юстиция : сб. док. по истории органов юстиции Алтай. края. Барнаул, 2001. С. 56.
- ⁵⁸ *Красильников С. А.* Шахтинский процесс как социально-политический заказ // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 72.
- ⁵⁹ *Красильников С. А.* Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 — середине 1930-х гг. : дис. в форме науч. докл. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995.
- ⁶⁰ *Золотарев О. В.* Указ. соч. С. 48.
- ⁶¹ *Зенкевич В.* Итоги работы по проверке и чистке личного состава в органах юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 17. С. 396.
- ⁶² *Буков В. А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию. М., 1997. С. 410.

И. В. Прокуратов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И «ОТКРЫТАЯ БЮРОКРАТИЯ»

В современной России идут попытки реформирования системы государственного управления. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления российского руководства. В бюджетном послании Президента РФ от 29 июня 2011 года утверждается, что государственное управление в России функционирует в ручном режиме и неэффективно, а механизмы принятия мер по устранению этой ситуации не до конца проработаны¹. 15 октября в Москве на встрече со своими сторонниками Д. А. Медведев заявил: «Я был юристом, и мне казалось, я отлично знаю, как работает государственный аппарат. Я ошибся, все оказалось гораздо сложнее и в чем-то гораздо страшнее. Поэтому нам нужно подумать, каким образом реально поменять систему государственного управления»². Более жестко высказался на эту тему бывший министр финансов РФ Алексей Кудрин: «Вместо того, чтобы придерживаться буквы закона, мы живем как нам хочется. В результате у нас очень слабая система управления. Все вопросы, касающиеся слияний и поглощений и доступа к ресурсам, частенько решаются в кабинетах чиновников. Нам нужно уходить от этой порочной практики»³. Причем его позиция опирается на мнение бизнеса, о котором свидетельствует опрос РСПП о состоянии делового климата: большинство респондентов назвали главной проблемой неэффективное государственное управление и отсутствие ясных целей в управлении страной⁴.

Проблема неэффективности системы государственного управления во многом связана с закрытостью самой системы, с такими характеристиками российской власти, как сакральность и тайность. Это не позволяет подвластным принимать участие в

© Прокуратов И. В., 2013

Прокуратов Илья Владимирович — соискатель кафедры философии Ивановского государственного университета. tiger1386i@mail.ru

разработке и принятии решений (в т. ч. и судьбоносных), что ведет к снижению продуманности, обоснованности, полезности и эффективности самих решений, к невозможности подключить общество к действительному государственному реформированию. В этой связи особое значение получает вопрос формирования открытого для общества государственного управления. Последнее, в свою очередь, немислимо без бюрократии, поэтому на первый план выходит проблема ее открытости.

Что же такое открытая бюрократия? Для ответа на этот вопрос уясним значение термина «бюрократия». Существует несколько подходов к его определению: 1) определенная система государственного управления; 2) аппарат управления, администрация⁵; 3) определенная социальная группа⁶. Мы используем первый подход, самый широкий. В его русле открытая бюрократия представляет собой систему государственного управления. Она предполагает наличие прямых и обратных каналов обмена неискаженной информацией между управляющей и управляемой подсистемами, участие отечественных экспертов в обработке этой информации и гарантии для населения (управляемых) относительно обязательности учета этой информации органами власти и принятия по ней объективных (насколько это возможно) решений. Для реализации этого на практике требуются определенные правила и те, кто будет их воплощать в жизнь. И с тем, и с другим может прекрасно справиться юридическая интеллигенция. Таким образом, в значительной степени на ее деятельность замыкается проблема открытости бюрократии в условиях реформирования государственной службы.

Что же такое юридическая интеллигенция? Для того чтобы дать ей определение, выясним смысл понятия «интеллигенция». Интеллигенция — это та часть образованного слоя общества, которая выражает интересы народа и претендует на роль его духовного пастыря и представителя перед властью⁷. В содержание понятия «интеллигенция» входят 3 составляющие: 1) интеллектуальность (высокие умственные качества личности) и образованность, 2) интеллигентность (высокие идейно-нравственные качества личности) и 3) определенная социально-функциональная принадлежность⁸. Понятие «интеллигенция» является родовым по отношению к понятию «юридическая ин-

теллигенция», которое поэтому будет иметь его признаки. Выделение юридической интеллигенции как вида интеллигенции следует проводить по социально-функциональной принадлежности к юристам. Юристы — лица, обладающие правовыми знаниями, которые получены в результате специальной образовательной подготовки, и профессионально занимающиеся высококвалифицированной научно-преподавательской и (или) практической юридической деятельностью в государственных и общественных органах, учреждениях, организациях, а также частным порядком. При этом не у каждого юриста можно обнаружить приведенные 3 черты понятия «интеллигенция», поэтому не всех юристов можно автоматически считать интеллигентами. Здесь следует согласиться с мнением И. И. Олейник и О. Ю. Олейник: «Юридические кадры представляют интеллигенцию постольку, поскольку интеллигенты представлены среди юристов»⁹.

Не все признают существование термина «юридическая интеллигенция», и не все считают правильным его выделение. Чем это обычно аргументируется? Интеллигенция частично интегрирована с властью, а иногда и входит в нее¹⁰. Законодательство выражает интересы правящего класса, который в России всегда противостоит народу. В связи с тем, что юристы работают на основе законодательства, бытует мнение, что среди юристов не может быть интеллигентов (правда, здесь иногда делаются оговорки в отношении адвокатов), особенно среди тех, кто занимает государственные должности.

Совершенно противоположное мнение можно встретить у М. Фуко. С его точки зрения, традиционный интеллигент — «учитель истины и справедливости», «всеобщая совесть», «рапсод вечности», «свободный субъект» — ведет свое происхождение от юриста, законника, от того, кто «“власти, деспотизму, злоупотреблениям и бесцеремонности богатства противопоставляет всеобщность правосудия и справедливость идеального закона”». Интеллигент-универсал происходит из почтенного законодателя и находит наиболее полное выражение в писателе как носителе значений и ценностей¹¹, которые любой человек может счесть своими. Нам представляется, что есть все основания для выделения термина «юридическая интеллигенция» и его употребления. Во-первых, согласно общепринятому мнению, юристы призваны

выражать и отстаивать как государственный, так и частный интерес, а не отстаивать только интересы правящего класса. Они служат не только государству, но и гражданскому обществу, призваны гарантировать и обеспечивать реализацию каждым человеком его прав и свобод (а не в этом ли мы можем усмотреть деятельность по поддержанию и гарантии социальной справедливости?), обязаны осуществлять юридическую защиту граждан, в т. ч. и от государства, его органов и отдельных должностных лиц, которые нередко позволяют себе поступать неправомерно. Среди юристов можно встретить правозащитников. Во-вторых, интеллигенция выполняет функции творческого умственного труда и просвещения в системе духовного производства. Труд юриста признается специфической творчески-организующей управленческой деятельностью. В-третьих, для осуществления юридической деятельности требуется один из самых высоких среди других профессий образовательный уровень, огромное мастерство, незаурядные интеллектуальные способности. В-четвертых, юристы развивают правовую культуру, а также право — неотъемлемую часть общечеловеческой культуры. Для осуществления профессиональной деятельности юристам требуется высокий уровень всесторонней правовой и общей культуры, тонкого понимания человеческой психологии и нравственно-волевых качеств (ответственность, честность, смелость, принципиальность, независимость, объективность). В-пятых, для юриста целью профессиональной деятельности и главной ценностью призвана быть справедливость¹².

В различные этапы исторического развития страны юридическая интеллигенция в России существовала, и это признавалось как современниками, так и исследователями более поздних поколений¹³. Кого можно причислить к юридической интеллигенции? В дореволюционном периоде мы отнесем сюда А. Ф. Кони¹⁴, В. Д. Спасовича¹⁵, Б. А. Кистяковского¹⁶, Ф. Н. Плевако, В. Б. Станкевича¹⁷, П. И. Новгородцева¹⁸, Н. К. Муравьева¹⁹, в советском периоде — С. С. Алексеева и Б. М. Лазарева, в современном — Г. Падву и Г. М. Резника²⁰.

Не каждого юриста можно назвать интеллигентом. Яркий пример этого А. Я. Вышинский и его революционная целесообразность, которая использовалась в условиях правового вакуума и позволяла выносить решения, чудовищные по своей несправед-

ливости. Недаром в 1992 году в предисловии к русским читателям своей книги «Открытое общество и его враги» К. Поппер писал о том, что актуальной является задача государства подготовить таких юристов, которые обязаны осуществлять правосудие. Для этого они должны быть «воспитаны в духе служения объективной истине, интересам опирающегося на закон правосудия — и ничему более»²¹.

Чтобы считать юриста представителем интеллигенции, нельзя использовать в качестве критерия только закон. Важную роль в критериях отнесения юриста к интеллигенции выполняет справедливость, которая тесно связана с законом. Об этой связи говорит митрополит киевский Иларион, формулируя идею религиозно-правового сознания. Вот что он пишет в учении «Слово о законе и благодати»: «Ибо Закон — предтеча и слуга Благодати и Истины, Истина же и Благодать — служители Будущего Века, Жизни Нетленной. <...> Но о Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине, явленной через Христа, повесть сия; и (о том), чего достиг Закон, а чего — Благодать. Прежде Закон, потом Благодать; прежде тень, потом Истина. <...> Так, иудеи тенью и Законом оправдывались, но не спасались, христиане же Истиною и Благодатью не оправдываются, а спасаются. <...> И подобало Благодати и Истине над новыми народами воссиять. Ибо не вливают, по словам Господним, вина учения нового, благодатного в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе: прорываются мехи и вино вытекает. Не сумевшие удержать тени Закона, столько раз поклонявшиеся идолам, как удержат учение истинной Благодати!»²² Что есть благодать? С нашей точки зрения, это не что иное, как справедливость, которая является главной ценностью и целью профессиональной деятельности юриста²³.

Иногда даже во имя восстановления или поддержания справедливости юристы идут вразрез с законом. В нашей жизни можно встретить юристов, которые ставят справедливость во главу угла. В своей речи на Петербургском экономическом форуме Д. А. Медведев (юрист, ранее преподавал на юридическом факультете СПбГУ, высокий уровень его профессионализма отмечали как его коллеги по университету, где он ранее работал, так и коллеги по работе²⁴) предложил увольнять со службы чиновников по одному только подозрению в коррупции, даже если

собранные оперативниками данные не могут стать основанием для возбуждения уголовного дела. Такая инициатива идеологически вызывает одобрение у многих как справедливая (это может подтвердить и тот факт, что, по данным ВЦИОМ, 68 % москвичей поддерживают отставку Ю. М. Лужкова²⁵), но с точки зрения современного законодательства она противоречит презумпции невиновности, которая закреплена в Конституции России — основном законе страны²⁶. Другой пример. По словам Сергея Нарышкина, бывшего Руководителя администрации Президента РФ, Д. Медведев, уволивший Лужкова с формулировкой «в связи с утратой доверия», сделал это по двум причинам: «Это, во-первых, крайне неэффективное управление городом и, во-вторых, запредельный уровень коррупции, допущенной Лужковым и его окружением»²⁷. Что мы здесь видим? Нет указания на конкретные судебные решения по фактам «запредельной» коррупции, которые бы подтверждали такой тезис о бывшем градоначальнике. С юридической точки зрения, это не доказано, но политическое решение об отставке Лужкова справедливо. Как поступает Медведев? Он законно отправляет его в отставку формально не за совершение преступления (на то должен быть обвинительный приговор суда), а по другому основанию — в связи с утратой доверия за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. На наш взгляд, здесь справедливость ставится выше законности и политика играет главную роль. Кстати сказать, после случая с московским градоначальником формулировка увольнения «в связи с утратой доверия» впервые была закреплена в законодательстве России²⁸. Вспомним ситуацию между властью и ветеранами ВОВ. По решению властей к 65-летию Победы квартиры должны получить все ветераны, вставшие на очередь до 1 марта 2005 года. По разным причинам встали не все, но все они прошли ВОВ. Д. А. Медведев своим указом расширил список ветеранов, которые должны получить жилье, восстановив тем самым социальную справедливость²⁹. Им же была восстановлена справедливость историческая: 15 марта 2010 года вручены государственные награды (боевые награды, не нашедшие своих героев в годы войны) пяти ветеранам — жителям Волгоградской области³⁰.

Следующим критерием, который позволяет считать того или иного юриста интеллигентом, в литературе отмечен достаточно

высокий уровень образования и интеллектуального развития. Нам представляется, что наличие высшего (как минимум, юридического) образования, возможно с ученой степенью, с преподаванием учебных дисциплин, с наличием почетных званий (например, «заслуженный юрист»), может свидетельствовать об этом. Юрист должен ориентироваться во всём, ибо сфера права охватывает огромный массив общественных отношений, в силу чего юридическое образование предполагает наличие большого спектра знаний, умений, навыков. Немаловажно также то, что как и интеллигент, юрист осуществляет интеллектуальную деятельность по развитию права (например, разработка проектов правовых актов). Ученые также отмечают в качестве критерия высокие нравственно-волевые качества личности юриста (например, ответственность, объективность, независимость, честность, принципиальность)³¹.

Полагаем, что было бы правильно выделить такую черту, прежде всего, дореволюционной, а потом, в какой-то мере, и современной отечественной интеллигенции, как религиозность. В свете событий после 1917 года в современной юриспруденции нечасто можно обнаружить эту черту. Нравственность может возникать из религиозного сознания, а может рассматриваться как форма светской этики. Но нравственность и закон — понятия, не всегда совпадающие. Например, А. Я. Вышинский — профессионал в юридической сфере, но без нравственности... Он наглядно показал, что К. Маркс был прав: с помощью закона можно оправдать самое страшное беззаконие и полную безнравственность.

Мы рассматриваем выходцев из юридической интеллигенции как основу для формирования новой бюрократии — открытой бюрократии. Но не все выходцы могут быть в нее рекрутированы. К сожалению, современная отечественная юриспруденция — как и бюрократия, и общество в целом, — достаточно закрыта. Ярким примером того являются судьи. Нельзя сказать, что в современной России сложилась идеальная судебная система. К сожалению, приходится констатировать: российское правосудие имеет обвинительный уклон³², т. к. многие судьи, работники прокуратуры и следствия представляют собой единую корпорацию, чаще всего закрытую. «Судьи — это не замкнутая корпорация», — заявил Дмитрий Медведев на совещании по развитию судеб-

ной системы, проходившем в государственной резиденции в Горках. Тем не менее, по его мнению, судью-взяточника сложнее поймать, чем государственного гражданского служащего или взяточника-милиционера: «Судью поймайте! Корпоративная закрытость полная». «Мы сами когда-то за это боролись, потому что советские судьи не обладали ни одним из необходимых иммунитетов, но мы создали железобетонную корпорацию», — пояснил Медведев. «К сожалению, эта корпорация не способна до полной степени к самоочищению», — отметил он³³. В этих условиях любой оправдательный приговор означает сопротивление сложившейся системе. Поэтому оправдательных приговоров «у нас боятся пуще огня, даже там, где все достаточно очевидно»³⁴. Власти заявляют, что главным критерием работы суда должна стать независимость от чиновников. «Надо сделать так, чтобы суд был максимально независим от властей и в то же время абсолютно зависим от общества», — считает Медведев. Можно констатировать, что результатом этого стало недоверие общества к суду. «У меня такое ощущение, что мы зачастую сами на бытовом уровне и на государственном уровне способствуем уменьшению авторитета суда», — отметил Медведев. Он привел в качестве примера опрос, проведенный в Twitter, который показал, что 80 % людей не верят в справедливость решений суда. «Вообще-то это тяжелейший симптом, даже если реальные цифры несколько иные», — полагает Д. Медведев. «Я считаю, что в таком отношении к суду виноваты все: и государство, и общество, и сам суд», — сказал он³⁵. Кадровый состав судейского корпуса уже закладывает базу для обвинительного уклона нашего правосудия. Около 22 % служителей Фемиды вышли из прокуратуры, а 16 % работали следователями. Еще 20 % служили в государственных структурах юристами и выступали на стороне работодателя. Меньше 12 % судей являются выходцами из адвокатской среды. Число оправдательных приговоров в таких условиях очень мало, но они есть³⁶. К судьям сейчас предъявляются высокие морально-нравственные качества, о чем зафиксировано в том числе и в Кодексе чести судьи³⁷. К кандидатам на должность судьи Конституционного суда России предъявляются еще более высокие требования, в том числе и в морально-нравственном плане³⁸. Совсем недавно законодательно был изменен порядок приема квалифи-

кационного экзамена на должность судьи. Глава думского Комитета по государственному строительству В. Плигин поддержал эти изменения: «С моей точки зрения, появление дополнительных институтов давления на те или иные [органы] власти, если это давление осуществляется в соответствии с законом, является разумной и необходимой мерой для совершенствования любой системы, — сказал он. — Появление общественной оценки профессиональных знаний, если говорим об экзаменационных комиссиях, потенциальных кандидатов в судьи является рациональной чертой. Большая степень открытости [в деятельности экзаменационных комиссий] не помешает»³⁹. Надо сказать, что момент открытости присутствует, когда судью отправляют в отставку: это делают не решением того или иного чиновника, а решением Квалификационной коллегии судей⁴⁰. Но можно говорить точно, что новые правила приема квалификационного экзамена на должность судьи будут способствовать усилению открытости судей как одной из групп юристов и части отечественной юриспруденции, становлению открытой юриспруденции в России и уменьшению противостояния интересам государства и общества, корпоративности и закрытости. Всё это дает надежду на то, что и в судебной системе есть интеллигенты — те, кто обладает развитым правовым сознанием и высокой нравственностью.

Коснемся адвокатуры. По мнению известного юриста, адвоката Межреспубликанской коллегии адвокатов Марка Соломоновича Крутера, ситуация с положением адвокатуры в российском обществе действительно серьезная. В настоящее время между государством и адвокатурой сформировалась тенденция явного пренебрежения, если не вражды. Государство стремится лишить столь важный институт самостоятельности. В самой же адвокатуре три четверти новых людей приходит, прежде всего, зарабатывать деньги. Адвокаты стали бизнесменами, стряпчими, «часть из которых носят деньги по судам»⁴¹. Тенденция не из приятных. Но разве мы можем говорить так обо всех адвокатах, особенно об опытных и ответственных? Разумеется, нет. А как же правозащитники? А как же совмещение бесплатных и платных консультаций населению? А как же работа за гроши (хотя и их государство не спешит отдавать) при назначении государственного защитника?⁴² В печати появляются материалы о так называемых «карманных адвокатах» — адво-

катах, действующих в интересах следствия, а не подзащитного⁴³. Карманная адвокатура серьезно вредит репутации ее представителей, поэтому нет оснований полагать, что это очень широко распространенное явление в адвокатской среде⁴⁴. Но лишение адвокатского статуса ряда юристов — яркий пример того, что не всё так безнадежно⁴⁵. Крутер констатирует: «Истина и справедливость в судебной системе стали сегодня самым редким и дорогим “товаром”. Ведь добываются они месяцами, годами, а порой, бывает, и десятилетиями. Нередко, увы, только после смерти человека удается доказать, что он был невиновен. За это порой приходится вести борьбу, вступая в конфликт с самыми влиятельными правоохранительными ведомствами, преступными группировками, подчас рискуя жизнью, репутацией, интересами семьи»⁴⁶. Тут, безусловно, требуется и смелость, и принципиальность, и ответственность, и честность.

В настоящее время вузы выпускают такое число людей, имеющих высшее юридическое образование, что им довольно сложно устроиться по специальности на работу с хорошим достатком. В этих условиях нарастает конкуренция между практикующими юристами. Можно слышать от адвокатов жалобы людей, которые пострадали от некачественно оказанной юридической помощи практикующими юристами, не имеющими статуса адвоката⁴⁷. Но значит ли это, что профессиональный уровень последних обязательно ниже уровня адвокатов? Не значит. Точно так же, как и в случае сравнения их нравственного уровня. Мы можем встретить много просто практикующих юристов, которые занимаются научно-преподавательской деятельностью и имеют высокие морально-нравственные качества личности. А есть еще и просто теоретики права, являющиеся очень авторитетными людьми. Таким образом, можно утверждать, что интеллигенция есть и в среде юристов. Она обладает большим потенциалом для увеличения степени открытости отечественной юриспруденции в целом, для становления открытой юриспруденции, которая в свою очередь должна приводить к тому, чтобы корпоративные интересы не приходили в жесткое противоречие с интересами государства и общества. Таким образом, юридическая интеллигенция может сыграть одну из ведущих ролей в формировании открытой бюрократии.

Примечания

- ¹ Бюджетное послание Президента РФ от 29 июня 2011 года. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/29/poslanie-sten.html> (дата обращения: 20.11.2011).
- ² Медведев призвал кардинально изменить систему государственного управления. URL: <http://pravo.ru/news/view/62530/> (дата обращения: 20.11.2011).
- ³ Шевчук М. Кудрин потребовал честных выборов. URL: http://www.dp.ru/a/2011/02/18/Kudrin_potreboval_chestnih/ (дата обращения: 20.11.2011).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2006. С. 58.
- ⁶ Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 97.
- ⁷ Меметов В. С., Расторгуев В. Н. Интеллигенция // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 11. М., 2008. С. 433.
- ⁸ Олейник И. И., Олейник О. Ю. О понятии «юридическая интеллигенция» : (методологический и историографический аспекты изучения юристов как социально-профессиональной группы) // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1995. С. 74—75.
- ⁹ Там же. С. 83.
- ¹⁰ Меметов В. С. Интеллигенция и власть: в поисках новых методологических подходов : (вступ. слово на открытии конференции) // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1993. С. 6.
- ¹¹ См.: Воронов Ю. М., Ерова Т. М. Дискурсивные стратегии и нарративы : (эсхатологический и кратологический дискурсы в интеллигентоведении) // Интеллигенция: вопросы теории и методологии : монография. Иваново, 2010. С. 141—142.
- ¹² Олейник И. И., Олейник О. Ю. Указ. соч. С. 81—82.
- ¹³ Адоньева И. Г. «Великая полуреформа» : преобразования судебной власти в Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX — начало XX в.) : монография. Новосибирск, 2010. С. 12—16 ; Олейник И. И., Олейник О. Ю. Указ. соч. С. 75—78.
- ¹⁴ Доманова С. А. Личная переписка А. Ф. Кони как источник по истории политических взглядов русской интеллигенции // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии : тез. докл. межгос.

- науч.-теорет. конф. Иваново, 1995. С. 561—563 ; *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 77.
- ¹⁵ *Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. В. Д. Спасович — судебный оратор // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии.* С. 544—546.
- ¹⁶ *Бостан Л. Н.* Идеи правового государства в творчестве Б. А. Кистяковского // Там же. С. 542—543.
- ¹⁷ *Александров Н. В.* Революция и интеллигенция : (В. Б. Станкевич о роли интеллигенции в российской революции 1917 г.) // Там же. С. 558—560.
- ¹⁸ *Ехина Н. А.* Интеллигентские идеалы в жерновах Гражданской войны в России : позиция П. И. Новгородцева в деятельности всероссийского национального центра // *Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2009.* С. 136—138.
- ¹⁹ *Варфоломеев Ю. В.* Судьбы российской интеллигенции : портрет семьи адвоката Н. К. Муравьева на фоне переломной эпохи // Там же. С. 122—123 ; «Стой в завете своем...» : Николай Константинович Муравьев : адвокат и общественный деятель : воспоминания, документы, материалы / сост. А. Г. Волков, Т. А. Угимова. М., 2004.
- ²⁰ Состояние системы юридической помощи в РФ: проблемы и перспективы : интернет-конф. URL: <http://www.garant.ru/action/conference/235451/> (дата обращения: 20.11.2011) ; *Канифатова О. А.* Актуальные проблемы развития адвокатуры и пути их решения : конф. президентов адвокатских палат ЦФО 11 октября 2011 г. URL: <http://advokatvladimir.ru/publikatsii-advokatov-palaty/611-konferentsiya-prezidentov-advokatskikh-palat-tsfo-11-oktyabrya-2011g> (дата обращения: 20.11.2011) ; Резник Генри Маркович. URL: <http://www.bestlawyers.ru/best/r1.html> (дата обращения: 20.11.2011) ; *Сметанин В.* Генри Резник построил храм // Иваново-пресс. 2004. 20 янв. URL: <http://www.ivpress.ru/n312/society/00000792.htm> (дата обращения: 20.11.2011) ; Адвокаты труса не празднуют // *Российская газета* — Неделя. 2010. 6 мая ; Генри Резник : биография. URL: <http://www.peoples.ru/finans/lawyer/reznik/> (дата обращения: 20.11.2011).
- ²¹ *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1 : Чары Платона. С. 10.
- ²² *Иларион.* Слово о законе и благодати. М., 1994. С. 32—33, 40—43, 60—61.
- ²³ *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 82.
- ²⁴ *Вьюнова И.* Кремлевский Визирь // Профиль. 2003. № 43 (362). С. 28—31 ; Дмитрий Медведев : биография. URL: http://www.peoples.ru/state/minister/russia/dmitry_medvedev/ (дата обращения: 01.12.2011).

- ²⁵ 68 % москвичей считают отставку Ю. Лужкова правильной. URL: <http://top.rbc.ru/society/15/09/2011/615722.shtml> (дата обращения: 20.11.2011).
- ²⁶ Конституция РФ (с изм. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. ; 2008. 31 дек.
- ²⁷ Нарышкин рассказал, почему Лужков утратил доверие Медведева. URL: <http://ria.ru/politics/20111026/471319062.html> (дата обращения: 20.11.2011).
- ²⁸ *Савина Е., Винокурова Е.* Чиновников уволят без суда. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/06/17_a_3665445.shtml (дата обращения: 20.11.2011) ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : Федер. закон от 21.11.2011 г. № 329-ФЗ // Парламентская газета. 2011. 25 нояб.
- ²⁹ *Кривякина Е.* Государство обеспечит жильем всех нуждающихся в нем ветеранов, а не только малообеспеченных. URL: <http://kr.ru/daily/24442/607936/> (дата обращения: 20.11.2011).
- ³⁰ *Медведева И.* Президент России Дмитрий Медведев вручил государственные награды пяти ветеранам — жителям Волгоградской области. URL: <http://www.volga34.ru/news/74448/> (дата обращения: 20.11.2011).
- ³¹ *Олейник И. И., Олейник О. Ю.* Указ. соч. С. 82.
- ³² *Маймистов И.* Карманная адвокатура // Литературная газета. 2012. 4 апр. ; *Путин В. В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.
- ³³ Дмитрий Медведев на совещании по развитию судебной системы, которое проходит в государственной резиденции в Горках. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=423096> (дата обращения: 20.11.2011).
- ³⁴ *Маймистов И.* Указ. соч.
- ³⁵ Дмитрий Медведев на совещании по развитию...
- ³⁶ *Маймистов И.* Указ. соч.
- ³⁷ О судебной системе РФ : Федер. конституц. закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 25.12.2012 г.) // Российская газета. 1997. 6 янв. ; 2012. 28 дек. ; О статусе судей в РФ : Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с изм. и доп. от 25.12.2012 г.) // Российская газета. 1992. 29 июля ; 2012. 28 дек. ; Кодекс судейской этики, утвержденный 8-м Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г. // Доступ из СПС «Гарант».
- ³⁸ О Конституционном Суде РФ : Федер. конституц. закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 25.12.2012 г.) // Российская газета. 1994. 23 июля ; 2012. 28 дек.
- ³⁹ Госдума изменила правила сдачи экзаменов на должность судьи. URL: <http://pravo.ru/news/view/64383/> (дата обращения: 12.01.2012).

- ⁴⁰ Российская газета. 1997. 6 янв. ; 1992. 29 июля.
- ⁴¹ См.: *Маймистов И.* Указ. соч.
- ⁴² *Ляшенко Е.* В Петербурге скончался адвокат Юрий Шмидт. URL: <http://www.rg.ru/2013/01/12/reg-szfo/advokat-anons.html> (дата обращения: 12.01.2013); *Денисов О. Ю.* Единый день оказания бесплатной юридической помощи гражданам. URL: <http://advokatvladimir.ru/publikatsii-advokatov-palaty/575-edinyj-den-besplatnoj-yuridicheskoy-помoshchi-grazhdanam> (дата обращения: 18.02.2011); *Макулов И.* Как стать защитником // Литературная газета. 2008. 26 нояб. ; Генри Резник : биография.
- ⁴³ *Маймистов И.* Указ. соч. ; *Саиари М.* Суд не поддержал «карманного» адвоката // Новая адвокатская газета. 2011. № 15 (104). URL: <http://www.advgazeta.ru/arch/104/678> (дата обращения: 18.02.2012); *Истифеева Е.* Борис Минцев: «Со временем День адвокатуры станет всероссийским праздником!». URL: <http://primadvokat.ru/2010/05/31/boris-mincev-so-vremenem-den-advokatury-stanet-vserossijskim-prazdnikom/> (дата обращения: 18.02.2012); *Куликов В.* Назначен из кармана // Российская газета. 2011. 29 сент.
- ⁴⁴ *Истифеева Е.* Указ. соч. ; Кодекс профессиональной этики адвокатов. URL: <http://www.fparf.ru/norms/codex.htm> (дата обращения: 01.02.2012); *Садохин В.* Кому мешает порядок // Новая адвокатская газета. 2000. № 2. URL: <http://www.advgazeta.ru/arch/91/606> (дата обращения: 18.02.2012).
- ⁴⁵ *Маймистов И.* Указ. соч. ; *Садохин В.* Указ. соч.
- ⁴⁶ Цит. по: *Маймистов И.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Маймистов И.* Указ. соч. ; *Истифеева Е.* Указ. соч. ; *Саиари М.* Указ. соч.

ББК 63.3-283.2

А. А. Данилов**К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»
В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ**

Среди огромного количества примеров использования дефиниции «интеллигенция» существует пласт трактовок, принадлежащих ряду представителей античной и средневековой философии.

Одним из первых определение «интеллигенции» ввел в научный оборот в IV в. до н. э. знаменитый древнегреческий философ Платон. В диалогах «Филеб» он выделяет особую сущность, которую в более поздних переводах именовали *интеллигенцией*¹. Платоновский «Филеб» содержит попытку формулировать интеллигентную стихию. Платон говорит об *уме* как об интеллигенции в ее максимальной выявленности и выраженности. По его определению, ум — «царь неба и земли», «всеобщий строитель и правитель»². Платон включает в интеллигенцию не только ум, но и душу, в результате возникает *одухотворяющая и оживляющая космическая стихия*.

Таким образом, Платон через особые *сферы*, которые именуются у него «науками, искусствами и правильным мнением», доходит до *чистого ума*, где синтез ума и удовольствия дан в максимальной силе своей выявленности как *особая категория интеллигенции*. Заканчивается синтез принципами, которые управляют самим *предельным умом*. А. Ф. Лосев определяет его как «*софийный ум в пределе*», «*софийную силу*». По его мнению, Платоном «интеллигенция выведена диалектически, здесь мы получаем структурно законченную сферу интеллигентного бытия»³.

© Данилов А. А., 2013

Данилов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета. danilof.aa@mail.ru

Аристотель, вслед за Платоном, выделяет особые сущности, содержащие в себе чистую действительность. К ним он относит *человеческую душу*, а именно — ее высшую, разумную часть, которую он называет «*деятельным разумом*», или «*духами сфер*»⁴. Таким образом, «интеллигенции» определялись Аристотелем, а затем и его последователями в средневековой философии и космологии, как вечные неподвижные духовные сущности, двигатели небесных сфер, передающие движение от Перводвигателя — Бога через небесные тела вещам земного, подлунного мира⁵.

Дефиницию «интеллигенции» использует выдающийся ученый Востока, один из крупнейших представителей средневековой восточной философии аль-Фараби — автор комментариев к сочинениям Аристотеля (отсюда его почетное прозвище «Второй учитель»). В космологической схеме аль-Фараби *деятельный разум* является одной из ступеней иерархии *чистых интеллигенций*. По мнению аль-Фараби, из Единого Бога проистекает первая подчиненная интеллигенция, которая дает начало второй интеллигенции и — на физическом уровне — высочайшей небесной сфере. Другая *интеллигенция* — *деятельный разум*, действует как посредник между областью интеллигенций и индивидуальными человеческими умами. С точки зрения аль-Фараби, бессмертия удостоятся только те человеческие умы, которые благодаря просветлению *деятельным разумом* постигают философскую истину⁶.

Аристотелевскую трактовку интеллигенции продолжил арабский философ IX века аль-Кинди. Он написал трактат о разуме, в котором исследовал аристотелевское различие между разумом *деятельным* и *пассивным*. Аль-Кинди рассматривал *деятельный разум* как единую *интеллигенцию*, приводящую «извне» и выполняющую определенную роль относительно индивидуальных человеческих умов. В XII в. этот трактат под названием «*De intellectu*» был переведен на латинский язык и стал, таким образом, доступен христианскому Западу.

В средневековой Европе в эпоху Каролингов в «Речениях Кандида об Образе Божиим», приписываемых фульдскому монаху, жившему в начале IX века, содержится доказательство существования Бога, основанное на той мысли, что «иерархия сущего требует существования бесконечной божественной интеллигенции»⁷.

Авиценна (Ибн-Сина), средневековый персидский ученый XI века, философ и врач, представитель так называемого *восточ-*

ного аристотелизма, сохранил в своих трактатах гармоническое равновесие между философией и религиозными верованиями ислама. Авиценна утверждает, что весь иерархический строй бытийствующих интеллигенций исходит от Бога, необходимо и вечно. Мир авиценновского аристотелизма был пронизан необходимостью Бога. Первая подчиненная интеллигенция с необходимостью происходила из Бога, вторая — из первой и т. д., вплоть до земного мира. Интеллигенции, промежуточные сущие между Богом и материальным миром, разумеется, отличаются от самого Бога. В каждой из них имеется различие между сущностью и существованием. Однако все интеллигенции являются гипотетически необходимыми сущими. Если Бог существует, от него должны исходить все интеллигенции. Эти интеллигенции отличаются друг от друга различными степенями приближения их к абсолютно необходимому сущему. Десятая интеллигенция имеет задачей «иллюминацию человеческого ума», т. е. выполняет функцию *деятельного разума* Аристотеля. В объяснении способа, каким мы познаем, Авиценна следует за Аристотелем. Авиценна считает деятельный разум не просто функцией или способностью человеческого ума, но отделенной интеллигенцией⁸.

Таким образом, с точки зрения Авиценны, существует одно абсолютно необходимое сущее (Бог), а также некоторое число гипотетически необходимых сущих — «*отделенных интеллигенций*».

Знаменитый западноарабский философ XII века Ибн Рушд, в Западной Европе известный под латинизированным именем Аверроэс, в своей метафизике старается максимально точно следовать Аристотелю, постулируя существование *интеллигенций сфер*. Бог, возможно, считает Аверроэс, непосредственно создал все отделенные интеллигенции. В комментарии к «*De Anima*» Аристотеля Аверроэс замечает, что деятельный разум есть **чистая деятельность** и отделенная, *единая интеллигенция*.

Ибн Дауд, также известный под прозвищем Галеви, богослов-философ XII века, историк и астроном, живший в мусульманской Испании, в своих трудах развивал учение Аристотеля. Как и Авиценна, Ибн Дауд постулирует наличие особых, промежуточных между Богом и миром, *отделенных интеллигенций* Аристотеля, среди которых он называет *деятельный разум*. Ибн

Дауд считает, что отделенные интеллигенции были созданы извечно, материальный же мир имел начало во времени.

Лев Герсонид, средневековый философ, математик, астроном XIII века, рассматривая психологию Аристотеля, утверждает, что актуализация возможного разума деятельным разумом (отделенной нематериальной субстанцией, или интеллигенцией) способствует формированию приобретенного разума, который остается и после смерти человеческого организма.

Сигер Брабантский, французский философ, профессор факультета искусств Парижского университета, разработал теорию единства разума во всех людях. Низжайшей интеллигенцией в иерархии отделенных интеллигенций, последовательно исходящих от Бога, по его мнению, является разум человеческого рода, в котором можно различить два аспекта — «деятельный и возможный разум»⁹.

Магистр богословия Парижского университета Педро Гарсия в XV веке писал, продолжая теорию Аристотеля: «Философы полагают, что интеллигенции совершенно неподвижны и невосприимчивы... Ибо они считают, что интеллигенция есть некая сущность, лишённая всякой материи и материальных условий, и что она движет сферу посредством приданной сфере души, как одушевленную и желаемую. И поэтому она не обладает никаким местоположением или отношением к телу, так как, согласно их мнению, не действует посредством некоего тела. Кроме того, они говорят, что небесные тела одушевлены и что число интеллигенций точно соответствует числу движений небесных тел»¹⁰.

Таким образом, многие философы античности и средневековья в своих учениях постулировали иерархию отделенных интеллигенций. Разумеется, ныне вряд ли мы готовы действительно всерьез воспринять понятие самой низшей отделенной интеллигенции, выполняющей функцию «деятельного разума» в человеческих умах. Однако, несмотря на значительную долю схоластики в этих воззрениях, в целом представление об иерархии отделенных интеллигенций и соответствующих сфер кажется нам довольно любопытной теорией.

Могут ли ныне *теории интеллигенций* послужить современной России? Вполне возможно. Современная интеллигенция, как социальная группа, как специфическое сословие, как некая фор-

мация российской духовности, несмотря на разные качественные черты и свойства, среди которых есть и положительные, и отрицательные, содержит в себе наличие некоего общего **духовного кода, пароля**. В отличие от разобщенности различных враждующих друг с другом политических и общественных группировок интеллектуалов, интеллигенции (в самом широчайшем смысле этого слова) интересно друг с другом сосуществовать. Несмотря на несовпадение воззрений, у них есть некий *главный код*, предмет жизни, более важный, чем материальные блага или политические предпочтения. У интеллигенции есть ощущение того, что Аристотель называл «большим хором», так называемая **«музыка сфер»**. Платон и Аристотель считали, что правильно отлаженный полис способен, как правильно отлаженный Космос, давать «музыку сфер»¹¹. И в этом отношении форма полиса, любого органического государства, имеет свою собственную цель, которую мы изнутри либеральной модели представления об атомарном свободном индивиде просто не можем услышать. Учитывая то, что сегодня наше государство находится в духовном и нравственном кризисе, теории античных и средневековых мыслителей могут быть весьма полезны.

Примечания

- ¹ *Коплстон Ф. Ч.* История средневековой философии. М., 1997. URL: <http://lib.rus.ec/b/417975> (дата обращения: 04.03.2013).
- ² *Платон.* Филеб // Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. (Сер. «Филос. наследие»). URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/> (дата обращения: 11.02.2013).
- ³ *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose000/index.htm> (дата обращения: 04.03.2013).
- ⁴ *Аристотель.* Категории // Соч. : в 4 т. М., 1975. Т. 1. (Сер. «Философ. наследие»). URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt> (дата обращения: 11.02.2013).
- ⁵ См.: *Гайденко П. П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 73—74. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000183/st002.shtml> (дата обращения: 04.03.2013).
- ⁶ *Шаймухамбетова Г. Б.* Фараби // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib> (дата обращения: 04.03.2013).
- ⁷ См.: *Коплстон Ф. Ч.* Указ. соч.

⁸ Фролова Е. А. Ибн-Сина // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib> (дата обращения: 04.03.2013).

⁹ См.: Коллстон Ф. Ч. Указ. соч.

¹⁰ Цит. по: Горфункель А. Х. Трактат о бессмертии души. URL: <http://lib.rtg.su/phylos/291/41.html> (дата обращения: 04.03.2013).

¹¹ Цит. по: Секацкий А. Об интеллигенции, государстве и музыке сфер. URL: <http://konservatizm.org/news/mneniya/251109181802.xhtml> (дата обращения: 04.03.2013).

ББК 63.3(4)4-283.2

М. Г. Денежкин

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВАГАНТЫ

Под формулировкой «проблемы генезиса европейской интеллигенции» нами подразумевается спорность самого существования интеллигенции в рассматриваемый период. В связи с этим в основе статьи лежит не доказательство тезиса о том, что ваганты — интеллигенты, но вопрос, причем вопрос открытый, — о существовании средневековой интеллигенции. Основой для его постановки, источником нашего исследования является поэзия вагантов.

Данная статья предполагает не терминологический, а исторический анализ феномена средневековой интеллигенции. Нам представляется важным очертить те аспекты, в которых этот феномен оказывается применимым к социальной ситуации. Во-первых, интеллигенция — это в определенном смысле социальная группа, обладающая формальным единством. Единством — по образовательному признаку, по условиям жизни и месту в об-

© Денежкин М. Г., 2013

Денежкин Михаил Геннадьевич — студент второго курса магистратуры исторического факультета Ивановского государственного университета. denezhkinmihail@yandex.ru

ственных отношениях. То есть, первый аспект — наличие группового социального статуса. Второй аспект предполагает в интеллигенции носителей самосознания общества, составляющих его нравственный и культурный фундамент. Таким образом, второй аспект существования интеллигенции — культурный¹.

Для нас важна попытка ответить на вопрос: есть ли в поэзии вагантов черты взгляда интеллигента на окружающую действительность, проявляются ли духовные ценности интеллигенции? Уже на основе этого аспекта мы сможем сделать предположение о социальной определенности выделенного нами культурного слоя.

Основу поэзии вагантов составляют рукописи XII и XIII веков. Двадцать рукописей хранятся во Франции — к ним следует присоединить две французские по происхождению — Вольфенбютельскую и Хердрингенскую. Геттингенская рукопись является английской. Очень тесно связана с ними Бенедиктобуранская рукопись (*Carmina Burana*) с ее списками «парижских» песен и с немецкими элементами в произведениях пиршественной и любовной лирики. Эта рукопись была создана, судя по всему, в начале XIII века, она представляет собой огромное множество поэтических импровизаций, собранных под определенными сюжетами и темами.

На русский язык стихотворения Бенедиктобуранской рукописи переводились Л. В. Гинзбургом и М. Л. Гаспаровым². Данные труды помогли нам познакомиться с поэзией вагантов. Переводы Л. В. Гинзбурга отражают динамику стиха, показывая чувства и настроения студенчества. Вторая книга, составителем которой был М. Л. Гаспаров, представляется наиболее полным на данный момент изданием вагантской поэзии. Здесь представлен и систематизирован достаточно объемный материал, распределенный по разделам («Житье и Бытье», «Царь и Бог», «Рим и мир», «Любовь и неволя», «Любовь и воля», «Быль и сказка», «Мир навыворот», «Предтечи и современники»). М. Л. Гаспаров работал не только с изданиями рукописей, но и с зарубежной историографией вагантов, что, наряду с прекрасным знанием библейской и античной символики, помогло ему создать обширные комментарии к переведенному материалу. Эти комментарии оказались для нас интересны не только при первом знакомстве с поэзией вагантов, но и при работе с латинскими текстами.

Тем не менее, присутствует большой пласт не переведенного на русский язык материала из «*Carmina Burana*»³. С другой стороны, и Л. В. Гинзбург, и М. Л. Гаспаров (в меньшей степени) в следовании тонкостям рифмованного литературного перевода порой упускают содержание источника. Для более точного воспроизведения рукописи нами были переведены прозой стихи из первого «раздела» рукописи, «*Carmina moralia et satirica*» — «Песни моральные и сатирические».

Есть еще один вопрос, необходимый для понимания специфики источника, — кто такие ваганты? М. Л. Гаспаров представлял вагантов предельно широко — как «бродячий люд», и связь поэзии вагантов со студенчеством и его бытом здесь никак не устанавливается. Присутствует лишь отдаленное упоминание, что «“вагантская поэзия” отличается от “невагантской поэзии” не социальным положением авторов, не тематикой, не формальными особенностями, а средой бытования»⁴. Но к этой среде автор нас так и не обращает.

О. А. Добиаш-Рождественская в статье «Коллизии во французском обществе XII—XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи» говорит о том, что сам термин «вагант» очень широк по хронологическому и социальному охвату. Чтобы конкретизировать обстановку бытия поэзии вагантов, автор анализирует другое имя вагантов — голиард. В этом понятии она находит социально-исторический подтекст, говоря о том, что «термин *goliardus* в отличие от *golart*, *gulart* появился тогда, когда социальная действительность, новая и во многих смыслах революционная, заставила сомкнуть, слить концепцию Голии-дьявола, мятежного духа с концепцией шутивого певца»⁵. Поставив таким образом поэзию вагантов в исторические рамки, автор замечает: формирование поэзии вагантов напрямую связано с определенным социальным феноменом — «голиарды XII—XIII вв. образовали крупную разновидность, родившуюся с расцветом университетов»⁶.

Похожий подход к поэзии вагантов представлен в работе «Происхождение университетов» Ч. Г. Хэскинса. Автор воспринимает поэзию голиардов в конкретных хронологических рамках — 1125 и 1225 годов, определяя ее в непосредственной связи с Ренессансом XII века и появлением первых университетов. В само понятие голиардов Хэскинсом включаются «студенты, бывшие студенты и даже учителя — передвигающиеся из города в

город в поиске знаний и в большей степени приключений»⁷. Таким образом, голиарды воспринимаются именно как участники университетской жизни.

Такой подход, то есть установление связи поэзии вагантов с университетской культурой, представляется нам исторически верным. Для удобства изложения мы не будем отказываться от термина «вагант». Но ваганты в нашем понимании — не неопределенная масса бродячих клириков. Это люди, чья жизнь так или иначе связана, или была связана, с университетом. Многие специфические черты поэзии вагантов определяются именно университетской средой, теми идеями, которые внесла эта среда в сознание средневекового человека.

Конкретно вопрос о вагантах как об интеллигенции в исследованиях не поднимался. Но в работах О. А. Добиаш-Рождественской и Ж. Ле Гоффа говорится о природе социальной критики в поэзии вагантов, и в связи с этим ставится ряд важных для нашего исследования вопросов.

Когда О. А. Добиаш-Рождественская говорит о университетском принципе «sic et non» (да и нет) и его роли в сознании средневекового человека, то отмечает: «прилагаемый к миру социальному, этот метод становится принципом беспощадной критики»⁸. Автор проводит связь между университетским мировосприятием и критикой вагантами современного общества. Поставив проблему социальной критики у вагантов, О. А. Добиаш-Рождественская утверждает, что голиарды не смогли «пойти много дальше близких своей группе обид»⁹, так как не преодолели классовых интересов и не смогли раскрыть угнетающий характер феодальной эксплуатации. Такое мнение автора ставит перед нами другую важную проблему — были ли ваганты интеллигентами, конкретнее — были ли интересы вагантов интересами узкой корпоративной группы или их волнуют социальные вопросы в целом?

Ж. Ле Гофф в работе «Интеллектуалы в Средние века»¹⁰ посвящает отдельную главу критике общества у голиардов. Эта критика, по мнению автора, имеет своей причиной нестабильность социального положения голиардов. У них нет единой цели, и потому социальная критика распадается на отдельные нападки, цель которых — получить бенефиции. Все это заставляет Ле Гоффа сделать вывод о том, что голиарды оказались на окраине интеллектуального дви-

жения, не смогли найти свое место в строительстве университета. Заключение автора спорно. Но Ле Гофф ставит перед нами ряд важных вопросов: была ли критика вагантами общества «чисто разрушительной» или несла цельную картину мира? отражает ли поэзия вагантов нестабильность, расплывчатость интересов вагантов как социальной группы? В ходе дискуссии о вагантах как интеллигенции эти вопросы очень важны.

Проблему средневековой интеллигенции в историографии на данный момент наиболее четко поставил Л. М. Баткин в работе «Итальянское Возрождение: проблемы и люди». Автор использует термин «интеллигенция» для обозначения отличительной особенности среды гуманистов от среды средневековых интеллектуалов. Он подчеркивает, что в Средние века нотариус, философ, иконописец не могли сознавать своего единства ввиду рамок своих корпораций, поэтому «“интеллигентные” цехи стояли в одном ряду с торгово-ремесленными; представление об особой, не узкотехнической, а социально-культурной функции всех подобных профессий, об интеллигенте вообще как носителе концентрированной образованности и духовности отсутствовало»¹¹. Л. М. Баткин считает, что в обществе, разделенном на корпорации, не могло быть «духовного центра», кроме церковных кругов, для которых духовная деятельность предполагалась все теми же корпоративными рамками. Здесь перед нами также встает еще один вопрос — как в рамках строгой корпоративной структуры средневекового общества мы предполагаем появление слоя интеллигентов?

Целью нашего исследования является постановка вопроса о возможности существования интеллигенции в Средние века на основе материалов поэзии вагантов. В связи с этим необходимо зафиксировать функции, которые могла выполнять поэзия вагантов как поэзия интеллигентов. Процесс определения этих функций включает три задачи. В ходе первых двух задач представляется необходимым рассмотреть две темы поэзии вагантов: отношение к современному обществу и видение человека. Третьей задачей, не менее важной, на наш взгляд, является определение социальной опоры предполагаемой интеллигенции, то есть сопоставление выделенных нами тем поэзии вагантов с университетской культурой.

Отношение поэзии вагантов к современному обществу напрямую связано с восприятием внешнего мира в целом. Внешний мир обладает чертой современности. Настоящее время здесь часто подчеркивается в самом начале стихотворения — указанием «теперь», «вот», «в это время»¹², а также подчеркивается и с помощью глаголов настоящего времени, которые постоянно рифмуются между собой¹³, создавая музыкальный ритм стиха. Музыкальность ритма — это не только его «певучесть», но и стремление подготовить читателя (или слушателя) к чувственному восприятию повествования.

Внешний мир обладает чертой неустроенности. Неустроенность, неразумность внешнего мира часто встречается в первых строфах стихотворений, поскольку здесь формулируется проблема, которая волнует автора.

На земле властный правитель в это время деньги.
Ими восхищаются цари и служат им.
Продажный папский престол любит деньги.
Деньги господствуют в покоях аббатов.
Деньги почитают черные приоры.
Деньги становятся судьей на собраниях¹⁴.

Автор берет на себя право социальной критики. Он в своей речи свободен от безумства окружающего мира, так как видит обман денег, но не подчиняется ему: «Я видел, как деньги плакали, пока шла месса, и улыбались, так как народ был обманут»¹⁵. Автор в данном случае — независимый зритель, критик, его цель — показать своим независимым словом безумство окружающего мира.

Интерес автора к современному обществу развивается в качестве описания социальной структуры (в стихе о деньгах это: цари — папы — аббаты-приоры). Показывается, что проблема, которая стала предметом его критики, охватывает все социальные слои:

Доблесть заброшена.
Церковь пограна.
Клир отходит.
Мамона правит.
Симония властвует.
Понтифики в заблуждении.
Правители в замешательстве.
Знать в смуте.

Храмы в непристойности.
Законы попораны¹⁶.

Социальная структура описывается не иерархично, так как для автора важнее показать «включенность» разных сословий в суету безумного мира. Описывая неустойчивость социальной структуры, причиной этой «шаткости» он считает несоблюдение законов (в данном стихе — «законы попораны», в стихе о деньгах говорится — «деньги становятся судьей на собраниях»).

Итак, автор намерен критически отнестись к этой проблеме, претендуя на разумную роль в неразумном мире, и это уже говорит о появлении авторской самостоятельной точки зрения.

Самостоятельность и трезвость авторской позиции ведут к созданию образа безумного внешнего мира. На первый план выходит идея «перевернутости» — в мире всё не на своих местах.

Благородный порабощен.
Рабство почтенно.
Паразит заявляет о себе.
Шут господствует.
Бесстыдный властвует¹⁷.

Духовная атмосфера в обществе надломлена, социальная структура переворачивается — пастыри и волки поменялись местами:

Волки пастырей
возглавляют и правят ими,
Опрокидывая законы¹⁸.

Духовная перевернутость выражается в ниспровержении истинных ценностей, в подмене духовных авторитетов.

Позорно гибнет вера,
Никто не верен верному,
Ни Юпитер Юноне,
Ни Дидона Энею¹⁹.

Образное восприятие перевернутого мира несет в своей основе духовное осмысление проблем социальной жизни.

Если правильно посмотреть
Захочешь, это не жизнь,
Раз так живет без цели
Этот глупый род;

Ибо не означает жить,
Если кто так живет.
Все нарушают права
И от веры в деле
Любом удаляются²⁰.

В данном стихе переворачивается само понятие жизни и ставится духовная проблема — а жизнь ли это, если все отходят от веры и закона? На первый план выходит современное автору общество, которое неустроено и в котором попираются законы — не только социальные, но и духовные.

Образное восприятие содержит в себе великолепную литературную метафору, но яркость образов — не самоцель, но обращение к чувственному восприятию читателя, к его сопереживанию. Нет сомнения и в том, что читатель должен обладать немалыми познаниями как в библейских, так и в античных символах. Образное восприятие безумного мира несет в себе функцию общественной позиции, поскольку, как мы видим, сочетает социальное и духовное видение реальности и предполагает свою аудиторию.

Обратимся к конкретным вопросам, которые интересуют вагантов. В основе этих вопросов — критика профанации духовной жизни, подчинение ее временным мирским ценностям. Главным виновником этого является церковь, потому и образ ее создается умышленно материализованный, мирской.

Вместо посоха — меч,
Вместо инфулы — шлем,
Вместо столы — щит —
Это будет жернов смерти,
Панцирь вместо альбы,
Удобный для черепа,
Шкуры вместо плеч,
Вместо ритуала — мирское²¹.

Важным аспектом социальной критики является осуждение корыстолюбия церкви. Деньги в поэзии вагантов играют огромную роль в профанации ценностей.

Так как низко они продают мессу
И грешат и в том и в другом,
Беря больше или умеренно,
Потому что неравнодушны к дарам,

Ведь цель есть алчность²².

Церковные служители подвержены всеобщему пороку алчности, «магии денег». Клирики критикуются в большинстве случаев не с точки зрения учености (как противопоставление ученому сословию), а с точки зрения нравственности. Ваганты прямо пытаются протестовать против претензий церкви на роль духовного учителя общества. Вальтер Шатильонский в стихотворении «Для Сиона я не смолчу» так рисует образ церкви: часть клириков, особо корыстных, представлены в виде пиратского корабля, который автор также называет «Петровым кораблем»²³.

Все пожирает, словно лев,
Хищный и рычащий.
Господствует над пиратами,
Именуясь Подкидышем.
Сидящее в засаде,
С толстым брюхом, с натянутой кожей,
Огромное чудище, не искупленное
Добродетелью от пороков²⁴.

Это — самый настоящий гротеск. В его основе лежит глубокая критика социальной действительности, в рамках которой формируется позиция автора в отношении будущего папы — он поддерживает Александра III, подчеркивая, что тот «благоволит наукам»²⁵.

В ходе осуждения церкви часто критикуется и «папский» город — Рим. Вальтер Шатильонский в своем стихотворении «Песнь мятежная» ярко описывает корыстолюбие Рима. «Естество Рима процветает на набитых кошельках», «римская курия есть рынок», — утверждает он²⁶. Видимо, сам Вальтер отправлялся в Рим, чтобы справиться какое-то дело. Он подробно описывает процесс его рассмотрения, в ходе которого постоянно приходится давать взятки:

Привратники требуют,
Писцы требуют, булла требует,
Папа требует, еще и кардиналы требуют,
Все требуют²⁷.

Перед нами — жизненная ситуация, когда Вальтер критикует Рим за поклонение сумме и хочет поделиться возмущением со своими единомышленниками, которые поймут витиеватое начало

— «Грудь находится под железом, прикрытая позолоченной шкурой, и ослы одевают шкуру льва» или концовку — «здесь правит Юпитер, небо держит Плутон». Описание грехов курии занимает большую часть стиха, т. к. для Вальтера нравственное падение Рима существеннее собственного дела. Он пишет не жалобу, а обличительную речь, которая имеет свою аудиторию.

Еще один аспект социальной критики в поэзии вагантов — это упадок учености, который воспринимается как проявление общего безумия мира. Виновником распространения невежества являются деньги. Магия денег подменяет интеллектуальные ценности.

Деньги губят сердца мудрых,
Поглощая свет.
Деньги учат глупого быть грамотным²⁸.

При разговоре об упадке учености знание часто противопоставляется безумному миру. Люди, которые должны передавать «свет знания», сами являются неучеными. Здесь мы сталкиваемся с попыткой оспорить роль церкви как духовного учителя. Вот как Вальтер Шатильонский говорит о представителях римской курии, которые правят «Петровым кораблем»:

Эти нас учат, но неученые.
Эти нас учат, и ночь ночи открывает знание²⁹.

Невежество безумного мира захватывает даже университет:

Славился некогда университет,
Теперь он приведен в вертеп;
Знание когда-то процветало,
Но перевес взяли забавы.
Уже хитрость присуща ребятам,
Которые по дурной воле
Исключают мудрость.
Но прежде, в прошлые века,
Едва ли позволено было ученикам,
Даже девяностолетним,
Прекращать обучение после университета.
Теперь же десятилетние,
Сбросив гнет, свободные —
Провозглашают себя магистрами,
Слепые ведут слепых³⁰.

В этом стихе есть момент самоосмысления, самокритики интеллектуального сословия. Это совершенно четкая культурная позиция, направленная на возрождение традиций университета.

Поэзия вагантов зачастую не открывает нам самой личности автора, его индивидуальности. Но мы все же сталкиваемся с авторской точкой зрения на социальную действительность. Автор обладает определенным запасом знаний и ценностей, которые позволяют ему так свободно относиться к безумному миру. Своеобразие мысли автора не только в разумном, трезвом взгляде на внешний мир, но и в связи социального и духовного, которая делает сатиру вагантов более глубокой в отношении к суете внешнего мира. Автор определенно обращается к группе людей, которые понимают ход его рассуждений, его риторику. Этой группой людей, в которой жила поэзия вагантов, было зарождающееся в конце XII века средневековое студенчество. Студенческий образ жизни, тяга к знаниям и стремление искать во всем разумный смысл, и в то же время стремление высказаться, разделить свою точку зрения с единомышленниками — всё это рождает социальную критику вагантов.

Хотелось бы конкретизировать, какие функции интеллигенции присущи авторам вагантской поэзии: 1) роль критика общества, т. е. свободное нравственное отношение к хаосу внешнего мира и наличие своей аудитории сочувствующих; 2) гражданская духовная позиция — не только острое отношение к общественной действительности, но и критика ее нравственной шаткости, и как следствие — поиск духовного авторитета; 3) культурная роль, в которую входит борьба за сохранение традиций образования и учености в обществе.

Поэзии вагантов присущ совершенно особый стиль мышления, который характеризуется своеобразием представлений о социальной жизни. В центре их внимания — не внутренние вопросы узкой корпорации, а острые темы социальной жизни. Не свойственно ли такое отношение к действительности именно интеллигенции?

Еще ярче особый стиль мышления вагантов, не типичный для средневекового общества, проявляется в видении человека. Проблема человека и его природы затрагивается в целом ряде стихотворений. Так, в начале одного из них несколько раз задается один и тот же вопрос «*Cur homo torquetur?*» — «Почему человек мучается?». Далее даются разные ответы:

Почему человек мучается? Чтобы наполниться добротой.
Почему человек мучается? Чтобы восславить Христа.
Почему человек мучается? Чтобы искупить вину греха.
Почему человек мучается? Чтобы вдвойне мучиться³¹.

Автор ставит под вопрос не мученическую природу человека, а самого человека. Ответы заранее словно бы ясны, но налицо попытки понять человека, осознать себя; тем не менее, автор так и не находит целостного ответа.

В целом среди всего хаоса мирского человек в поэзии вагантов часто «теряет себя», как герой стихотворения о Фортуне, поглощенный бессмысленным круговоротом колеса.

Жребий неистовый
И слепой,
Колесо, ты вращаешься;
Злое положение,
Суэта благоденствия,
Постоянно изменчивая,
Темная и скрытая,
Мне ты навязываешь
В игре силой.
Теперь я пребываю
Полностью гол
От твоей жестокости³².

Среди этой дисгармонии человек, возможно, и пытается как-то определить себя, но эти попытки тщетны — поскольку не герой выбирает, а Фортуна силой навязывает ему выбор. Но есть одно стихотворение, которое совершенно по-иному ставит проблему человека, его свободу.

С тех пор как благородство полюбило рабство,
Оно начало вырождаться вместе с рабством.
Благородство, которым не управляет и которое не защищает честное,
Лежит упавшее и никому не угодно, так как кажется ничем³³.

В начале стихотворения перед нами встает важная проблема — благородство, которое «не защищает честное», «кажется ничем». Уникальность проблемы в том, что благородство изначально формулируется не как врожденное достояние — как оно мыслилось традиционно в средневековом обществе, но как то, что требует внутренней работы. Потому что благородный должен защищать

честное — то есть благородство должно быть деятельным. Сама по себе такая постановка проблемы уникальна. Далее в стихотворении идет определение того, что же такое благородство.

Человеческое благородство есть образ Бога в душе.

Человеческое благородство есть дитя света добродетели.

Человеческое благородство обуздывает разгневанную душу.

Человеческое благородство поднимает павшего униженного³⁴.

Здесь, как мы видим, продолжается определение благородства как начала деятельного — «обуздывает», «поднимает». Но совершенно феноменально звучит первая фраза, словно бы отрицающая любую сословную ограниченность благородства. «Образ Бога в душе» — такое определение не содержит никаких внешних критериев, кроме критерия внутреннего, духовного — благородство как следование божественному образу. Это уже не просто рассуждение о благородстве, это уже основа духовно цельной личности.

Человеческое благородство — это сохранять права природы.

Человеческое благородство ничего не боится, кроме позорного³⁵.

Так обретается цельность с внешним миром — когда человек следует природе и не испытывает страх. В суете внешнего мира постоянно присутствует «устрашающий» элемент. Благородство перебарывает этот страх. Когда он исчезает, приходит новое понимание человека и его благородства.

Благороден тот, кто знатен добродетелями.

Погибнет тот, которого никакая добродетель не делает счастливым³⁶.

Благородство не просто деятельно, оно добродетельно. Таким образом, во главе картины мира оказывается не хаос, а разумное благородство. Человек понимается уже не как раб, человек понимается, повторюсь, как явление целостное, освобожденное от страха. Здесь мы сталкиваемся непосредственно с культурной миссией, которую берет на себя поэзия вагантов — побороть страх человека перед внешним миром посредством его разумного осмысления и осознания новой социальной общности.

Можно утверждать, что данное стихотворение — особый казус в поэзии вагантов. Но тот путь критики внешнего мира, который выбирают ваганты — путь во многом нравственный и духовный, — вел к такому пониманию человека. Человека свобод-

ного — в тех рамках, конечно, которые устанавливались спецификой эпохи. Свобода авторской точки зрения, направленность на духовное осмысление реальности — именно на этом фоне складывается видение человека.

Перед нами предстает вполне четкий принцип понимания человека, отвлеченный от средневековых корпораций. А значит, появляется возможность не только формирования особого слоя, выполняющего свою внутреннюю интеллектуальную работу, но и духовного диалога между людьми разных сословий. Местом такого диалога стал университет, ведь именно в его среде мы впервые сталкиваемся с преодолением корпоративных преград, с единством всех в университетской академии. Университеты в данном отношении являются культурной средой, в которой формируется средневековая интеллигенция. Действительно, разве это не позиция интеллигента, преодолевающая сословные границы, доказывающая не наследственное, но совершенно иное, духовное благородство человека?

Поэзия вагантов не просто проявляет интерес к социальной действительности, она совсем по-особому эту действительность осмысляет. Точка зрения в поэзии вагантов — не просто мнение, а общественная позиция, когда автор выступает как нравственный, духовный авторитет. Среда, в которой формируется такой тип позиции, — средневековый университет. Он играет большую роль в формировании разумного взгляда на мир. Но он и создает особый слой людей, нетипично представляющих свою общность.

Примечания

¹ Культурология : XX век : энцикл. Т. 1. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.03.2013).

² Лирика вагантов. М., 1970 ; Поэзия вагантов. М., 1975.

³ В данной работе используется издание «Carmina Burana», составленное Г. Бернтом, А. Хилкой и О. Шуманном, выпущенное в Мюнхене в 1979 г. и предоставленное в открытом доступе на сайте. URL: <http://www.hs-augsburg.de> (дата обращения: 10.03.2013).

⁴ *Гаспаров М. Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М., 1975. С. 421—514.

⁵ *Добиаш-Рождественская О. А.* Коллизии во французском обществе XII—XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи // Добиаш-Рождест-

- венская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 115—143.
- ⁶ Там же. С. 117.
- ⁷ *Haskins C. H.* The Rise of Universities. New York, 1923. P. 112. URL: <http://www.elfinspell.com/Universities1.html> (дата обращения: 08.05.2013).
- ⁸ *Добиаи-Рождественская О. А.* Указ. соч. С. 124.
- ⁹ Там же. С. 126.
- ¹⁰ *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003.
- ¹¹ *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995. С. 57.
- ¹² Теперь (nunc) — «Florebat olim studium, nunc vertitur in tedium», вот (ecce) — «Ecce torpet probitas», в это время (hoc tempore) — «In terra summus rex est hoc tempore Nummus» // *Carmina Burana* / ed. G. Bernt, A. Hilka, O. Schumann. München, 1979. Verses 3, 6, 11 (далее — Op. cit. и номер стиха — verse). URL: <http://www.hs-augsburg.de> (дата обращения: 10.03.2013).
- ¹³ Op. cit. Verses 19, 41.
- ¹⁴ Op. cit. Verse 11.
- ¹⁵ Op. cit.
- ¹⁶ Op. cit. Verse 5.
- ¹⁷ Op. cit.
- ¹⁸ Op. cit. Verse 39.
- ¹⁹ Op. cit. Verse 3.
- ²⁰ Op. cit.
- ²¹ Op. cit. Verse 39.
- ²² Op. cit. Verse 9.
- ²³ Op. cit. Verse 41.
- ²⁴ Op. cit.
- ²⁵ Op. cit.
- ²⁶ Op. cit. Verse 42.
- ²⁷ Op. cit.
- ²⁸ Op. cit. Verse 11.
- ²⁹ Op. cit. Verse 41.
- ³⁰ Op. cit. Verse 6.
- ³¹ Op. cit. Verse 32.
- ³² Op. cit. Verse 16.
- ³³ Op. cit. Verse 7.
- ³⁴ Op. cit.
- ³⁵ Op. cit.
- ³⁶ Op. cit.

ББК 63.3(0)62-411

М. А. Бандурин**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРОПЕ
НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ВО ВЗГЛЯДАХ ПРАВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ — КАРЛА ШМИТТА,
МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА, ЮЛИУСА ЭВОЛЫ**

Идейное наследие так называемых «консервативных революционеров» XX в. за пределами России изучается давно¹. Судьба и творчество этих правоконсервативных теоретиков оказались тесно и сложно переплетены с нацистским режимом в Германии и итальянским фашизмом. В то же время, как показывают современные исследователи, для теоретиков правого консерватизма эта сопричастность не стала определяющей, что не позволяет проигнорировать взвешенность и последовательность их взглядов. Прежде всего потому, что правоконсервативные мыслители принимали идеологии национал-социализма или фашизма далеко не в полном объеме. Идеи Адольфа Гитлера или Бенито Муссолини, а также их сторонников, воспринимались «консервативными революционерами» лишь в строгом соответствии со своими собственными концепциями, что, подчас, приводило к разрывам в отношениях с нацизмом или фашизмом и драматическим поворотам в жизни правоконсервативных теоретиков. Однако попытка найти альтернативу одновременно либерализму и коммунизму — так называемый «Третий путь», их сближала.

© Бандурин М. А., 2013

Бандурин Михаил Александрович — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. js.ivsu@bk.ru

В последние десятилетия интерес к «консервативным революционером» обозначился и в отечественной науке². Представленный материал продолжает изыскания в данном направлении. В нем предпринята попытка проанализировать взгляды правоконсервативных теоретиков К. Шмитта, М. Хайдеггера и Ю. Эвола на геополитическую ситуацию в Европе накануне и во время Второй мировой войны, основываясь на том, что отечественная наука не уделила пока должного внимания двум последним мыслителям.

Поскольку все три мыслителя были философами, вопрос о взаимосвязи их взглядов с актуальной социальной ситуацией стоит в зависимости от проблемы социальной обусловленности философии вообще. Безусловно, все рассматриваемые авторы претендовали на то, чтобы влиять на современную им интеллектуальную ситуацию и изменять ее в лучшую сторону. Однако само выражение «правый интеллектуал» после Второй мировой войны приобрело явную проблематичность, поскольку «интеллектуальность» стала ассоциироваться, прежде всего, с мыслителями левого и либерального толка. Между тем, именно с коллективистскими и индивидуалистическими тенденциями наши авторы пытались одновременно бороться. Это привело, в частности, к неприятию ими тоталитаризма и даже отчасти национализма. Во всяком случае, и то, и другое они воспринимали несколько иначе, чем нацистское и фашистское руководство. Неспособность правящих идеологий, как это часто бывает, принять в полном объеме концепции каждого из рассматриваемых мыслителей, несмотря на то что они были способны улучшить интеллектуальную обстановку в обществе, привела к их маргинализации. Особенно это заметно в отношении К. Шмитта и М. Хайдеггера — философов, претендовавших на то, чтобы действительно влиять на состояние умов в роли главных интеллектуалов Третьего рейха. Столкновение с несправедливой невостребованностью своих способностей со стороны нацистского руководства привела обоих мыслителей во внутреннюю эмиграцию. Большой реалист Ю. Эвола даже не пытался официально сотрудничать с фашизмом, отстаивая собственную интеллектуальную независимость. Однако, поскольку он наиболее активно выступал против левой и либеральной идеи, это привело к его интеллектуальной маргинализации даже в большей степени, особенно после войны.

Немецкий юрист, философ и геополитик Карл Шмитт (1888—1985) начал свои исследования в конце 1910-х гг. Первый этап его творчества приходится, таким образом, на времена Веймарской республики. В этот период издаются его работы «Политический романтизм» (1919), «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «Понятие политического» (1927). Уже в них сформирована основа его взглядов: антилиберализм, антипарламентаризм, примат политики над общественной и экономической сферой, теоретическое обоснование диктатуры. Он выступал прежде всего как юрист и философ политики, и эти работы сделали его признанным теоретиком государственного права³. К. Шмитт участвовал в политической жизни Веймарской республики, ратуя за усиление президентской власти, и возлагал большие надежды на канцлера Курта фон Шлейхера. Тем не менее, после прихода к власти А. Гитлера в 1933 г., Шмитт вступает в нацистскую партию. Это трудно назвать оппортунизмом, ведь он самостоятельно пришел к идее диктатуры, хотя и не специфически нацистской, но элемент конъюнктурности в этом все же имелся. В 1934 г. Шмитт публикует статью «Фюрер защищает право», где высказывает антисемитские взгляды. Однако уже в конце 1936 г. он подвергается нападкам СС за связь с еврейскими учеными. Статью о фюрере сочли оппортунистической, в частности из-за более ранних положений с критикой расовой доктрины нацистов, высказанных мыслителем⁴. После этих нападок СС Шмитт сосредотачивается на вопросах геополитики и международного права.

В контексте темы нашего исследования первостепенное значение имеет доклад Шмитта в Кильском институте политики и международного права «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил», изданный в апреле 1939 г. и переизданный с дополнениями в июле 1941 г. Это исследование посвящено обоснованию понятия «большое пространство» (*Grossraum*), которое затрагивает в большей степени правовой аспект, но может в то же время рассматриваться и как начало геополитических исследований Шмитта. В этот период автор отдает предпочтение Карлу Хаусхоферу в сфере геополитической теории. К докладу тематически примыкает и дополняет его послевоенная работа Шмитта «Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*» (1950). Рассмотрим их в комплексе.

Международную ситуацию 1919—1939 гг. К. Шмитт характеризует как хаотическую⁵ и «пространственный беспорядок»⁶. Подчеркивается тот факт, что Соединенные Штаты Америки не ратифицировали Версальский договор и заключили с Германией особый мирный договор в 1921 г. При этом США требовали для себя в Версальском договоре особые права и привилегии⁷. Показательно, что автор никогда не связывает Версальский договор 1919 г. с результатами Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и не использует распространенное сейчас выражение «Версальско-Вашингтонская система». Напротив, он оперирует такими непривычными сейчас выражениями, как «Женевская Лига Наций»⁸ и «Женевско-Версальская международно-правовая защита»⁹.

Формальное отсутствие США в Лиге Наций, согласно Шмитту, впрочем, не должно создавать иллюзий. «Образовалось, — писал он, — своеобразное смешение официального отсутствия и эффективного присутствия, характеризовавшее отношение Соединенных Штатов Америки к Женевской лиге и к Европе в целом»¹⁰. Поэтому фактически, по мнению немецкого мыслителя, на Европу упала тень Западного полушария. Прежде всего, из-за 21-й статьи Устава Лиги Наций, в которой указано, что американская «доктрина Монро» («Америка для американцев»), оглашенная президентом США в 1823 г., не является несовместимой с новой международной организацией¹¹. В результате, по мнению Шмитта, на Парижской мирной конференции 1919 г. уже не Европа, как это было на предыдущих подобных форумах, распоряжалась пространственным порядком земли, а мировой беспорядок распоряжался Европой, превратив ее в пространственный беспорядок¹². Произошла балканизация континента¹³. Все это, как считал Шмитт, обострялось кризисом классического европейского права, который углублялся со второй половины XIX в. вплоть до Первой мировой войны. Внешне этот процесс выразился в усилении правового позитивизма и универсализма¹⁴.

Послевоенная Версальская система, по К. Шмитту, была создана для того, чтобы санкционировать сложившийся status quo. Эта система международных отношений закрывала глаза на фактическую неустроенность мира, придавала ему ореол святости права, легальности и легитимности. В 1939 г. Шмитт писал: «За-

падные демократии находятся сегодня в положении тогдашних европейских держав Священного союза. Монархически-династический принцип легитимности превратился в либерально-демократически-капиталистический принцип легитимности»¹⁵.

Анализируя послевоенное состояние мира, Шмитт обратился к Великобритании. По мнению ученого, Лондон был крайне чувствителен в сохранении *status quo* британской империи, что в значительной степени было связано с вопросом безопасности морских путей¹⁶. Поэтому в отношении европейских проблем британская позиция, в отличие, например, от французской, изначально была гибко-ревизионистской. Для Англии стремление сохранить мировую империю в послевоенном мире основывалось уже не на доктринальных, идейных основаниях, как в лучшие времена, а на моральных принципах. Оно подкреплялось тем, что после Первой мировой войны сложилась предопределенная гармония международного права и политических интересов Великобритании¹⁷. «Универсализм принципа безопасности коммуникаций, — писал Шмитт в 1939 г., — более не имеет сегодня естественно-правового покрова свободы; он является открытым выражением интереса *Status quo* мировой империи, которая думает, что имеет как таковая уже достаточно легитимации в себе»¹⁸.

Далее германский правый мыслитель остановился на геополитических характеристиках Великобритании и особенностях мировидения англичан. Британская империя начала XX в., по мнению Шмитта, представляла собой разбросанное по всему земному шару пространственно не сопряженное образование, поэтому британский юрист и политик склонен мыслить не пространствами, а проливами и коммуникациями. Чтобы иметь основания для аргументации, англичанин должен отождествить интерес сохранения империи с универсалистскими категориями¹⁹.

Сравнивая британскую и американскую политику, Шмитт нашел схожие элементы. Например, английская оговорка к Пакту Бриана-Келлога 1928 г. называлась «британской доктриной Монро»²⁰. Однако главного в ней не было — сопряженного пространства. К тому же, по мнению Шмитта, американская доктрина к концу XIX в. подвергалась фальсификации, став, особенно в период правления Теодора Рузвельта, оправданием капиталистического империализма. Еще дальше пошел президент США Вудро

Вильсон. В 1917 г. он пытался внедрить «доктрину Монро» в международную практику, изменив смысл. Теперь в ее основание было положено право любых народов на самоопределение. Это повлияло на устав Лиги Наций и стало методом растворения конкретных пространственных порядков в «мировой идеологии», превращавшейся в пан-интервенционистскую²¹.

«Доктрина Монро» в ее первоначальном понимании стала для К. Шмитта базовым элементом на пути осуществления консервативной революции в сфере международного права. С этой целью он в отмеченном докладе в Кильском университете ввел понятия «рейх» и «большое пространство». Пользуясь изначальным смыслом прецедента Монро и опытом классического европейского права, Шмитт предложил включить принципы «большого пространства» в правовую науку, считая американскую доктрину самым успешным в новейшей истории примером их реализации²². «Рейхом» в данном случае были США, а его «большим пространством» Западное полушарие. При этом Шмитт критикует концепцию пространства как исключительно пространства государства и строго различает понятия «рейх» и «государство». «Рейх, — писал немецкий правый мыслитель, — это не просто увеличенное государство, так же как большое пространство — это не увеличенное малое пространство»²³. Таким образом, рейхов в концепции Шмитта 1939 г. много — это и Третий (Германский) рейх, и Советский рейх, и Американский, Британский, Французский, Итальянский, Японский рейхи. Каждый из них не тождествен большому пространству, но «имеет большое пространство, в котором излучается его политическая идея и которое не должно подвергаться опасности чужих интервенций»²⁴.

У Шмитта большое пространство Третьего рейха — это Центральная и Восточная Европа, Британского — мировая империя. Правда, как можно судить по работам немецкого ученого, у него именно Британская империя труднее всего вписывалась в предлагаемые им же понятия. Прежде всего, по причине ее пространственной несопряженности. Зато СССР вполне соответствовал понятийному и концептуальному ряду, предложенному Шмиттом. «Немецко-русский договор о границах и дружбе от 28 сентября 1939 года, — писал он, — уже в официальном тексте использует понятие рейха. Он устанавливает границу “взаимных интересов рейхов” в области прежнего польского государства»²⁵.

С отмеченных выше базовых позиций Шмитт критиковал формализм Версальского договора, систему региональных союзов, вроде «Малой Антанты», доктрину «естественных границ», американский универсализм и его советский вариант. Согласно правому германскому мыслителю, послевоенная Европа оказалась зажатой между американским и советским универсализмами, а все решения Парижской мирной конференции выглядели «несубстанциальными». «Несубстанциальность» последних заключалась, прежде всего, в том, что послевоенные договоры более не исходили из идеи качественного порядка пространства, который всегда предполагался в классическом европейском праве.

Следует заметить, что критическое замечание Шмитта относительно мироустройства после Первой мировой войны вполне применимо к «жизненному пространству» в его гитлеровском понимании. Впрочем, одним из аспектов субстанциальности пространства, согласно К. Шмитту, является народ, а в понимании его места немецкий правый мыслитель полностью солидаризировался с идеологией национал-социализма. «Наш Германский рейх, — писал он, — определяется существенно народно и является существенно не-универсалистическим, правовым порядком на основе уважения каждой народности»²⁶. Тем самым Шмитт полностью подтверждает тот факт, что основной особенностью нацизма, наряду с расовой доктриной, была «народная» (völkisch) идея, укреплявшая правую идеологию в противостоянии с доктринами левых сил и либералов. Концепция больших пространств, по мнению Шмитта, полностью соответствовала как международному положению Третьего рейха в начале 1939 г., так и общей международной ситуации: «Этими несущими и формообразующими величинами сегодня являются рейхи, а не государства, как это было в XVIII и XIX веках»²⁷.

В контексте вышесказанного уместно обратиться к геополитической теории К. Шмитта. Немецкий философ, взяв за основу идеи Хэдфорда Маккиндера и Карла Хаусхофера, разработал наиболее полную и законченную геополитическую концепцию²⁸. В ее основе лежит тезис об историко-диалектическом противостоянии Суши и Моря, конкретно — двух типов политической ориентации, теллуократии (власти с помощью Суши) и талассократии (власти с помощью Моря)²⁹. При этом Шмитт не устанавливает

ливаает исторический закон и подчеркивает, что каждое событие в рамках этой концепции уникально, но определяется структурой «вопрос-ответ», наподобие того, как это представлено у Арнольда Джозефа Тойнби. Он, однако, не сторонник цивилизационного подхода и критикует английского историка наряду с марксистами и позитивистами³⁰. Самым важным для понимания геополитики Шмитта является то, что теллуократия и талассократия различаются не размерами государственной территории, наличием заморских колоний или развитием флота. В этом они как раз похожи — представители каждой из сторон могут иметь примерно одинаковый размер территории (например, Англия и Япония), иметь колонии (например, Англия и Испания), использовать армию и флот для противоборства друг с другом (например, Великобритания и Германия в Первую мировую войну). Различия между ними лежат в структурных и мировоззренческих особенностях организации власти, экономики, общества и восприятия пространства. В Новое время талассократическая направленность отчетливо проявлялась в Англии после буржуазной революции середины XVII в. и особенно в ходе промышленной революции XVIII в. В ходе этих процессов британцы, с одной стороны, стали воспринимать свой остров как «корабль», стоящий на «якоре» близ континента («береговой линии»), и переориентировались в сторону морского могущества, и, с другой стороны, сделали своей судьбой технику и стремились теперь сделать ее судьбой всего мира. Одновременно с этим перед англичанами встала острая необходимость контролировать континент в глубине «береговой линии», что отразилось в их стратегии поддержания баланса сил. Стратегии, которой Великобритания твердо придерживалась после Утрехтского мирного договора 1713 г.

США, по мнению Шмитта, на момент провозглашения «доктрины Монро» в 1823 г. не были талассократической державой и стали таковой только после победы Севера в Гражданской войне 1861—1865 гг. Символом этого стало появление книги Альфреда Тайера Мэхэна «Влияние морской силы на историю» (1890). Таким образом, согласно Шмитту, к 1939 г. имелось всего две талассократические силы — Великобритания и Соединенные Штаты (правда, с примкнувшей к ним Францией), которых оказалось достаточно, чтобы разрушить классическое европейское право и пространственный порядок Европы.

Развивая далее свою концепцию, немецкий правый теоретик писал, что талассократическое влияние при подписании Вестфальского 1648 г. и Венских в 1815 г. соглашений, которые определили характеристики двух (Вестфальской и Венской) систем международных отношений, было невелико. Такое положение определялось общей силой государств Европы и более-менее грамотно проводимой политикой. Несмотря на то, что теллурократические державы постоянно воевали друг с другом, они параллельно заботились о поддержании пространственного порядка, «номоса Земли», и классического права. Ими тщательно соблюдалась принципы нейтралитета и «законного врага», то есть вражеское государство и тем более вражеские правители никогда не воспринимались как преступники, а война как таковая не считалась преступлением и велась по правилам дуэли. В этом формате, считал Шмитт, началась и Первая мировая война. Все изменилось с ее окончанием. На Парижской мирной конференции 1919 г. ввиду общей слабости Европы ключевую роль стала играть американская талассократия, которая, наподобие британской, намеревалась так или иначе получить контроль над периферийной для своего большого пространства территорией — Восточным полушарием.

Приведенный выше материал позволяет уверенно констатировать тот факт, что Карл Шмитт новизну послевоенной ситуации видел в появлении американского фактора. Великобритания же в его понимании продолжала старую политику и была настроена к новой Европе гибко-ревизионистски. Общим талассократиям было присуще игнорирование качественного пространственного порядка и классического европейского права. Одновременно обе державы имели склонность к «дискриминационному» пониманию войны, что вызывало особую тревогу Шмитта с середины 1930-х гг. Проблема «больших пространств» у германского правового теоретика заключалась в том, что талассократические рейхи (такое выражение вполне уместно) были отнюдь не склонны мыслить в категориях этой концепции. Они имели большие пространства, но при этом искажали их суть: США в стремлении экономически влиять на Европу и использовании представителей Латинской Америки в Лиге Наций, Великобритания под предлогом нейтрализации и интернационализации морских коммуника-

ций³¹. Исходя из сложившегося положения, Шмитт предлагал использовать первоначальный смысл «доктрины Монро», которая в свое время стала противовесом европейскому монархическому легитимизму, а теперь могла быть задействована при изменении установившегося миропорядка. Касательно Москвы, К. Шмитт подчеркивал, что царская Россия всегда была оплотом пространственного порядка, образцом теллуократии и никогда не тяготела к универсализму. Теллуократическую ориентацию германский мыслитель видел и у СССР. Причем ее усиление произошло в конце 1930-х гг., когда в значительной степени из-за внутренних причин страна оказалась в идеологической изоляции и коммунистический универсализм стал уходить на второй план.

После Второй мировой войны американские власти хотели привлечь Карла Шмитта к Нюрнбергскому трибуналу, усмотрев в Кильском докладе теоретическое оправдание гитлеровской политики по завоеванию Востока³². Невозможно игнорировать тот факт, что шмиттовская концепция «больших пространств» была направлена на легитимацию геополитического положения Третьего рейха в начале 1939 г. и нацеливала на политику доминирования в Центральной и Восточной Европе. Однако, отмечая этот факт, представляется невозможным предание забвению теоретического наследия Шмитта. Несомненно, даже его ранняя концепция предлагала конструктивные решения. Здесь выделяется, прежде всего, идея запрета интервенций в чужие «большие пространства» без всяких исключений. И это положение в полной мере относилось к нацистской Германии и имперской Великобритании конца 1930-х гг. Поэтому до осуждения Шмитта дело не дошло.

Заканчивая анализ взглядов Шмитта и не вдаваясь более в детали, отметим, что начало Второй мировой войны автор непосредственно связывал с мюнхенским процессом, в ходе которого в 1938 г. был совершен «внутренне лживый акт» и принесен в жертву один из членов Лиги Наций. У последней не было подлинного принципа территориального status quo, равно как осознания двусмысленности политики в области национальных меньшинств, и к установлению пространственного порядка это не привело. «Непосредственно сразу после мюнхенского процесса, — резюмирует Шмитт, — спустя всего год, в сентябре 1939 года, при полном игнорировании Женевской лиги началась Вторая мировая война. При

этом Англия в своей декларации от 3 сентября 1939 года ссылалась на свои обязательства, вытекающие из пакта Келлога»³³.

Теперь обратимся ко второму немецкому мыслителю — Мартину Хайдеггеру (1889—1976), создателю проекта «новой онтологии», крупному специалисту по творчеству Фридриха Ницше, одному из ведущих представителей феноменологии, «князю философов», как его иногда называли³⁴. М. Хайдеггер, как известно, на первом этапе своего творчества политикой практически не интересовался, однако все изменилось с приходом нацистов к власти. В 1933 г. он вступает в гитлеровскую партию и разворачивает бурную идеологическую работу на посту ректора Фрайбургского университета. В своей речи при вступлении в эту должность философ ратовал за тесную интеграцию университетов в процесс выполнения духовной миссии немецкого народа и воспитания его новых вождей³⁵. Период активной нацистской риторики у мыслителя продолжался, правда, недолго. Менее чем через год Хайдеггер отказывается от ректорства, но политическую позицию выдерживает до конца. До разгрома гитлеровского рейха он оставался членом НСДАП и в последний период войны даже участвовал в народном ополчении. По причине сотрудничества с гитлеровским режимом Хайдеггеру после войны на несколько лет запретили преподавательскую деятельность. Несомненно, что Хайдеггер поддержал нацистов исходя из философских предпосылок. Очевидно, он увидел в молодом нацистском движении, выражаясь его терминами, некую экзистенциальную подлинность, поэтому и принял в нем участие.

У М. Хайдеггера нет работ, специально посвященных политике или геополитике. Однако ряд разрабатываемых им тем примыкает к данной проблематике. Прежде всего, это справедливо относительно темы техники. И здесь Хайдеггер хорошо дополняет размышления Шмитта.

М. Хайдеггер не связывал проблему техники с талассократией и рассматривал ее в контексте собственной философии. Его крайне тревожила технизация действительности, которая затрагивает отнюдь не только технические науки, но и мировоззрение новоевропейского человека, включая язык. При этом автор подчеркивал, что, несмотря на иллюзии научно-технического прогресса, современный человек совершенно не знает, с чем имеет

дело, не владеет сущностью техники. Это касается не только потребителей материальных благ, но и инженеров, изобретателей и даже ученых-теоретиков. Такая ситуация становится особенно опасной в атомный век.

У Хайдеггера отмеченная выше критика современного состояния мира оказалась направлена, с одной стороны, против материализма, включая диалектический, господствующий в СССР, с другой — американского прагматизма. В этой связи автор ввел термины «американизм» и «советизм». По мнению ученого, эти две силы являются флагманами технизации и, несмотря на идеологическую полярность, уже с 1920-х гг. демонстрируют в этом отношении поразительную близость. В творчестве Хайдеггера, таким образом, просматривается знакомая нам шмиттовская идея «зажатости» Европы и Германии, на этот раз между «американизмом» и «советизмом». Вот что пишет философ в лекционном курсе 1942/43 гг. о большевизме: «Имеющий уши [...] мог уже два десятка лет услышать сказанное Лениным: большевизм есть советская власть + электрификация. Это значит, что большевизм есть “органический”, то есть математически организованный (о чем говорит и +) союз безусловной власти партии с полной механизацией»³⁶. И далее: «Решающим оказывается не то, что русские строят, например, все больше тракторных заводов, а то, что уже с самого начала полная техническая организация мира становится метафизической основой всякого планирования и развития и что эта основа постигается безусловным и исчерпывающим образом и привносится в трудовое свершение»³⁷. При этом Хайдеггер подводит к тому, что большевизм при такой способности к тотальной технической мобилизации непобедим вооруженными методами»³⁸.

«Американизм» философ характеризовал как «планетаризм» и «идиотизм». Первый заключается в тенденции распространить власть над всем миром (здесь можно провести аналогию со шмиттовским универсализмом), второй — в эгоистическом субъективизме, персонализме, деградации философии³⁹. Вот что пишет Хайдеггер в лекционном курсе 1943/44 гг. по поводу американских бомбардировок Германии: «Тот же самый вопрос мы должны задать и науке, глядя, как зачастую „исследователей” прославляют за то, что они, согласно одной примечательной фразе, “продвинули исследование вперед”. Вперед? Простите, а куда

именно? Может, до разрушенных городов на Рейне и Руре? Что это такое: одно лишь продвижение вперед? Есть ли в нем хоть какой-нибудь смысл, особенно если позабыли спросить, по какой дороге движемся и кто, собственно, двигает?»⁴⁰

Философ в одной из работ обращает также внимание на тот удивительный факт, что начало войны в 1939—1940 гг. практически никак не повлияло на повседневную жизнь Германии. В таких условиях различие между войной и миром исчезает⁴¹. Эта ситуация связана с особенностями организации *Wehrwirtschaft* («военной экономики»), которая отрегулирована правительством Гитлера еще с середины 1930-х гг. так, чтобы содержать большую армию мирного времени, способную к проведению локальных кампаний без необходимости дополнительной мобилизации, как военной, так и экономической. Смысл «мировой войны» по Хайдеггеру заключается в том, что «мир» (в хайдеггеровском смысле) сводится теперь к борьбе сил, подстегиваемых «волей к власти», которые воспринимают его в аспекте тотального планирования, исчисления, производства⁴². В этом отношении философ не видит никаких отличий тоталитаризма от демократии. Интересы, которые защищают мировые силы, начиная массовые войны, являются призраками власти, о которой они не имеют никакого представления и которая не укладывается в технические категории. По мнению Хайдеггера, в начавшемся противостоянии с «американизмом» и «советизмом» у национал-социализма шансов на победу мало. Во всяком случае до тех пор, пока он уподобляется своим противникам, доводящим до предела худшие тенденции современной новоевропейской философии⁴³.

В завершение нашей работы рассмотрим взгляды итальянского мыслителя барона Юлиуса Эволы (1898—1974) — радикального традиционалиста, чьи идеи стали, пожалуй, наиболее цельным и последовательным выражением правой (правоконсервативной и консервативно-революционной) идеи в XX в. Как офицер артиллерии он в весьма юном возрасте участвовал в Первой мировой войне. Именно в годы ранней молодости у Ю. Эволы сформировались базовые принципы мировоззрения: антибуржуазность, антикоммунизм, традиционализм, радикальная критика современного мира, воинское мировоззрение и идея органичного государства. Эти установки сближали Эволю с фа-

шистской партией Бенито Муссолини, однако в самой партии мыслитель никогда не состоял. Независимая интеллектуальная позиция позволила ему выступать идейным экспертом правых идеологий и участвовать в их развитии («воспитании»). На этом пути этапными стали 1930 и 1934 годы.

В 1930 г. Эвола создал консервативный журнал «Башня», который подвергся нападкам со стороны властей. В 1934 г. в свет вышла одна из ключевых работ мыслителя «Восстание против современного мира». Эвола, хотя и сотрудничал с научными центрами нацистской Германии, не принял абсурдную биологическую расовую доктрину нацистов и несуразности «неоязычества» Третьего рейха. По просьбе Б. Муссолини он начал серьезные исследования в этих областях и сумел сформулировать альтернативную гитлеровской теории расы. Обратившись к проблемам философии, Эвола выступил оппонентом К. Шмитта и М. Хайдеггера.

Шмитт выстроил свою теорию на основе идеи естественного права, опираясь на труды Томаса Гоббса. Одним из ключевых факторов политики и суверенитета у германского мыслителя стали народ и нация. Эвола критиковал такой подход. Более того, по мнению итальянского мыслителя, сочетание шмиттовского подхода с эгалитарной расовой доктриной Гитлера представляет собой воистину «ядерную смесь», дискредитировавшую по итогам войны правую идею.

Эвола независимо от Шмитта дополняет его концепцию в вопросе о британской внешней политике. Он обращает внимание на ее эгоистический характер и направленность против идеи европейского единства. Отправной точкой стали события 1712 г. В ходе войны за испанское наследство Англия, союзник имперского принца Евгения Савойского, заключила сепаратный мир с Францией. Неожиданность этого шага состояла в том, что в момент заключения соглашения армия австрийского военачальника вела успешные действия против французов и создала угрозу Парижу. «После Утрехтского мира, к которому Империя не имела никакого отношения, — отмечал Эвола, — среди европейских наций все больше утверждались силы внутреннего распада. Усилия по защите Европы и достижению его единства, которым она наслаждалась уже в экуменистическом Средневековье, было

вновь расколото после краткой кульминации, связанной в основном с символической фигурой Евгения Савойского»⁴⁴.

Приведенный выше отрывок из работы Эвола свидетельствует также о значительном его интересе к идее единой Европы. Вообще, к планам «Пан-Европы» он в 1930—1950-е гг. обращался неоднократно. Показательны его слова из работы 1932 г.: «Символ, при помощи которого Европа может воззвать к единству для защиты своей жизни и сохранения своей древней традиции, по нашему мнению, будет неполным, если Россию и Америку не оставят в стороне, если не увидят обе стороны одних клещей, сходящихся с востока и запада»⁴⁵. И далее: «Самой большой преградой на пути всякого истинного европейского единства является европейский национализм как раз в плебейском коллективистском смысле, в котором выступает действительное зло»⁴⁶. Таким образом, в отличие от Шмитта, Эвола ориентировался на опыт Священной римской империи и Священного союза. Критикуя доктрину больших пространств и гитлеровскую политику, он в самый разгар Второй мировой войны в 1942 г. писал: «Политическая ситуация, реально сложившаяся в Европе, позволяет нам констатировать лишь этап постепенного формирования “имперских образований” вокруг народов Оси. Основная проблема нового порядка, который наступит с нашей победой, состоит в переходе от таких “имперских образований” к имперским целостностям, т. е. имперским организациям»⁴⁷. Гитлеру в этот критический период следовало бы изменить лозунг «один народ, один рейх, один фюрер», который способствовал его успеху до войны, на что-нибудь более подходящее ситуации, а также опереться на другие силы, кроме *Volksgemeinschaft*, т. е. расового народного сообщества. По словам Эвола, в таком случае: «Помимо Румынии в будущие имперские пространства оси могли бы таким образом органично влиться также и славянские, и греко-православные народы. Условием этого было бы их возвращение к глубине их собственных традиций, отказ от славянской маски большевистского безумия»⁴⁸. Эвола был далек от русофобии и подчеркивал роль царской России, даже несколько идеализируя ее внутренний строй, в обеспечении старого европейского порядка, конец которого, по его мнению, наступил в результате срыва реформ Петра Аркадьевича Столыпина.

Особую важность для рассматриваемых нами вопросов представляет послевоенная работа Эвола «Фашизм с точки зрения правых», увидевшая свет в 1964 г. Несмотря на ее небольшой объем, данный труд является одним из лучших исследований ушедших идеологий, в том числе в их связи с внешней политикой.

В своих размышлениях Эвола исходил из положения, что целью внешней политики Третьего рейха была нейтрализация западных стран на время решительной атаки против СССР. Однако для этого требовалась проницательность Клеменса Меттерниха⁴⁹. Главной негативной чертой политики Гитлера, по мнению Эвола, являлся этнический национализм ирредентистского толка, который был совсем не свойствен, например, политике Фридриха II и Отто фон Бисмарка⁵⁰. Если бы не эти особенности, то «Данциг не стал бы тем узловым пунктом, с которого начала свое неуправляемое движение лавина Второй мировой войны»⁵¹.

В приведенных важных наблюдениях Эвола есть, однако, один недостаток: он не детализирует ситуацию во времени. Действительно, не ясно, на какой период приходится время решительной атаки на СССР, и, с другой стороны, не отмечается, что лавинообразность войны проявилась не с самого начала, а только после 22 июня 1941 г., когда Запад как раз не удалось нейтрализовать. Очевидно, Эвола имеет в виду следующее. Пакт Молотова-Риббентропа был сам по себе кризисным явлением для антибольшевистской дипломатии, потому что из-за ирредентистской политики Гитлера Запад уже к весне 1939 г. не удалось нейтрализовать. Фюреру следовало бы отказаться от этого курса с целью привлечения на свою сторону Польши и Румынии и выступить против СССР с чистой антибольшевистской идеей, не искаженной пангерманизмом, расовыми предрассудками и связями с И. В. Сталиным. В таких условиях Запад мог и даже должен был сохранить молчание, что привело бы к локализации войны. Однако Гитлер не был новым Меттернихом. Здесь Эвола, как, впрочем, большинство других исследователей, анализирующих ситуацию тех лет, не отвечает на главный вопрос: почему Третий рейх неминуемо одержал бы над СССР верх?

Нападение Третьего рейха на СССР в условиях противостояния Германии со странами Запада Эвола считает авантюрой, которая для Европы закончилась катастрофой⁵². Причины пора-

жения он объясняет рядом факторов, прежде всего неблагоприятными геополитическими условиями. Создание Германией в 1939 г. общей границы с СССР, согласно Эволе, было авантюрой. Ситуация много ухудшилась при проведении самой военной операции. В ходе русской кампании, по словам итальянца, проявились все отрицательные черты идеи «жизненного пространства», что привело к возникновению своего рода межевропейского колониализма⁵³. «При этом „арийцами“, — писал Эвола, — считались исключительно немцы, тогда как остальные народы, не меньше последних достойные этого звания, были зачислены в недочеловеки и подвергались соответствующему обращению»⁵⁴.

В ответ на непродуманные действия гитлеровцев Сталин начал проводить новую политику под лозунгом «советского патриотизма», за которым, по мнению Эволы, скрывался русский национализм⁵⁵. Это изменение политики оказало существенное влияние на перелом в ходе войны.

Критикуя нацистский курс в отношении Запада и стран Центрально-Восточной Европы, Эвола обратил внимание на другую сторону режима национал-социалистов. Политика Гитлера, искажившая идею органичного порядка, привела к максимальному сплочению внутри Третьего рейха, что наглядно проявлялось вплоть до самого конца Второй мировой войны. На стороне фюрера оказалась и значительная часть традиционно влиятельного и внутренне замкнутого пруссачества. И заговор 1944 г. в этом плане почти ничего не менял. Кроме того, в торгово-экономической политике, что важно для обеспечения суверенитета, Третий рейх также добился значительных успехов на пути автаркии, которые нередко преуменьшаются западными исследователями⁵⁶.

Согласно Ю. Эволе, Италия начала сближение с Третьим рейхом далеко не сразу. Первоначально Рим думал о сближении с демократиями Запада, отражением чего стал проект «Пакта четырех» 1933 г. — соглашения о сотрудничестве Великобритании, Италии, Франции и Германии. Однако эгоизм и идеологические предубеждения западных партнеров, прежде всего Франции, не позволили осуществиться этому проекту. Анализируя позицию Италии в годы Второй мировой войны, Эвола пришел к выводу, что она полностью согласуется с идеологией фашизма⁵⁷.

Отдельно итальянский мыслитель остановился на Антигитлеровской коалиции. Ее возникновение он связал с неосмотрительными действиями опять же Гитлера, с его фанатизмом и мегаломанией. Важно отметить тот факт, что Юлиус Эвола не относился к теоретикам, заявляющим о фатально неизбежном поражении стран Оси от сил единой Антигитлеровской коалиции. Он допускал мысль о возможном их разгроме, но поодиночке⁵⁸. Итальянский мыслитель считал, что был шанс полностью избежать создания Антигитлеровской коалиции в том виде, как она сложилась. В этом контексте он обращал внимание на мирную инициативу Гитлера, адресованную Великобритании летом 1940 г.⁵⁹

По Эволе, итоги Второй мировой войны плачевны. «Победоносная» Великобритания потеряла империю, хотя накануне войны ей это не грозило. То же самое можно сказать о Франции. Западная Европа отныне должна заискивать перед США в страхе за свою безопасность. Произошла коммунизация Китая и части Европы. Альтернатива «Третьего пути» померкла.

Главная ценность рассмотренных взглядов правых европейских мыслителей на геополитическую ситуацию в Европе накануне и во время Второй мировой войны состоит в том, что они адекватны общественным настроениям в нацистской Германии и фашистской Италии и оказали определенное воздействие на интеллектуальную ситуацию в Европе в тот период. Более того, геополитическая концепция К. Шмитта соответствует политике Гитлера в аспекте отсутствия универсалистской подоплеки и стремления вмешиваться в британское большое пространство. Таким образом, К. Шмитт, М. Хайдеггер и Ю. Эвола во внятном, обоснованном и развернутом виде выражали то, что в довольно неудачной форме пытались сформулировать нацистская и фашистская идеологии, а именно идею «Третьего пути», весьма актуальную для общественной ситуации того времени.

Примечания

¹ Историографию вопроса в зарубежной историографии см., напр.: *Рахмиров П. Ю.* Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии // Ежегодник германской истории, 1972. М., 1973. С. 409—431; *Он же.* Проблемы западноевропейского консерватизма в современной буржуазной историо-

- графии // *Он же*. Вариации на тему консерватизма. Пермь, 2004. С. 7—46; *Терехов О. Э.* Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово, 2011; *Он же*. «Консервативная революция» и национал-социализм в западногерманской историографии: основные этапы и тенденции развития (1950—1990-е гг.) // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: сб. науч. тр. Иваново, 2008. Вып. 4. С. 104—125; *Он же*. Проблема континуитета «консервативной революции» в истории немецкого консерватизма в современной германской историографии // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург, 2005. Вып. 3. С. 149—153; *Fritzsche K.* Konservatismus im gesellschaftlich-geschichtlichen Prozess (II): Konservatismus und «Konservative Revolution» // *Neue Politische Literatur*. 1979. 24 Heft. S. 295—317; *Kroll F. L.* Konservative Revolution und Nationalsozialismus: Aspekte und Perspektiven ihrer Erforschung // *Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus* / Hrsg. von K. Schrenck-Notzиг. Berlin, 2000. S. 103—118.
- ² См., напр.: *Аленов С. Г.* Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Меллер ван ден Брук // *Полис*. 2001. № 3. С. 123—139; *Артамошин С. В.* Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011; *Он же*. Размышления о кризисе постмодерна в книге Меллера ван ден Брука «Третий рейх» // Веймарская республика... Иваново, 2011. Вып. 5. С. 220—243; *Он же*. Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002; *Баев В. Г.* Карл Шмитт и его отношение к Веймарской конституции: относительная стабилизация капитализма 1924—1929 гг. // *Историко-правовой вестник*: сб. науч. ст. Тамбов, 2007. Вып. 2. С. 100—110; *Гузикова М. О.* «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; *Патрушев А. И.* Миры и мифы Освальда Шпенглера // *Новая и новейшая история*. 1996. № 3. С. 122—144; *Пленков О. Ю.* III Рейх: социализм Гитлера. СПб., 2004; *Он же*. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 2007.
- ³ *Михайловский А. В.* Борьба за Карла Шмитта: о рецепции и актуальности понятия политического // *Вопросы философии*. 2008. № 7. URL: <http://www.phil63.ru/borba-za-karla-shmitta> (дата обращения: 22.10.2012).
- ⁴ *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. С. 87.

- ⁵ *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 380.
- ⁶ Там же. С. 348.
- ⁷ Там же. С. 374.
- ⁸ Там же. С. 500.
- ⁹ Там же. С. 522.
- ¹⁰ Там же. С. 348.
- ¹¹ Там же. С. 351.
- ¹² Там же. С. 330.
- ¹³ Там же. С. 336.
- ¹⁴ Там же. С. 328.
- ¹⁵ Там же. С. 506.
- ¹⁶ Там же. С. 338.
- ¹⁷ Там же. С. 535.
- ¹⁸ Там же. С. 518.
- ¹⁹ Там же. С. 510.
- ²⁰ Там же. С. 513.
- ²¹ Там же. С. 509.
- ²² Там же. С. 494.
- ²³ Там же. С. 552.
- ²⁴ Там же. С. 527.
- ²⁵ Там же. С. 526.
- ²⁶ Там же. С. 529.
- ²⁷ Там же. С. 530.
- ²⁸ *Дугин А. Г.* Геополитика : учеб. пособие. М., 2011. URL: <http://4pt.su/ru/content/геополитика-учебное-пособие-2011> (дата обращения: 26.10.2012).
- ²⁹ *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=524> (дата обращения: 26.10.2012).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Шмитт К.* Номос Земли... С. 515.
- ³² *Михайловский А. В.* Указ. соч.
- ³³ *Шмитт К.* Номос Земли... С. 343.
- ³⁴ *Дугин А. Г.* Мартин Хайдеггер : философия другого Начала. М., 2010. С. 11.
- ³⁵ *Хайдеггер М.* Самоутверждение немецкого университета // Историко-философский ежегодник, 1994. М., 1995.
- ³⁶ *Хайдеггер М.* Парменид. СПб., 2009. С. 189.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Дугин А. Г.* Мартин Хайдеггер... С. 120.

- ³⁹ *Polt R.* Beyond struggle and power: Heidegger's secret resistance // Interpretation : a Journal of Political Philosophy. 2007. Vol. 35, i. 1. P. 26.
- ⁴⁰ *Хайдеггер М.* Гераклит. СПб., 2011. С. 106.
- ⁴¹ *Polt R.* Op. cit. P. 31.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid. P. 32.
- ⁴⁴ *Эвола Ю.* Евгений Савойский // Империя Солнца. Тамбов, 2010. С. 44.
- ⁴⁵ *Эвола Ю.* О духовных предпосылках европейского единства // Традиция и Европа. Тамбов, 2009. С. 194.
- ⁴⁶ Там же. С. 198.
- ⁴⁷ *Эвола Ю.* Рейх и империя как элементы нового европейского порядка // Традиция и Европа. С. 203.
- ⁴⁸ Там же. С. 212.
- ⁴⁹ *Эвола Ю.* Люди и руины : критика фашизма: взгляд справа. М., 2007. С. 419.
- ⁵⁰ Там же. С. 417.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 380.
- ⁵³ Там же. С. 418.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 419.
- ⁵⁶ Там же. С. 387.
- ⁵⁷ Там же. С. 352.
- ⁵⁸ Там же. С. 353.
- ⁵⁹ Там же. С. 416.

АННОТАЦИИ

Балдин К. Е. Роль провинциальной интеллигенции в формировании гражданского общества в России на рубеже XIX—XX веков (на примере города Иваново-Вознесенска)

Ключевые понятия: интеллигенция, Иваново-Вознесенск, предприниматели, общественные организации, гражданское общество, просветительная работа.

Статья посвящена деятельности интеллигенции в неполитических организациях — благотворительных, здравоохранительных, просветительных и др. Рассматривается становление элементов гражданского общества в российской провинции и участие в этом процессе интеллигенции и предпринимательских кругов.

Шипилов А. Д. Земская интеллигенция и костромское регионоведение в начале XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, земство, земская интеллигенция, регионоведение, Костромская область, творчество интеллигенции, историографический анализ.

Рассматривается роль земской интеллигенции в развитии костромского регионоведения в начале XX в. Дан историографический анализ трудов земских служащих по истории местной медицины, образования, экономики, статистики и др.

Константинов С. И. Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России

Ключевые понятия: Гражданская война, классы и партии в Гражданской войне, интеллигенция, военная интеллигенция, офицерский корпус.

Представлена широкая и красочная картина Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе. Изучаются судьбы русских офицеров. Анализируются позитивные и негативные последствия Гражданской войны для страны и советского режима. Публикация отличается публицистичностью, использованием значительного круга источников и литературы, включая и художественные тексты.

Золотарев О. В. Новая интеллигенция?

Ключевые понятия: интеллигенция, новая интеллигенция, государственная политика по отношению к интеллигенции, уровень жизни.

Предпринята попытка анализа общественно-политической обстановки конца XX — начала XXI века в России. Рассматриваются вопросы государственной политики по отношению к интеллигенции. Анализируется феномен новой интеллигенции.

Сибиряков И. В. Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор

Ключевые понятия: новая интеллигенция, моральные ценности, стратегия выживания, саморефлексия.

Рассматривается ряд факторов, оказавших заметное влияние на изменение социального статуса российской интеллигенции на рубеже XX—XXI вв., основные стратегии выживания, которые позволили интеллигенции пережить экономические и политические кризисы этого времени, некоторые проблемы самоидентификации современной интеллигенции. Особое внимание уделено роли новых информационных технологий в дальнейшей судьбе отечественной интеллигенции и первым результатам дискуссии о так называемой «новой интеллигенции», инициированной журналистами газеты «Московские новости» в 2012 г.

Завозяев И. И. Черты психографии современной интеллигенции и проблемы социальных технологий

Ключевые понятия: интеллигенция, психография, актуальные исследования, трансформация экономики, социальные технологии.

Обсуждается проблема изучения психографии современной интеллигенции. Отмечается, что исторически эта тематика была присуща отечественной науке. Обосновывается актуальность сопоставления психографических черт современной интеллигенции и характера общественно значимых задач.

Олейник И. И., Олейник О. Ю. Политика Советского государства в отношении юридической интеллигенции (1917—1920 гг.)

Ключевые понятия: Советское государство, юридическая интеллигенция, юристы.

Анализируются факторы, определявшие взаимоотношения юридической интеллигенции и советской власти в 1917—1920 годах. Раскрываются характерные черты политики советского государства по использованию юристов в деятельности органов юстиции.

Прокуратов И. В. Юридическая интеллигенция и «открытая бюрократия»

Ключевые понятия: интеллигенция, юридическая интеллигенция, бюрократия, «открытая бюрократия», юристы, адвокаты, судьи.

Рассматривается роль юридической интеллигенции в формировании открытой бюрократии. Проводится анализ открытой бюрократии, обосновывается использование термина «юридическая интеллигенция». Выделяются критерии отнесения юристов к интеллигенции. Освещаются проблемы, с которыми сталкиваются отдельные категории юристов.

Данилов А. А. К вопросу о дефиниции «интеллигенция» в античной и средневековой философии

Ключевые понятия: теории интеллигенций, «музыка сфер», Платон, Аристотель, восточный аристотелизм, аль-Фараби, аль-Кинди, Авиценна.

Рассматривается эволюция воззрений философов античности и средневековья на дефиницию «интеллигенция» от Платона и Аристотеля до представителей европейского и восточного аристотелизма. Подчеркивается связь теорий античных и средневековых мыслителей с современностью.

Денежкин М. Г. Проблемы генезиса европейской интеллигенции: средневековые ваганты

Ключевые понятия: средневековая интеллигенция, ваганты, средневековые университеты.

Анализируются средневековые латинские тексты поэзии вагантов. Выделяется ряд общественных функций, которые берут на себя ваганты в своем творчестве.

Бандурин М. А. Геополитическая ситуация в Европе накануне и во время Второй мировой войны во взглядах правых европейских мыслителей — Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эвола

Ключевые понятия: консерватизм, правая мысль, Третий путь, Карл Шмитт, геополитика, большое пространство, теллурократия, талассократия, Третий рейх, национал-социализм, Гитлер, Мартин Хайдеггер, американизм, советизм, техника, Вторая мировая война, Юлиус Эвола, ирредентизм, Метгерних.

Выявляется сходство и некоторое расхождение взглядов правых европейских мыслителей по ряду основных геополитических проблем, а также их позиция по отношению к официальному политическому курсу Третьего рейха и фашистской Италии. Большое внимание уделено прояснению геополитической теории Карла Шмитта.

ANNOTATIONS

Baldin K. E. Role of the provincial intelligentsia in formation of civil society in Russia at the boundary of the XIX—XX century (on the example of Ivanovo-Voznesensk)

Key-notions: intelligentsia, Ivanovo-Voznesensk, businessmen, public organizations, civil society, educational work.

The article is devoted to intelligentsia activity in non-political organizations — charitable, public health, educational, etc. at the end of epy XIX — the beginning of the XX century on the example of the town of Ivanovo-Voznesensk. It shows the formation of elements of civil society in the Russian province and participation of intelligentsia as well as enterprise circles in this process.

Shipilov A. D. The territorial intelligentsia and the Kostroma region study at the beginning of the XX century

Key-notions: intelligentsia, zemstvo, territorial intelligentsia, region study, Kostroma region, creativity of intelligentsia, historiography analysis.

The article shows the role of the territorial intelligentsia in development of the Kostroma region study at the beginning of the XX century. The historiography analysis of the works of territorial employees on history of local medicine, education, economy, statistics, etc. is given.

Konstantinov S. I. Specifics of Civil war in the Uralo-Povolzhsky region and the military intelligentsia of Russia

Key-notions: Civil war, classes and parties in Civil war, intelligentsia, the military intelligentsia, the officers' case.

The article gives wide and colorful picture of Civil war in the Uralo-Povolzhsky region. The publication is distinguished by publicism, by the use of a considerable number of sources and literature, including art texts. The author describes and analyzes destinies of Russian officers — participants of

Civil war. Positive and negative consequences of Civil war for the country and the Soviet regime are studied.

Zolotaryov O. V. New intelligentsia?

Key-notions: intelligentsia, the new intelligentsia, state policy in relation to the intelligentsia, a standard of living.

The author has attempted to analyze the political situation of the end of the XX — the beginning of the XXI century in Russia. Issues of a state policy concerning intelligentsia are considered. The phenomenon of the new intelligentsia is analyzed.

Sibiriyakov I. V. Modern Russian intelligentsia: premature conversation

Key-notions: new intelligentsia, moral values, survival strategy, self-reflection.

The article shows the number of the factors which had noticeable impact on the change of the social status of Russian intelligentsia at the boundary of the XX—XXI centuries, the main strategy of a survival which allowed the intelligentsia to endure economic and political crises of that time, some problems of self-identification of the modern intelligentsia. Special attention in the article is paid to a role of new information technologies in further destiny of the native intelligentsia and to the first results of discussion about the so-called «new intelligentsia» which was initiated by journalists of the Moscow News in 2012.

Zavozyaev I. I. Features of psychographics of the modern intelligentsia and problems of social technologies

Key-notions: intelligentsia, psychographics, actual researches, economy transformation, social technologies.

In the article the problem of psychographics of the modern intelligentsia study is discussed. It is noted that this subject was historically inherent in national science. In a modern public and social situation there was the whole complex of new creative and practical tasks connected with the change of the existing type of economy for activity of representatives of the intelligentsia. Large-scale introduction of innovative development and modernization of national education systems necessary for this purpose becomes a main objective of going processes. In this regard comparison of psychographic features of the modern intelligentsia and a character of socially significant tasks becomes an actual topic of scientific researches.

Oleynik I. I., Oleynik O. Y. Policy of the Soviet government concerning the legal intelligentsia (1917—1920)

Key-notions: Soviet government, legal intelligentsia, lawyers.

In the article the factors defining relationship of the legal intelligentsia and the Soviet power in 1917 — 1920 are analyzed. Features of policy of the Soviet government on involvement of lawyers in activity of judicial authorities are revealed.

Prokuratov I. V. Legal intelligentsia and «open bureaucracy»

Key-notions: intelligentsia, legal intelligentsia, bureaucracy, «open bureaucracy», lawyers, advocats, judges.

In the article the role of the legal intelligentsia in formation of open bureaucracy is shown. The analysis of open bureaucracy is carried out. The term «legal intelligentsia» is discussed. Criteria of relevancy of lawyers to the intellectuals are stressed. Problems which some categories of lawyers face are revealed.

Danilov A. A. Revisited the definition «intelligentsia» in ancient and medieval philosophy

Key-notions: theories of intelligentsia, «music of spheres», Platon, Aristotle, east aristotelizm, Al-Farabi, Al-Kindi, Avicenna.

Evolution of views of philosophers of Antiquity and the Middle Ages on a definition «intelligentsia» from Platon and Aristotle to representatives of European and East aristotelism is considered. Connection of antique and medieval thinkers' theories with the present is emphasized.

Denezhkin M. G. Problems of genesis of the European intelligentsia: medieval vagants

Key-notions: medieval intelligentsia, vagants, medieval universities.

The article is devoted to a debatable question of genesis of the European intelligentsia in the Middle Ages. The series of observations of the author, made during the work with medieval Latin texts of poetry of vagants have become the basis for raising such an issue. A number of public functions which were assumed by vagants in their creativity is emphasized. Proceeding from these public functions, the question of considering vagants as intellectuals is raised as well. In the article it is noted that the first universities were the social base for a group of people that may be called «the medieval intellectuals».

Bandurin M. A. Geopolitical situation in Europe on the eve of and during the World War II in views of right European thinkers Charles Schmitt, Martin Heidegger, Julius Evola

Key-notions: conservatism, right thought, Third way, Charles Schmitt, geopolitics, big space, tellurokratiya, talassokratiya, Third Reich, national socialism, Hitler, Martin Heidegger, Americanism, Sovietism, equipment, World War II, Julius Evola, irredentism, Metternikh.

The article analyzes the views of the right European thinkers in the context of consideration of a geopolitical situation by them on the eve of and in the years of the World War II. Their similarity and some divergence on a number of the main problems, as well as a position of thinkers towards the official political policy of the Third Reich and fascist Italy are revealed. Much attention is paid to clearing up the geopolitical theory of Charles Schmitt. Views of thinkers supplement each other and shed light on a number of important features of a geopolitical situation of the considered period.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2013 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 20.06.2013 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

